

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

1 (36)

журнал выходит четыре раза в год

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
№ 1 (36), 2018

Научный журнал. Выходит 4 раза в год. Издаётся с 1968 г.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционный совет

Акад. РАН *В.И. Тишков* (*председатель*);
член-корр. РАН *Х.И. Амирханов*; акад. РАН *Н.Н. Казанский*;
акад. РАН *А.Б. Куделин*; член-корр. РАН *В.В. Наумкин*;
д.и.н. *Ю.А. Петров*; д.и.н. *В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *Б.Х. Бгажноков*, д.ф.н. *Б.Ч. Бижоев*, д.ф.н. *Ж.М. Гузеев*,
д.ф.н. *А.М. Готов*, к.и.н. *А.Г. Кажаров*, к.и.н. *З.М. Кешева*,
к.ф.н. *Д.М. Кумыкова* (*ответственный секретарь*), д.ф.н. *Х.Х. Малкондуев*,
к.ф.н. *Л.Х. Махиева*, к.и.н. *Р.Г. Ошироев*, к.и.н. *Д.Н. Прасолов*,
д.ф.н. *Х.Т. Тимижев*, к.и.н. *В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

1 (36)
the journal comes out four times a year

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 1 (36), 2018**

Scientific journal. Published 4 times a year. Published since 1968
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (chairman), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *H.H. Malkonduiev*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кузьминов П.А.</i> Социальная политика Российского правительства на Северном Кавказе в XVIII – 60-х годах XIX вв.	7
<i>Марзоев И.Т.</i> Осетины Дигорского общества Северной Осетии в Первой мировой войне	14
<i>Мирзоев А.С.</i> Военная культура черкесов и связанная с ней терминология	20
<i>Алоев Т.Х.</i> «Искусство быть неподвластным»: к завязке «мятежнической вспышки» кабардинцев 1868 г.	29
<i>Курбанов А.Д.</i> Присоединение Гази-Кумухского ханства к России	46
<i>Прасолов Д.Н.</i> К вопросу о преемственности представительных институтов кабардинцев и балкарцев в XIX в.	52

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Базиева Г.Д.</i> Массово-зрелищная культура как форма активизации межэтнического диалога в современных условиях	58
<i>Кешиева З.М.</i> Природно-географических ресурсы Кабардино-Балкарии как факторы формирования туристических брендов	63
<i>Тетуев А.И.</i> Политические партии как институт взаимодействия гражданского общества и государства в современной России (на материалах Кабардино-Балкарии)	69

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Аппоев А.К.</i> Функционирование частиц в карачаево-балкарском языке	75
<i>Гукетлова Ф.Н., Шериева Н.Г.</i> Оценочная функция зооморфных образов в разноструктурных языках	81
<i>Кумыкова (Гучашиева) Э.Т., Кумыкова Д.М., Гукетлова Ф.Н.</i> Семантическое взаимодействие прилагательного и существительного: уровни анализа	86
<i>Сарбашева А.М.</i> Историко-документальная основа трагедии «Артугай» А. Тепшеева	90
<i>Узденова Ф.Т.</i> Лирозпос: особенности становления и развития (на материале северокавказской поэмы)	96
<i>Харатокова М.Г., Хапсирокова Л.М.</i> Новейшие англицизмы в абазинском языке	102

РЕЦЕНЗИИ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Жанситов О.А.</i> Свидетельства тоталитарного прошлого	107
<i>Узденова Ф.Т.</i> Духовная литература как фактор сохранения национальной идентичности	110

CONTENT

HISTORICAL SCIENCE

<i>Kuzminov P.A.</i> Social politics of the Russian government in the North Caucasus in the XVIII – 60-ies of the XIX centuries	7
<i>Marzoev I.T.</i> Ossetians of the Digor society of North Ossetia in the First world war	14
<i>Mirzoyev A.S.</i> Military culture of circassians and related terminology	20
<i>Aloev T.H.</i> «The Art of Not Being governed»: to opening «mutinous burst» of the cabardians in 1868	29
<i>Kurbanov A.D.</i> Connection Of Gas-Kumukh khanost to Russia	46
<i>Prasolov D.N.</i> To a question of continuity of representative institutes of Kabardians and Balkars in the 19 th century	52

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Bazieva G.D.</i> Mass-spectacular culture as a form of activization of interethnic dialogue in modern conditions	58
<i>Kesheva Z.M.</i> Natural-geographical resources of Kabardino-Balkariya as factors of formation of touristic brands	63
<i>Tetuyev A.I.</i> Political parties as an institute for interaction of civil society and state in contemporary Russia (on the materials of Kabardino-Balkaria)	69

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM

<i>Appoev A.K.</i> Particle functioning in karachayevo-balkarian language	75
<i>Guketlova F.N., Sherieva N.G.</i> Zoomorphisms as a mean of representation of the facts of culture in the process of secondary conceptualization	81
<i>Kumykova (Guchapsheva) E.T., Kumykova D.M., Guketlova F.N.</i> Semantic interaction of the adjective and the noun: levels of analysis	86
<i>Sarbasheva A.M.</i> Historical and documentary basis of the A. Teppeev's tragedy «Ortutay»	90
<i>Uzdenova F.T.</i> Lyric epos: features of formation and development (on the material of the North Caucasian poem)	96
<i>Kharatokova M.G., Khapsirokova L.M.</i> The latest angliczism in the Abaza language	102

REVIEWS AND MATERIALS

<i>Zhansitov O.A.</i> Evidence of the totalitarian past	107
<i>Uzdenova F.T.</i> Spiritual Literature as a Factor of Preservation of National Identity	110

УДК 93/94(470.6)«18»

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-7-13

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVIII – 60-х ГОДАХ XIX ВВ.

Кузьминов Петр Абрамович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», petrakis_hist@bk.ru

В статье анализируется слабо разработанная проблема: качество социальной политики коронного правительства в отношении народов Северного Кавказа. Отмечается, что на протяжении ста лет она существенно трансформировалась, от полной поддержки элиты горского общества, до ликвидации зависимых и рабских отношений, не взирая на серьезные протесты знати. Приведено количество освобожденных по всем регионам Северного Кавказа, в том числе Ставропольской губернии, Терскому и Кубанскому казачьим войскам.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, социальная политика, освобождение зависимых сословий.

Проблемы социального партнерства, социального равенства или социальных конфликтов и эксплуатации человека человеком – всегда остро стояли в исторической науке. Их развитие или, наоборот, искоренение, формировали своеобразную систему координат, которая определяла рамки жизненного пространства для жителей социума. Уничтожение любых форм эксплуатации человека человеком, в условиях цивилизованного общества, всегда оценивалось как гуманная и благородная задача, поэтому не случайно данной проблеме посвящено множество статей, очерков, монографических исследований.

Характерно это и для народов Кавказа, где к началу XIX века сохранились не только зависимые феодальные отношения, но и разнообразные формы рабства. Их ликвидация – открывала дорогу к модернизации и просвещению горских обществ.

Распространение власти Российской империи на окраины государства поставило вопрос о регулировании сословных отношений в этих регионах на основе российского права. По указу императрицы Елизаветы Петровны от 14 марта 1746 г., лицам «не имеющим прав российских дворян было решительно воспрещено иметь крепостных крестьян». Несмотря на этот указ, принципы свободы и вольности, характерные для казачества, крепостничество все же существовало и на Кубани, и на Тереке «в довольно значительных размерах и при этом в виде полного рабства, хотя и не проявлялось в таких крайних, нередко ужасных формах, как это сплошь и рядом бывало в других местностях России»¹.

Указ от 6 февраля 1754 г. предоставил владение крепостными людьми только потомственным дворянам и военным, дослужившимся до обер-офицерских чинов. Права эти были подтверждены и расширены Манифестами 18 февраля 1762 г. и 21 апреля 1785 г., причем последний разрешал «помещикам совершенно лишать крестьян земли и держать их как рабочую силу, или брать себе во двор для личных услуг, или же даже отдавать другим в найм, лишь бы крепостные люди по ревизским сказкам значились приписанными к тому или другому недвижимому имению»².

Укрепление России в Предкавказье, строительство Кавказской военной линии, отсекающей степные просторы от горцев, остро поставило вопрос о «союзниках» внутри горских обществ, которые бы стали «защитниками» интересов метрополии в крае. В зависимости от характера отношений Российского правительства с народами Кавказа, менялись и акценты социальной политики. Сближение с феодальной элитой Кабарды, Кумыкии, Дагестана было понятно и оправдано, с точки зрения социальных приоритетов дворянского государства, и эта сторона прекрасно отражена в сборниках документов «Кабардино-русские отношения»³. Сложнее обстоит вопрос об отношении к горскому крестьянству.

Периодически правительство поддерживало различные категории крестьян. Казалось бы, «мезальянс» здесь не возможен и, тем не менее, широко известно, что зависимым горским крестьянам и рабам за обещание принять христианство, давали свободу, землю, денежную помощь⁴. То есть страх горской элиты перед угрозой лишения рабочей силы, был той силой, без которой, как откровенно говорили князья, «мы пропадем»⁵ и делал знать «мягче» по многим проблемам взаимоотношения с российскими властями.

Ведущей формой бегства крестьян в 50–60-е годы XVIII в. были индивидуальные, которые постепенно сменяются групповыми и коллективными. Среди беглецов, по мнению Х.Ж. Берова, преобладали ясыри-рабы, которые составляли примерно две трети всех выходцев из Кабарды⁶. Моздок стал главным центром притяжения беглых горских крестьян из Кабарды и Осетии.

Во время русско-турецких войн (1768–1774 гг., 1787–1791 гг., 1806–1812 гг. и др.) правительство из-за опасения перехода владельцев на сторону Турции отказывалось от открытой поддержки беглых крестьян, но выгоды социального «крючка» оно осознало. **В общую присягу, взятую с кабардинцев в декабре 1779 г., «был внесен специальный пункт, согласно которому «черный народ» имел право отходить от владельцев и поселяться в пограничных районах, если владельцы будут притеснять его непомерным повышением повинности и требованиями переселяться в другие места вместе с ними».** Этим постановлением, пишет В.К. Гарданов, «фактически было сведено на нет, данное грамотой Екатерины II обещание кабардинским феодалам не принимать впредь убегающих от них «холопов», если даже они примут христианство»⁷.

В XIX в. правительство России стремится регулировать и контролировать отношения владельцев с их подвластными. **В 1804 г. был опубликован указ Александра I о запрещении торговли закубанскими невольниками, а в 1808 г. приказано «всех ясырей считать свободными от рабства и предоставить им род жизни по собственному желанию каждого»**⁸.

В 1810 г. представители кабардинского «черного» народа просили кавказскую администрацию, «что он, будучи чрезвычайно от владельцев и узденей своих притесняем и разоряем, желает, чтобы Российское Правительство приняло его под свое покровительство, и он согласен во всякое время оставить Кабарду и поселиться в границах наших, там, где благоугодно будет начальству назначить ему места к поселению на здешней линии»⁹. После долгого обсуждения администрация отклонила просьбу зависимых сословий, но сам факт обращения симптоматичен.

В 1821 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал А.П. Ермолов издал распоряжение о том, чтобы «ногайцы не приобретали себе вновь ясырей, а ранее приобретенных не продавали бы без ведома начальства». Но в 1823 г., после «удачного военного похода в горы, было захвачено около 2 тыс. пленников, которых генерал Вельяминов предложил купить ногайцам по цене 150–200 руб. за каждого». Понятно, что этот совет фактически «отменял прежние ограничения работоторговли, и ногайцы не преминули этим воспользоваться и стали приобретать новых рабов»¹⁰.

В 1827 г. по указанию нового главнокомандующего Кавказским корпусом генерала И.Ф. Паскевича стали собирать сведения о ясырях и их взаимоотношениях с рабовладельцами. В принятом «Уставе для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» говорилось, чтобы «холопы оставались у тех именно хозяев, у которых они находились до приведения их в известность господином стацким советником Ребровым (т. е. до 1823 г. – П.К.), без перехода из рук в руки (т.е. **фактически запрещалось продавать, дарить, обменивать, закладывать своих рабов** – П. К.), допуская однако ж из всего изъятие для тех только хозяев, кои пожелали бы принадлежащих им людей отпустить на волю»¹¹.

На основании выработанных депутатами правил и заключения Паскевича, Государственным Советом 17 мая 1835 г. было принято постановление «об отношениях кавказских ясырей или холопов к их владельцам», где в 23 пунктах регламентировались отношения ясырей и владельцев¹², реализация которых должна была привести к постепенному уничтожению рабства. Этим же законом было запрещено само название «ясырь», означающее раб, невольник, как несвойственные для России, но как и ранее принятые законы, регламентирующие социальные отношения у народов Северного Кавказа, не «работал» и этот, поскольку в самой России крепостное право по-прежнему процветало.

Распространение идей тариката и мюридизма в 20–30-е годы XIX в. привело к возникновению в 1834 г. имамата Шамиля. Пытаясь расширить социальную опору среди горцев, Шамиль не только пропагандировал идеи социального равенства мусульман, но, разгромив и подчинив Казикумухское ханство и Кайтагское уцмийство, освободил рабов и отдельные категории зависимых крестьян. Информация об этом событии стала известна в горах, что, безусловно, расширило народную поддержку действий Шамиля.

Возможно, под влиянием этих идей Кавказская администрация также решила «разыграть крестьянскую карту». Было принято постановление о том, что «все зависимые крестьяне, холопы, рабы, изъявившие готовность принять православную веру, начиная с 1858 г. освобождаются от крепостной неволи»¹³. Действительно, уже через некоторое время были отмечены случаи «множественного обращения к православному духовенству принять их в христианство с целью получить свободу из холопства»¹⁴. В свою очередь, Штаб войск Левого крыла Кавказской линии получил много жалоб от владельцев, утверждавших, что «холопы не с убеждением крестятся, потому, как не имеют к тому душевных призваний, а дабы избавиться от нашей власти». Они просили администрацию «отменить прежнее свое распоряжение и приказать духовным лицам, не допускать холопов тайно, без соглашения с владельцами к православию, т.к. они теряют всякую надежду на сохранение своей собственности, ибо одни холопы получают свободу бегством к непокорным горцам (ее дарует им Шамиль), а другие принятием христианства»¹⁵. Под давлением владельцев в конце 1859 г. были обнародованы новые условия «для горцев, изъявивших желание принять российскую веру», которыми распоряжение 1858 г. по существу отменялось.

19 февраля 1861 г. Александр II подписал «Манифест о всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта» и еще 16 законодательных актов, которые сформировали законодательное поле эмансипации крепостных крестьян и наделения их землей¹⁶. В число 17 законодательных актов вошел «Высочайший указ Правительствующему Сенату о приведении к одним общим началам всего сельского населения в государстве, кои состоят в даровании всему этому населению личной свободы и права причисляться к городским и сельским обществам»¹⁷. Этот указ Александра II незаслуженно забыт исследователями-кавказоведами, но именно он стал

первым правовым актом, с которого начался реальный процесс освобождения зависимых сословий в Предкавказье.

Исследуя крестьянскую реформу на Ставрополье, М. Баркалов выделил четыре вида крепостного состояния крестьян:

1. Обыкновенные крепостные отношения помещиков к крестьянам.
2. Ясыри – то есть холопы, рабы, невольники (у представителей кочевых и горских народов – *П.К.*) сосредоточены были в Пятигорском и Кизлярском уездах.
3. В Туркменской, Ногайской и Карачаевской (так у автора – *П.К.*) степях находились в зависимости от кочевых народов особого рода холопы, которых Главное Кавказское начальство считало также ясырями.
4. В Большедербетовском улусе существовали крепостные люди, находившиеся под властью местного нойона и зайсангов¹⁸.

По сведениям Ставропольской Казенной палаты, численность крепостных в губернии составляла 7694 д.м.п. Число же женщин крепостных по X ревизии (1858 г.) составляло 7759 душ¹⁹. То есть всего 15453, но эти данные касались только первой группы, остальные виды зависимого населения не вошли в этот список.

Под влиянием процесса эмансипации русских крепостных, главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии надворный советник Мевес предложил улусным приставам склонить владельцев к освобождению ясырей. 13 декабря 1861 г. пристав штабс-капитан Иванов обсудив вопрос «с тухменцами убедил их утвердить приговор, в котором владельцы отказались безвозмездно от права владения и предоставили 700 холопам полную свободу»²⁰. Характерно, что в представленном приговоре владельцы обосновывают свое решение волей Александра II дать свободу всем крестьянам: «теперь же, чтобы не остаться равнодушными в предпринятом Государем уничтожении прежнего крепостного состояния, мы освободили своих крестьян и рабов, чтобы они пользовались отныне такою же независимостью, какую пользуемся, и мы»²¹.

Пристав Караногай-Едишульского народа поручик Гриневич в марте 1862 г. «следуя примеру тухменского пристава, при содействии почетных в народе сем, склонил вверенный ему народ к согласию на уничтожение у себя ясырей». Так было освобождено еще 300 невольников, т. е. всего более 1000 чел.²² На освобожденных было распространено действие «Положение 19 февраля 1861 г. об устройстве дворовых людей как в отношении приписки их к обществам, так и в отношении льгот им при сем случае даруемых»²³.

В 1861 г. мировым посредником Федоренко было освобождено 227 ясырей обоего пола, принадлежавших магометанам Пятигорского уезда, в том числе ногайцам²⁴.

В 1865 г. были освобождены последние 153 ясыря²⁵. Таким образом, общая численность освобожденных ясырей достигает 1400 д.об.п. Подчеркнем, все они получили свободу не на основе норм обычного права с уплатой владельцу выкупа, а бесплатно, под давлением администрации. Вместе с крепостными ставропольских помещиков было освобождено около 17 тысяч.

По мнению большинства историков, кубанское и терское казачество не испытало язвы крепостничества, а социальные отношения строились на основе вольнолюбивых казачьих традиций²⁶. Случаи закрепощения домовитыми казаками сиромы, беглых, бродяг, драбантов и других социальных категорий, отмечали лишь некоторые исследователи²⁷.

Точно определить количество крепостных среди казаков пока невозможно. Это объясняется тем, что владельцы-казаки уклонялись от регистрации своих крепостных. Для их подсчета Г.Я. Крьюжановский использовал такой оригинальный документ как исповедальные росписи, которые велись священниками в своих приходах. По его данным, в 1800г. в г. Екатеринодаре, г. Тамани и 24 куренях было 845 крепостных. Но это число не отражает реальное количество зависимых, т.к.

исповедная роспись сохранилась не вся²⁸. По сведениям В.С. Шамрая в 1852 г. их было 1045 д.об.п.²⁹

Помимо собственно русских крепостных принадлежащих казакам, была еще одна категория зависимых, записанных за офицерами-горцами, вступивших в Кубанское казачье войско. По выявленным нами документам, в Гривенской Черкесской станице зависимых горцев было 135 д.об.п., в Переясловском поселке – 14 д.об.п., в Татарском поселке – 14 д.об.п.³⁰, в армянском поселке Армавир – 207 д.об.п.³¹

В Терском казачьем войске на 29 января 1863 г. таких «неучтенных» крепостных числилось: 1. В 1-й Волгской бригаде – 247 д.об.п.; 2. В Горском казачьем полку – 74 д.об.п.; 3. В Моздокском казачьем полку – 3 д.об.п.; 4. Не приписаны нигде – 2 д.об.п. Всего – 326 д.об.п.³²

Решением Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича «крестьяне и холопы, находившиеся у казаков из туземцев, объявлены свободными 21 сентября 1864 г.»³³. Всего, таким образом, было освобождено еще около 700 чел.

Известия об освобождении зависимых сословий у казаков-горцев быстро распространились по всему Северному Кавказу. С этого момента вопрос об эмансипации зависимых крестьян у горских народов Северного Кавказа стал делом времени.

В процессе мирного и военного освоения Северного Кавказа имперское правительство России вынуждено было «заигрывать» с крестьянством, искать его социальной поддержки, поэтому проводит ряд мер, ограничивающих рабство в крае.

Освобождение крепостных в Ставропольской губернии, в Кубанском и Терском казачьем войсках активизировало антифеодальные выступления зависимых сословий горцев, что заставляет Кавказскую администрацию ускорить процесс эмансипации. В свою очередь, эта борьба толкала феодальную элиту, владельцев к переселению в Турцию, чтобы сохранить свою собственность – своих подвластных крестьян.

Главное же все-таки в другом. Какие бы цели не преследовало правительство, какие бы экономические расчеты не строило, какие бы дивиденды оно не собиралось получить от «замирения» Кавказа – десятки тысяч ясырей, невольников, кулов, зависимых горцев получили реальную свободу, бесплатный земельный надел, некоторые имущественные права граждан России. Механизм социокультурного взаимодействия России и народов Северного Кавказа начал работать. Горские общества оказались втянуты в общероссийские модернизационные процессы, способствующие развитию новых социальных, экономических и культурных отношений в крае.

Примечания

1. *Крыжановский Г.Я.* Крепостное право в земле Черноморского, ныне Кубанского казачьего войска // Известия общества любителей истории Кубанской области. Вып. 5. Екатеринодар, 1912. С. 123.

2. *Пичета В.И.* Крестьянский вопрос и отношение к нему правительства общества в первой четверти XIX в. // Крепостное право в России и реформа 19 февраля 1861 г. СПб., 1902. С. 74.

3. См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. Док. № 11; 12; 15; 16; 17; 34; 35; 41; 53; 56; 71; 77; 80; 88; 91; 115; 121; 151; 158; 165; 180; 212 и др.; Русско-осетинские отношения в XVIII в. В 2-х т. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. Док. № 37; 41; 42; 44; 47; 49; 51; 77; 78; 85; 98; 100; 104; 112; 121; 122; 123; 127; 140; 142; 149; 156; 157; 164; 190; 205 и др.; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. Док. № 1; 2; 4; 5; 10; 14; 16; 23; 24; 25; 29; 31; 38; 47; 52; 55; 59; 64; 66; 70; 95; 109; 118; 132; 149; 158; 174; 176; 210; 219; 235; 241 и др.

4. См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2. Док. № 23; 94; 98; 125; 167; 175; 177; 190; 192; 193; 197 и др.; Русско-осетинские отношения в XVIII в. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. Док. № 211; 212; 213; 214; 219; 221; 222 и др.; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. Док. № 42; 83; 86; 119; 153; 154; 232; 280 и др.

5. *Скитский Б.В.* Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды. 1739–1779. Владикавказ, 1930. С. 5.

6. *Беров Х.Ж.* Изучение антифеодального движения адыгских народов в советской исторической литературе // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1992. С. 79.

7. *Гарданов В.К.* Классовая борьба в Кабарде и Балкарии в XVIII в. // История КБАССР. В 2-х т. М., 1967. Т. 1. С. 156.

8. Об освобождении от рабства всех невольников, известных под именем ясырь и о предоставлении им свободы избрать род жизни. Именной указ Александра I Херсонскому военному губернатору // ПСЗРИ. 2-е изд. 1857. Т. XXX. 1808 г. Ст. 22925.

9. Рапорт Г.-М. Дельпоццо ген. Тормасову от 12 февраля 1810 г. // Из документальной истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Нальчик, 2000. С. 274.

10. *Рудаковский А.О.* О ясырях // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 235.

11. *Шамрай В.С.* Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу // Кубанский сборник. Т. 12. Екатеринодар, 1907. С. 25.

12. ПСЗРИ. 2-е изд. 1857. Т. 10. Отд. 1. 1835. Ст. 8138.

13. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 1236. Л. 2.

14. Там же. Л. 8.

15. Там же. Д. 1254. Л. 7.

16. Эти законы кодифицированы в ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. Т. 36.

17. ЦГИА. Ф. 545. Оп. 1. Д. 3301. Л. 65.

18. *Баркалов М.* О значении реформы 19 февраля 1861 г. для Ставропольской губернии // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 4. Ставрополь, 1911. С. 5.

19. Там же. Л. 117.

20. *Шамрай В.С.* Указ. соч. С. 68–69.

21. ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 50. Л. 9.

22. *Шамрай В.С.* Указ. соч. С. 71, 84, 85. Эти данные подтверждаются архивными материалами. См., например: ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 23. Л. 82; Д. 33. Л. 4 и др.

23. ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 50. Л. 49.

24. *Шамрай В.С.* Указ. соч. С. 83.

25. Там же. С. 81.

26. См.: *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1859; *Его же.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880; *Короленко П.П.* Черноморцы. СПб., 1877; *Бентковский И.В.* Гребенцы. М., 1889 и др.

27. *Крыжановский Г.Я.* Указ. соч.; *Щербина Ф.А.* Из истории освобождения крестьян // Кубанский край. 1911. 19 февраля; *Голобуцкий В.А.* Беглые и крепостные на Кубани в дореформенный период // Ученые записки Казанского гос. университета. Т. 114. Кн. 8. Казань, 1954; *Шевченко Н.Г.* Черноморское казачество в конце XVIII – половине XIX в. Краснодар, 1993 и др.

28. *Крыжановский Г.Я.* Указ. соч. С. 128.

29. *Шамрай В.С.* Историческая справка к вопросу об освобождении крепостных в Ставропольской губернии и Черномории и документы, относящиеся к этому вопросу // Кубанский сборник. Т. 9. Екатеринодар, 1902. С. 59.

30. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 34. Л. 25–34.

31. Там же. Д. 24. Л. 81.

32. Там же. Д. 32. Л. 87–118.

33. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 719. Л. 4.

**SOCIAL POLITICS OF THE RUSSIAN GOVERNMENT
IN THE NORTH CAUCASUS IN THE XVIII – 60^{IES} OF THE XIX CENTURIES**

Kuzminov Peter Abramovich, Doctor of History, Professor of the Department of Russian history of the Kabardino-Balkarian state university named after Kh.M. Berbekov, petrakis_hist@bk.ru

The article examines the problem of poorly designed: the quality of social policy of the government of the crown in relation to the peoples of the North Caucasus. It is noted that for a hundred years, it has significantly transformed, from full support of the elite of highland society, to the elimination of the dependent and slave relationship, despite the serious protests of the nobility. Given the amount of released across all regions of the North Caucasus, including the Stavropol province, the Terek and Kuban Cossack troops.

Keywords: Russia, North Caucasus, social politics, liberation of dependent classes.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-7-13

ОСЕТИНЫ ДИГОРСКОГО ОБЩЕСТВА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Марзоев Ислам-Бек Темурканович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, is-bek@yandex.ru

Статья посвящена осетинам – представителям Дигорского общества Владикавказского округа Терской области, участникам Первой мировой войны 1914–1918 гг. Представлена краткая история Осетинского конного дивизиона, данные о службе офицеров-осетин этого подразделения, их боевых заслугах и наградах.

Ключевые слова: Российская Империя, Северный Кавказ, Первая мировая война, осетины, награды, воинская служба, офицеры.

Осетинский конный дивизион – воинское подразделение в составе русской императорской армии был сформирован в составе Терско-Горского конного полка во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. По введении общей воинской повинности на Кавказе 1 августа 1887 г., из осетин, новобранцев Терской области, был образован особый эскадрон в составе 1-го Сунженско-Владикавказского конного полка Терского казачьего войска. В 1888 году был сформирован второй эскадрон. 26 октября 1891 года оба эскадрона выделены из полка и соединены в отдельный дивизион, названный Осетинским конным дивизионом. Приказом по военному ведомству № 274 он был причислен к Кавказской кавалерийской дивизии¹.

За особые боевые отличия и заслуги, проявленный личным составом героизм и отвагу, дивизиону было присвоено Георгиевское знамя. Затем он был расформирован и вновь восстановлен лишь 10 июля 1890 г., после того как осетины-мусульмане добились права служить на равных с осетинами-христианами (пр. в.в. № 201 от 1890 г.). Возглавил дивизион полковник А.Э. фон Крузенштерн. 6 мая 1897 г. дивизиону был пожалован штандарт, а 3 ноября 1899 г. штандарт был освящен и вручен дивизиону.

По числу всадников и по боевым качествам на рубеже XIX–XX вв. российская конница лидировала в мире. С началом Первой мировой войны в 1914 г. командующий Кавказским военным округом граф И.И. Воронцов-Дашков предложил Николаю II «мобилизовать воинственные кавказские народы». Последовало высочайшее повеление, по которому из добровольно прибывших на фронт кавказцев стали формировать полки знаменитой Кавказской Туземной дивизии, вошедшую в историю как «Дикая дивизия». Она была сформирована из шести четырехсотенных полков: Ингушского, Чеченского, Татарского, Черкесского, Кабардинского и 2-го Дагестанского на основании высочайшего указа 23 августа 1914 года на территории Северного Кавказа. Составившие ее горцы являли чудеса храбрости. Дивизия быстро прославилась на весь мир. Во главе дивизии стоял брат императора, Свиты Его Величества генерал-лейтенант великий князь Михаил Александрович².

Состав дивизии был интернациональным. В ней состояли кабардинцы, балкарцы, русские, украинцы, белорусы, осетины, поляки, татары, армяне и грузины. Служить в ней почитали для себя за честь представители самой родовой русской, кавказской и европейской аристократии.

По сообщению газеты «Терские ведомости» в феврале 1916 г., всадники поражают всякого, первый раз сталкивающегося с ними. «Их своеобразные взгляды на войну, их легендарная храбрость, доходящая до чисто легендарных пределов, и весь колорит этой своеобразной воинской части, состоящей из представителей всех народов Кавказа, не могут быть никогда забыты»³.

В истории «Дикой дивизии» нет ни единого случая даже единоличного дезертирства. Около 3500 всадников были удостоены Георгиевских крестов и Георгиевских медалей «За храбрость»⁴.

Осетинский конный дивизион принял активное участие в Первой мировой войне. С 8 июля 1911 г. по 25 января 1915 г. командование дивизионом осуществлялось полковником Сафарбеком Таусултановичем Мальсаговым⁵. С 9 декабря 1915 г. по 18 мая 1917 г. подразделением командовал полковник Абдул-Бек Табасаранский, которого сменил полковник Василий Дахцикоевич Хетагуров в период с 26 мая 1917 г. по 11 июля 1917 г., а затем полковник Сафон Гагевич Урумов, принявший командование 24 октября 1917 г.

С 30 ноября 1915 г. Осетинский конный полк в составе 6-ти сотен причислен к регулярной кавалерии. 21 августа 1917 г. полк назначен в состав 2-й бригады 2-й Туземной Конной дивизии, во вновь учрежденный Туземный конный корпус.

Газета «Петроградские ведомости» в 1916 г. сообщила, что Осетинский дивизион, участвующий в настоящей войне с самого начала уже зарекомендовал себя как отличный боевой материал: «Рассказывают такой случай из нынешней войны. В одном деле с австрийцами осетинский дивизион оказался окруженным превосходящим числом неприятеля. Казалось, выхода больше не было, как только сдаться, чего, видимо, уже ожидал неприятель, осыпая осетин градом пуль. Но осетины твердо помнили завет отцов не сдаваться с оружием в руках. Такая сдача у горцев – позор не только для сдавшихся живым врагу, но и для всего остального их рода. Они запели старинную боевую песню, которую поют в предсмертный час жесткого боя, и во главе со своим офицером, тоже осетином, бросились на врага, смяли его и прорвались к своим. Хотя это не обошлось для них без потерь, но сдача врагу пугала их сильнее смерти»⁶.

Из осетин, представителей привилегированных родов Дигорского общества Северной Осетии, в составе подразделений Дикой дивизии и 1-м Сунженско-Владикавказском Генерала Слепцова полку служили:

Абисалов Адиль-Гирей Сафар-Алиевич (род. 24 декабря 1888 г.), хорунжий, участник Первой мировой войны. Окончил Владикавказское реальное училище. Служил в 1-м Сунженско-Владикавказском Генерала Слепцова полку. Младший офицер 2-й сотни со старшинством в чине с 18 мая 1915 г. Произведен в прапорщики за боевые отличия против неприятеля⁷. Награжден Георгиевскими крестами IV и III ст. Прапорщик с мая 1915 г., младший офицер сотни, хорунжий с апреля 1916 г. Погиб в бою у с. Дорна-Вагра в Карпатах 4 октября 1916 г.⁸

Абисалов Ибрагим Сафар-Алиевич (род. 16 марта 1894 г.), прапорщик, участник Первой мировой войны. Окончил Владикавказский кадетский корпус. Младший офицер 6-й сотни 1-го Сунженско-Владикавказского Генерала Слепцова полка. В офицеры произведен за боевые отличия против неприятеля. Доброволец. С 14 октября 1915 г. переведен в 4-ю сотню того же полка⁹. 30 апреля 1917 г. направлен в распоряжение начальника Одесского военного округа и 31 мая 1917 г. переведен в 3-й Осетинский пеший батальон. Был награжден орденами: Георгиевскими крестами IV и III ст., Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, Св. Анны IV ст. с мечами и бантом, с надписью «За храбрость»¹⁰.

Абисалов Татархан Генардукович (6 декабря 1873 – 15 января 1915), есаул 1-го Сунженско-Владикавказского Генерала Слепцова Полка. Окончил 4 класса Владикавказского реального училища. Военное образование получил в Ставропольском Казачьем Юнкерском Училище, которое окончил по II разряду. В службу вступил 19 января 1890 г. в 1-й Сунженско-Владикавказский Казачий полк

казаком на правах по образованию II-го разряда. Высочайшим приказом от 14 мая 1896 г. произведен в хорунжие. Высочайшим приказом на вакансию произведен в сотники. Со старшинством – с 14 мая 1900 г.¹¹ Подъесаул – с 1 июля 1904 г, со старшинством – с 14 мая 1904 г. В 1905 г. награжден орденом Св. Анны IV ст. и орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом¹². Участник русско-японской войны. Командир 1-й сотни Сунженско-Владикавказского Казачьего полка ТКВ с 25 июня 1907 г. Командир 4-й сотни Сунженско-Владикавказского Казачьего полка ТКВ с января 1914 г. 21 июля 1914 г. произведен в есаулы. Участник Первой мировой войны Т.Г. Абисалов погиб в бою 15 января 1915 г. у селения Савалан на Кавказском фронте¹³.

Туганов Аслан-Бек Кубадиевич (род. в 1869 г.), подполковник¹⁴, окончил Ставропольскую классическую мужскую гимназию, служил во Владикавказе при окружном правлении. Участник Первой мировой войны. В конце сентября 1914 г. штабс-ротмистр Асланбек Туганов, происходящий «из осетинских дворян Терской области», был назначен командиром 1-й сотни Кабардинского конного полка. За боевые отличия «в делах против неприятеля» в Карпатах в декабре 1914 г. штабс-ротмистр А. Туганов получил орден Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом¹⁵. Старшинство в чине получил с 15 января 1915 г. В телеграмме от 17 февраля 1915 г. князю Орбелиани от полковника Юзефовича говорится о тяжелом ранении – сквозной ране груди – штабс-ротмистра Асланбека Туганова¹⁶. Он был эвакуирован в г. Пятигорск¹⁷. Приказом по IX Армии за № 429 от 26 августа 1915 г. награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом. В должности с 3 сентября 1914 г. Приказом № 2002 от 30 сентября 1915 г. в Штаб Кавказской Туземной конной дивизии сообщено о высочайше пожалованном Кабардинского конного полка штабс-ротмистру Туганову ордена Св. Анны III ст. с мечами и бантом¹⁸. Приказом по КТКД за № 158 от 6 мая 1916 г., приказом войскам IX Армии за № 168 от 21 апреля того же года, командующим Армией по Высочайше предоставленной власти за отличия, оказанные в боях против неприятеля за период с 1 июня по 31 декабря 1915 г. штабс-ротмистр Кабардинского конного полка Асланбек Туганов был награжден орденом Св. Станислава II ст. с мечами (для нехристиан установленным)¹⁹. Приказом от 6 августа 1916 г. за № 365 командующий Армией по высочайше предоставленной ему власти за отличие в делах против неприятеля представил ротмистра Асланбека Туганова к награде орденом Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость»²⁰. Его имя значится в приказе от 30 октября 1917 г. «командующего 1-й Кавказской туземной конной дивизией» генерал-майора принца Фазула-Мирзы Каджара, согласно которому, подполковник Аслан-Бек Туганов представлен к ордену Короны Румынии с мечами степени офицера № 1518 за мужество в боях в декабре 1916 г. на Румынском фронте²¹.

Туганов Сафар Елканович (ум. в 1952 г.), прапорщик милиции, участник Первой мировой войны. В 1915 г. младший урядник Кабардинского конного полка С.Е. Туганов был награжден Георгиевским крестом IV ст.²² 29 мая 1916 г. принимал участие в лихой атаке у деревень Лужаны, Шепенице и Альтмаешти, которую командующий Кавказской конной дивизией генерал Багратион назвал «блестящей страницей истории Кабардинского полка». В этом бою прапорщик 2-й сотни Кабардинского конного полка С. Туганов был ранен²³. Награжден орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1 июля 1916 г.) № 4000. Приказом по Кавказской Туземной конной дивизии за № 296 от 21 октября 1916 г. за отличия в делах против неприятеля прапорщик С.Туганов награжден орденом Св. Анны IV ст.²⁴ К ордену Св. Станислава III ст. с мечами и бантом представлен по норме с 1 июля по 31 декабря 1915 г.²⁵

Кубатиев Хаджи-Мурат Бесланович, участник Первой мировой войны. Приказом по армии Юго-Западного фронта 3-го июня 1916 г. за № 621 урядник Кабардинского конного полка за отличие в боях награжден званием юнкера милиции.

В 1935 г. был выслан из республики в Среднюю Азию²⁶. Участвовал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., погиб на фронте.

Кубатиев Дохчи́ко Мисостович (род. в 1886 г.), полковник, окончил Академию Генерального штаба – высшее военное учебное заведение в Российской империи. В чине штабс-капитана Д.М. Кубатиев-Лазарев служил в 51-й артиллерийской бригаде 16-го Драгунского Тверского полка Кавказского Военного округа²⁷. В чине подпоручика, а с 1910 г. – поручика, служил в 6-м Восточно-Сибирском Горном Артиллерийском Дивизионе, штабе графа Муравьева-Амурского (ст. Иман)²⁸. В составе 20-го пехотного Ардагано-Михайловского полка с августа 1914 г. участвовал в боевых действиях на Северо-Восточном фронте на территории Польши и Восточной Пруссии. За храбрость в боях получил ордена: Св. Анны III ст. с мечами и бантом (16 мая 1915 г.); Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (16 ноября 1915 г.); Св. Станислава II ст. с мечами (4 декабря 1916 г.); Св. Анны II ст. с мечами (5 января 1917 г.)²⁹, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1 июля 1916 г.)³⁰. Приказом № 285 по Кавказской туземной конной дивизии от 6 октября 1916 г. Кабардинского конного полка штабс-ротмистр Кубатиев за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость»³¹. В середине мая 1915 г. штабс-ротмистр Д. Кубатиев был ранен, лечился во Владикавказском госпитале. В это время решил вопрос о его переводе из артиллерийской бригады в Кабардинский конный полк. 11 июля 1915 г. комендант г. Владикавказ направил свое предписание штабс-ротмистру Кабардинского конного полка Кубатиеву, уведомляя его: «Согласно свидетельству комиссии врачей о Вашем выздоровлении, с получением сего предписываю Вам выехать в г. Киев в распоряжение этапного коменданта для направления вас по месту службы». 20 июля штабс-ротмистр Д. Кубатиев прибыл в Кабардинский конный полк и стал офицером 2-й сотни, возглавляемой его земляком Асланбеком Кубадиевичем Тугановым, а после его ранения он возглавил 2-ю сотню этого полка³². Штабс-ротмистр Д. Кубатиев значится в списке по Кабардинскому конному полку за 14 октября 1916, получивших «право поступления на курсы Академии Генерального штаба, т.е. окончивших полный курс военных училищ и пробывших не менее 2-х лет в строю офицеров»³³. Приказом В.В. № 681 за 1916 г. штабс-ротмистр Кабардинского конного полка Кубатиев произведен в чин ротмистра³⁴. В списках по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров значится ротмистр Кабардинского конного полка Кубатиев Дохчи́ко. Приказом Кавказского туземного конного корпуса от 6 октября 1917 г. за № 11 утверждается постановление Георгиевской думы Татарского конного полка от 22 августа 1917 г. о награждении солдатским Георгиевским крестом IV ст. ротмистра Кабардинского конного полка Д. Кубатиева за то, что «28 июля во время боя под г. Калушем находился на наблюдательном пункте на колокольне костела в самом городе, который обстреливался ураганным огнем тяжелой артиллерии. Огонь был настолько силен, что сам костел был им разрушен до основания и весь город пылал. Но ротмистр Кубатиев, презирая личную опасность и сознавая важность наблюдения за противником, все время не покидал наблюдательный пункт и общался со всеми передвижениями противника, чем сильно способствовал нашему успеху в деле отстояния г. Калуша. Командир корпуса генерал-лейтенант Половцев»³⁵. Будучи прикомандированным к штабу дивизии, он себя геройски проявил и у деревни Новица. О его доблести рассказал командир Кабардинского полка полковник Абелов в записке, направленной им начальнику дивизионного штаба Владимиру Николаевичу Гатовскому: «Вверенного Вам штаба дивизии старший адъютант ротмистр Кубатиев 4-го июля во время боя у Новицы и Угринова-Старый в роли начальника штаба отряда генерала князя Гагарина выказал исключительное хладнокровие и распорядительность под непрерывным и продолжительным артиллерийским и ружейным огнем. Абсолютно игнорируя личную опасность, ротмистр Кубатиев неоднократно являлся к цепям Кабардинского полка, ориентировал и осведомлял о создавшейся

обстановке. Он же, ротмистр Кубатиев, проявил высокую доблесть, когда роты Асландузского полка в беспорядке отходили со своих позиций. Ротмистр Кубатиев под сильным артиллерийским огнем противника приводил в порядок расстреленные части пехоты и, организовав несколько взводов пехоты, повел их обратно на брошенные свои позиции. Будучи свидетелем этой исключительно самоотверженной работы ротмистра Кубатиева, считаю своим долгом поставить Вас об этом в известность»³⁶.

Кантемиров Мурат Урусбиевич (1891–1941), корнет. Участник Первой мировой войны, служил в Кабардинском конном полку. Вместе с младшим урядником князем Иваном Церетели «в бою 24 мая 1916 г. у деревни Окно под сильным артиллерийским и ружейным огнем вынесли тяжело раненного помощника командира полка подполковника Бертрена», за что награждены Георгиевскими крестами IV ст.³⁷

На фронтах Первой мировой войны погибли: хорунжий *Адиль-Гирей Иналуквич Абисалов* (1884–1914), погибший в Карпатах³⁸; поручик 13-го Гусарского Нарвского Е.И.В. императора германского короля Прусского Вильгельма II полка *Магомет Хамбиевич Туганов* (1884–1914)³⁹; *Батырбек Тазаретович Кубатиев* (род. в 1881 г.), служивший в 1-й сотне Татарского конного полка, убитый в бою близ деревни Новоселки. Приказом № 241 от 31 августа 1915 г. он был исключен из списков полка⁴⁰; *Эльберт Бимболатович Кубатиев* (1887–1914); *Тазрет Туганович Дзайнуков* (род. в 1898 г.), *Дзамболат Мурзабекович Чегемов* (род. в 1881 г.); *Шакман Заурбекович Ельбиев* (род. в 1876 г.) и др.

Примечания

1. *Гизетти А.Л.* Хроника Кавказских войск. В двух частях. Тифлис, Издание Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, 1896.
2. *Брешко-Брешковский Н.Н.* Дикая дивизия. Рига, 1920. С. 8.
3. Терские ведомости. Февраль, 1916 г.
4. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из забвения... Нальчик, 1999. С. 11.
5. *Бабич И.Л.* Бековичи Черкасские в XX в. // Кавказский сборник. Т. 7 (39). М., 2011. С. 266.
6. *Туганов М.С.* «Петроградские ведомости», № 72, 1916 г.
7. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных исследований (далее – НА СОИГСИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Тетр. 10. Л. 90 об.
8. *Стрелянов (Калабухов) П.Н., Киреев Ф.С., Картагузов С.В.* Кубанские, терские и уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 года. М., 2007. С. 227.
9. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Тетр. 10. Л. 90 об.-91.
10. *Кубатиев Б.А.* Баделиата Кубатиевы в осетинской историографии. Владикавказ, 2010. С. 86.
11. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Тетр. 8. Л. 2–4.
12. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 19. Л. 18–18 об.
13. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Тетр. 10. Л. 87 об.
14. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания. Ф. 8 р. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
15. *Опрышко О.Л.* По тропам истории. Нальчик, 2007. С. 607.
16. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 21. Л. 29.
17. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 21. Л. 100.
18. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 21. Л. 45.
19. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Тетр. 24. Л. 26 об.; Д. 277. Тетр. 29. Л. 4.
20. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 21. Л. 118.
21. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из забвения... Нальчик, 1999. С. 410.
22. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 21. Л. 57.

23. *Опрышко О.Л.* По тропам истории. Нальчик, 2007. С. 535.
24. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 21. Л. 118.
25. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 29. Л. 3, 5.
26. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 282. Тетр. 20. Л. 4-об.
27. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 282. Тетр. 25. Л. 35.
28. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Тетр. 12. Л. 25.
29. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2254. Л. 19.
30. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 282. Тетр. 30 «а». Л. 19.
31. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 282. Тетр. 30 «а». Л. 9.
32. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из забвения... Нальчик, 1999. С. 227–228.
33. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 282. Тетр. 30 «а». Л. 23.
34. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 31. Л. 70.
35. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 282. Тетр. 30 «а». Л. 11–12.
36. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из забвения... Нальчик, 1999. С. 410; *Опрышко О.Л.* По тропам истории. Нальчик, 2007. С. 607.
37. *Опрышко О.Л.* По тропам истории. Нальчик, 2007. С. 533.
38. *Киреев Ф.С.* Герои и подвиги: Уроженцы Осетии в Первой мировой войне. Владикавказ, 2010. С. 32.
39. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Тетр. 12. Л. 32.
40. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Тетр. 29 «а». С. 11 об.

OSSETIANS OF THE DIGOR SOCIETY OF NORTH OSSETIA IN THE FIRST WORLD WAR

Marzoev Islam-Bek Temurkanovich, Doctor of History, Leading Researcher of the Department of Ethnology of the V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of VSC and the Government of North Ossetia-Alania, is-bek@yandex.ru

The article is devoted to Ossetians – representatives of the Digor Society of the Vladikavkaz District of the Terek Region, participants of the First World War of 1914–1918. A brief history of the Ossetian equestrian division, data on the service of Ossetian officers of this unit, their combat merits and awards are presented.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, First World War, Ossetians, awards, military service, officers.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-14-19

УДК 395(=352.3)+94(470.6)+81'373.2:811.352
DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-20-28

ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА ЧЕРКЕСОВ И СВЯЗАННАЯ С НЕЙ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Мирзоев Асланбек Султанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», marzeibach@mail.ru

Статья посвящена военной терминологии и военной культуре черкесов. Милитаризованный образ жизни черкесского этноса, длившийся длительное время, породил развитую военную культуру, которую автор рассматривает как особую подсистему в рамках традиционной черкесской культуры. Военная культура включает весь комплекс явлений как духовного, так и материального плана, что нашло отражение в богатой военной терминологии черкесского языка.

Ключевые слова: военная культура, культура войны, военная терминология, военизированный образ жизни, структура военного класса, общественные институты.

Военная культура – доминирующая тема черкесской истории на протяжении всего периода Средневековья и Нового времени.

В современной гуманитарной науке, в частности культурологии, существует мнение, что война и культура – понятия несовместимые и, что культура возникает там, где люди вступают в отношения, отличные от состояния войны¹. Другие же исследователи с подобным утверждением не согласны, считая, что войны как форма взаимоотношений людей, наций, государств, возникнув на определенном этапе развития человечества, породили такое понятие как военная культура. Несмотря на осуждение и неприятие современным человечеством войн, нельзя не признать, что длительный исторический отрезок времени у целых народов и обществ война, в силу особых исторических условий, стала тем фоном, на котором долгое время протекала их жизнь, и для которых война стала ценностью на уровне общественных отношений. Возникло много нравственных, этикетных и других норм, регулирующих положение человека на войне. Можно даже говорить о появлении такого понятия, как «культура войны»². Мы также считаем правомерным выделение понятия военной культуры как особой подсистемы в рамках традиционной черкесской культуры и понятия «культура войны», как комплекса представлений о войне, систему нравственных и этических норм, регулирующих отношения людей во время войны³.

Военизация традиционной культуры черкесов стала результатом взаимодействия нескольких составляющих. Одним из них был геополитический фактор. Будучи важным стратегическим регионом, являясь воротами из Азии в Европу, Кавказ был объектом постоянной военной экспансии. Многочисленные завоеватели побывали здесь: скифы, сарматы, аланы, гунны, хазары, армии Чингисхана и Тамерлана. Многие государства считали Кавказ зоной своих интересов и вели с местными племенами и народами долгие и изнурительные войны. Помимо войн с иноземными захватчиками и с соседними народами, черкесы, разделенные на множество этнических групп, вели частые междоусобные войны. Таким образом, с незапамятных времен войны, во всех их проявлениях, занимали большое место в жизни черкесов.

Воинственность черкесов, известная еще из античных источников, целенаправленно культивировалась в их обществе, но при этом сочеталась с чрезвычайно сложной системой традиций, этикета, которая облагораживала эту черту народного характера, ритуализовывала ее, что, в конечном счете, привело к созданию рыцарского воинского этоса со своей самобытной культурой. Современные исследователи, в частности американский ученый-лингвист Дж. Коларуссо считает, что «у черкесов сложная военная культура с элементами аристократизма и основами демократии»⁴.

Понятие военная культура включает в себя не только систему нравственных и этических норм, но и весь комплекс явлений как духовного, так и материального плана. Сюда можно отнести различные формы социальной иерархии, структуру воинского класса, общественные институты, такие, например, как наездничество и аталычество, вооружение, амуницию, походное снаряжение, военную тактику и стратегию, индивидуальные воинские приемы, синтез жилищно-поселенческого и оборонительного комплексов, культ коня и оружия, религиозные системы и практики, всаднический, рыцарский этикет, систему питания, жизнеобеспечения и многие другие аспекты. Все это нашло отражение в военной лексике черкесского языка.

В ходе работы над монографией по черкесскому наездничеству нами было собрано 190 терминов по данной тематике, вошедшие в терминологический словарь⁵. В ходе дальнейших исследований в области военной культуры черкесов объем терминов составил свыше 800 единиц, которые должны войти в планируемый к изданию краткий этнографический словарь черкесской военной культуры.

Для составления терминологического словаря по черкесской военной культуре были использованы различные виды источников. Это данные информантов⁶, фольклор, включающий Нартский эпос, предания, историко-героические песни⁷, различные словари⁸, труды по этнографии и истории черкесов дореволюционных авторов⁹, работы современных исследователей¹⁰, сборники материалов по обычному праву¹¹.

Среди терминов, имеющих отношение к военной культуре, в черкесском языке имеется небольшой пласт заимствованных из других языков, что объясняется длительными контактами черкесов, особенно восточных (кабардинцы) с кочевыми тюркоязычными народами. Для таких имеющихся в кабардино-черкесском языке заимствований из других языков, имеются, как правило, соответствия чисто адыгского происхождения в самом кабардино-черкесском языке или в западночеркесских диалектах. Они будут приводиться тут же в скобках. Этимологический анализ терминов не входит в число наших задач.

В данной статье мы делаем небольшую выборку из подготовленного нами словаря черкесских этнографических терминов по военной культуре, распределив их по отдельным областям материальной, социальной и духовной культуры.

Социальная структура, воинский класс

Бесльэн уэркъ – княжеские дворяне.

Гъусэ – паж, оруженосец, спутник.

ЕмытылI – княжеский телохранитель, сословная категория у бжедугов, аналогичная, видимо, категории пщыкIэу у кабардинцев. Они не считаются дворянами, но и не крестьяне.

Лъхукъуэщо – незнатный рыцарь из сословия свободных крестьян, ведущий наезднический образ жизни.

ЛлакъуэлIэш – сословие первостепенных дворян, носящее замкнутый характер. В Кабарде, например, в него входило только три фамилии: Куденетовы, Анзоровы и Тамбиевы. По сравнению с другими дворянами пользовались рядом особых привилегий и почетных обязанностей, например, начинать битву.

Пщыхъуэж – право дворян на смену сюзерена в лице князя, в случае недовольства им. Считался предосудительным действием для обеих сторон: князя и дворяне старались помирить князя и его дворянина, путем удовлетворения претензий. Аналогично праву свободного отъезда западноевропейских рыцарей.

ПщыкІэу – сословие, выполнявшее функции оруженосцев и личных телохранителей князя, букв.: княжеская ограда, «пщы» – князь, «кІэу» – плетень, ограда.

Шхъуэ – вооруженное народное ополчение, не входящее в профессиональную армию.

Общественные институты

Атэлыкъ (быф, быфадэ) – воспитатель.

Быфокъуэанэ (жъокъоанэ) – воспитательница, жена аталыка.

ЗекІуэ – военный поход за пределы малой родины с целью приобретения добычи и славы.

ЗекІуэлІ – наездник.

ЗекІуэ гуэшапІэ – место раздела добычи после возвращения из похода (обычно за селом).

ЗекІуэ хэщІапІэ – места для ночлега и привала, выбираемые заранее по маршруту движения во время военных походов. Когда наездники часто ездили по одной дороге, то они останавливались постоянно в этих, выбранных ими местах.

Къуэщ – так называлось место, где наездники после возвращения из похода делили добычу.

Къуэщэфэ – пиршество на месте дележа добычи. Обычно недалеко от села.

Къан (пІур) – воспитанник, а также жених, находящийся в доме родственника или товарища, до завершения свадьбы. Для семьи, где находился къан, он становился таким же близким человеком, как воспитанник для аталыка. Обычай, связанный с установление искусственного родства

Къанапльэ – посещение воспитанника в доме аталыка. Согласно обычаю отец и мать не виделись с сыном, пока он воспитывался у аталыка. Однако его могли навещать дяди и другие родственники. Такие визиты назывались «къанапльэ», т.е. посещение, свидание с воспитанником.

Къантешэ, къаншэж (пІуришэж) – обряд возвращения воспитанника в родительский дом, сопровождаемый пиром, играми и вручением богатых даров отцом воспитанника аталыку и его семье.

Къангъэунэху – «испытание воспитанника», первый самостоятельный крупный набег, совершенный под руководством воспитанника (кана), являвшийся своеобразным экзаменом, свидетельствующим о завершении воспитания у аталыка.

Къаныхъ – «унести в каны», так называли обычай аталычества.

Махлуф – оружие и лошадь, получаемые юношей от опытных наездников-наставников в знак того, что он прошел испытание и стал полноценным наездником. Своего рода «диплом», свидетельство того, что обучение искусству наездничества завершено.

Унэрыуэ – грабители, налетчики, совершавшие нападения на населенные пункты и дома людей с целью захвата в плен людей и имущества. Обычно объектами таких нападений являлись враждебные общины или те, с которыми не было союзных отношений. Такие набеги практиковали еще в XIX веке убыхи, совершавшие походы в Абхазию и Мингрелию.

Хъырцыжь – человек, заматеревший в разбоях и набегах, живущий исключительно за счет грабежа и захваченного в набегах.

Система военно-физической подготовки

ДжэдыкІэуэуэ, джэдыкІэкъутэ – вид стрельбы в мишень, когда на полном скаку всадник разбивал лежащие с интервалом в несколько метров вдоль дороги куриные

яйца. Обычно это препятствие для свадебного кортежа, не разбив все яйца на дороге, они не могли въехать в село, откуда должны были забрать невесту.

ДжэдыкIэпыльэ – стрельба по висящим мишеням участниками свадебного поезда. В качестве мишеней использовались пустые яичные скорлупы, оплетенные шелковыми нитями и подвешенные высоко к деревьям. Пока все мишени не были поражены, участники свадебного кортежа не могли въехать в село, чтобы забрать невесту.

Къабакъ – мишень для стрельбы в виде круглой доски или деревянных резных фигурок различных животных установленных на высоком шесте. Стрельба по ним велась всадниками на полном скаку. Слово «кабак» тюркского происхождения означающее тыкву, которая, кстати, использовалась как мишень при стрельбе из лука и при рубке шашкой, о чем свидетельствуют старинные рисунки и литографии.

Мастэпыльэ – вид состязания стрелков, где мишенью служит подвешенная на нитке иголка.

Нэщанэ, псагъэ – мишень.

Псагъэеуэ – стрельба по мишени.

ПыIэеуэ – стрельба всадников на полном скаку в подброшенную вверх или же брошенную на землю папаху.

Табыныжьыку – ристалище, арена поединков, соревнований.

Табыщэгъу – соперник, противник на ристалище.

Наступательное и оборонительное вооружение

Афэ – панцирь.

Афэ джанэ – кольчуга.

Афэнэзэв – кольчуга с узкими отверстиями.

Бзэ, шабзэ – лук.

Бзэпс, шабзэпс – тетива лука.

Бзэгъауэ – стрелок, лучник.

Бжы – копье, пика, штык.

Бжыпэ – наконечник копья.

БжыкI – древко копья.

Гын – порох.

Гынжьей – затравочный порох.

Гыныльэ – пороховница.

Гынжьейтегъащхъэ – натруска.

ДэщI, дэчI, Iэхъу – совокупность доспехов воина, латы.

Еущэджий – налокотники.

Жьыпхъэ, кIыпхъэ – малый шлем, мисюрка.

Жуд – дол (продольная выемка на клинке кинжала и шашки).

ЗекIуэлI къамэ – боевой кинжал.

Зэпэбаш – ружейные присошки.

ЗэщIэуэздауэ – полностью вооруженный и экипированный воин.

Къулакъ – кожаные ремешки, с помощью которых тетива крепилась к обоим концам лука.

Къамэдзэпкъ, къамэдзэ – клинок кинжала, лезвие.

КъамэIунэ – заклепки на рукояти кинжала.

Маисэ – меч.

МэIу – щит.

Пэчэгъуазэ – мушка на стволе ружья или пистолета.

Сэкъауэ, уэбзэгъу, уэщ – виды боевого топора.

Сэшхуэ – шашка.

Таж – большой шлем.

Тэджэлей – плотная, стеганная на вате куртка, надеваемая под кольчугу. Также защитный доспех из толстой кожи.

Фоч пэбж – ружейный штык.

Хьэджэсэ, хьэджысэ – стилет, нож с тонким заостренным на конце лезвием, такие ножи носили женщины, спрятав в складках одежды или в причёске. Они также маскировались в рукояти плети или посоха. Также штыковой нож с граненым лезвием, по другой версии боевой нож короче кинжала.

Шэхьшын – ружье с нарезным стволом.

Шэшкьан – нарез ружейного ствола.

Тактика наступательная и оборонительная, индивидуальное воинское искусство

Бру – ограда, укрепление.

Бруукьуэ – заградительный ров.

БыдапIэ – крепость, укрепление.

Жэцтеуэ – ночное нападение, набег.

Жыгышхьэрыс – дозорные на деревьях.

Зауэ – война.

Захэуэ – бой, битва.

ЗауэлI – воин, солдат.

ЗауэзэрылI – битва, побоище.

Зауэ Iуэху – военное дело.

КьуэтIыхь – крепостной вал.

Пэшэ – а) предводитель отряда в целом, б) командир авангарда.

Пэхутэ – разведывательный дозор, разведчик.

ПэтIысыпIэ – засада.

Пэрыт – авангард, передовой.

Пэрышэ – предводитель авангарда.

ПльакIуэ, пльыр – дозорный.

Пльыр унэ – караульное помещение.

Пэмпэхул – одновременный залп ружей или пушек.

ПхьэупщIэгьуабэ – засека, оборонительное сооружение из поваленных деревьев.

ТIасхьэ – разведка.

ТIасхьэщIэх – лазутчик, разведчик.

ШуукIэхутэ, шугьуазэ – конный разведывательный дозор, посылаемый от арьергарда, кроме разведки поддерживал связь между авангардом и арьергардом.

Система управления и руководства вооруженными силами

Бэракь (нып) – знамя.

Бэракьзехьэ (ныпзехьэ) – знаменосец. Во время сражений знаменосцы помогали командирам управлять войском.

Бэц – место сбора, штаб.

Гупзешэ – предводитель отряда наездников.

Гьуазэ – предводитель, путеводитель, проводник.

ГьуазэщIэ – специальная доля из добычи, выделяемая предводителю наездников или путеводителю, проводнику.

Дзэгьасэ – командир воинского подразделения.

Дзэгьуэль – привал для войска.

Дзэклэ – арьергард войска.

Дзэпэ – авангард войска.

Дзэпщ, дзэзешэ – командующий войском, полководец.

Дзауэкьуэдзыхь – доверенное лицо, помощник военачальника.

Дзэукьуэ – паникер, паника в войске.

Дзэхьумэ – аванпост, часовой охраняющий войско во время привала.

Дзэшхьищ – так называли черкесы русское каре (боевой порядок пехоты, построенный в виде квадратов промежутки между которыми занимала артиллерия).

Зауэ зэҕушҕэ – военный совет.

Ғуэныхь – присяга.

Зауэ тхьэрыҕуэ – военная клятва перед походом или боем.

Зауэ кьэрар – военная клятва, присяга, принимаемая всеми воинами перед походом или решительным сражением.

Зэпэбаш – обряд военной присяги, когда воинов пропускают по одному между двух человек, держащими на уровне груди ружейные присошки. Прошедшие под ними считаются принявшими присягу. Одновременно происходит подсчет количества воинов.

Кпашэ – командир арьергарда в небольшом отряде воинов из 100 и более человек.

Кьудас – бунчук, древко с привязанным хвостом коня, служивший символом власти, вместо штандарта.

Нагьыщэ псалгэ – секретное слово, пароль.

Шухьатий – дежурные по войску, назначаемые предводителем из числа опытных, уважаемых воинов. Их функция передавать распоряжения полководца и следить за их исполнением.

Рода войск

Гуп – отряд наездников под началом одного воина, обычно от двадцати до ста человек.

Дзэ – войско.

Дзэ льэрыкҕуэ – пешее войско.

Дзэкхьухь – военный корабль.

Кхьухьзехуэ, кхьухьтет – капитан.

Кхьухьыдзэ – эскадра.

Кхьухь тедзапҕэ – порт, причал.

Кхьухьзехуэ – рулевой.

Псыхьэдзэ – «стая водяных псов» – сообщества бездомных абреков, шайка грабителей, а также пеший род войск у черкесов, небольшие диверсионные группы, сплавлявшиеся по рекам, маскируясь в деревьях-плавниках, в камыше иносящие неожиданный урон противнику и быстро исчезающие.

Уэркьыдзэ – дворянское войско, панцирная конница.

Хьыдзэ – военно-морские силы.

Конь и конское снаряжение

Зекҕуэш – походная лошадь.

Льахьэ – пути для коня.

Уанэ – седло.

Одежда и походное снаряжение

Ғуэмылалэ – маленькая переметная сума, притороченная к седлу и предназначенная для дорожной провизии.

Кьэльтмакь, хьуржын (льэмпҕ, зэпедзэкҕ) – переметная, походная сумма.

Зекҕуэ Ғэнэ – походный столик в виде небольшой плоской доски.

Льыс – продезинфицированный тампон (турунда) для глубоких ран.

Бгьэгуштальэ – два нагрудных кармана на черкеске, располагающиеся под газырницами. Предназначались для хранения натруски с затравочным порохом, кремня, огнива и других мелких вещей.

Башлык (щхьэрхьуэн) – шерстяной капюшон из домотканого сукна с длинными лопастями. Одевался в плохую погоду на голову поверх шапки, защищал от снега, дождя, ветра.

Танжъедед – распахная куртка из легкой материи, обычно красного цвета, надеваемая поверх кольчуги.

Уанэ джыдэ – седельный походный топорик.

Уэздыгъэшыхъ – походная ленточная свеча.

Походная пища

Гъуэмылэ – походная провизия.

Къуэгул – вид походной пищи (замешанная на меду просяная мука).

Тхьурымбей – походный хлеб, шаровидная лепешка из просяной муки, замешанной на меду с добавлением яиц; род колобка.

Шу хьэлу – вид походной пищи, чурек из просяной муки, замешанный на сметане.

Религиозные представления, культы, обряды

АкІэ – длинный пучок волос, отращиваемый на макушке головы, символ воинской жизни.

АкІэупсыж – обряд сбривания чуприны, оселедца, чуба на макушке головы, считавшегося символом воинской жизни. «Отставка» старого воина, уход на «пенсию».

АкІэ упсыжыгъуэ – время ухода на покой по возрасту.

Батырыбжъэ (лыхьужьбжъэ) – «богатырский кубок», рог, оправленный в серебро или же позолоченная чаша, наполненная хмельным напитком. Преподносили наездникам, отличившимся в рыцарских состязаниях или совершившим какой-нибудь подвиг.

Бэракъ фІыцІэ – черный флаг, который вывешивался на длинном шесте в селе над домом погибшего знаменитого воина. Путники, завидев флаг издалека, должны были заехать во двор и совершить поминальную молитву.

ЗекІуэтхэ – бог наездничества в языческом пантеоне черкесов.

ЗекІуэ уэрэд – походная песня, приносившая удачу.

Къашхъэ шыфІэдзапІэ – надгробная коновязь. В старину черкесских князей и уорков хоронили не в сельских кладбищах, а отдельно, возле дорог, под курганами. Рядом ставили коновязь, чтобы проезжавшие путники могли привязать своих лошадей, спешиться и совершить поминальную молитву за усопшего.

КІэлыгъэхуабэ – «подогрев следа», небольшая вечеринка, устраиваемая в честь уехавшего наездника с пожеланием удачи и молитвами о его счастливом возвращении.

Къэхьыпш – бог удачи.

Кхъашхъэдасэ ласкІэ – обычай, когда от надгробных камней прославившихся своим мужеством князей, откалывали кусочки и носили их как талисман. Считалось, что они обладают магической силой и способствуют скорейшему выздоровлению больных.

Пшишана – божество-покровитель коня и коневодства у черкесов (у абхазов Ачышьшана).

Трапхъуэ – контузия, рана, полученная от столкновения с твердым предметом.

ЩіопщакІуэ – обряд излечения раненого.

ЩІэпщэ – вечеринка молодежи у постели раненного или больного, с веселыми и шумными играми.

Примечания

1. *Немировская Л.З.* Культурология. История и теория культуры. М., 1992. С. 15; *Пассмор Дж.* Культурные универсалии // *Философские науки.* М., 1990. № 2. С. 111.
2. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 145.
3. *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «Зеклуэ» Из истории военного быта черкесов в XVIII – в первой половине XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. С. 120–164.
4. *Коларуссо Д.* Сейчас изучаю синтаксис черкесского // *Газета Юга.* 2012. № 4.
5. *Марзей А.С.* Указ. соч. С. 281–289.
6. Абаза Ибрагим Хазраил, 1947 г.р., сел. Хаджимуратлы, Анкара, Турция; Гусейнова Муазин Нартшуевна, 1907 г.р., сел. Урух Урванского р-на КБР; Дугуж Фуад Яхья, 1940 г.р., сел. Сальманея, Сирия; Думанишев Ауладин Сарабиевич, 1954, сел. Нартан, КБАССР; Жырчаго Гиса Аюбович, 1919 г. р., сел. Мударея, Сирия; Кармокова Евгения Мухамедовна, 1933 г.р., сел. Заюково, КБР; Кубатиев Борис Хазретович, 1939 г.р., сел. Куба, Баксанского р-на КБР; Сасык Тахсин Батырхан, 1934 г.р., сел. Кырк-Пынар, Пинарбаши, Турция; Борова Хани Блятовна, 1910 г.р., сел. Урожайное Терского р-на КБР; Яхтанигов Хасан Хабасович, 1943 г.р., сел. Вольный Аул КБР.
7. Адыгэ Иуэрыуатэхэр. Нальчик, 1969, Т. 2; Адыгэ псалъэжьхэр. Налшык, 1994; Адыгэ хыбарыжьхэр. Зыгъэхъзырар Кармокъуэ Хъэмидш. Налшык, 1989; Кабардинский фольклор. М.;Л., 1936; Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов // под ред. Е.В. Гиппиуса. Сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. М., 1986. Т. 3. Ч. I; Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М., 1996. Т. 3. Ч. II; Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974; Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951; Фольклор адыгов. Нальчик, 1979; Фольклор адыгов. Нальчик, 1988.
8. *Ногма Ш.Б.* Кабардино-русский словарь (черновые материалы) // *Филологические труды.* Т. 1. Научно-исследовательский институт при совете министров Кабардинской АССР. Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов. Кабардинское книжное издательство. Нальчик, 1956. С. 127–306; *Словарь кабардино-черкесского языка.* М., 1999; *Думэн Хь.М.* Адыгэхэм я дауэдапцэхэр. Этнографие терминхэм я псалъалъэ кIэщI (Словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка). Налшык, 2006); *Шэрджэс Алий.* ЯхуэмыфIашэу лъэныкъуэ едгъэза псалъэхэр. Налшык, 2009.
9. *Атажукин К.* Избранное. Нальчик, 1991; *Дубровин Н.* Черкесы (адыге) // *Материалы для истории черкесского народа.* Нальчик, 1991. С. 13–249; *Латинский Т.* (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1995; *Люлье Л.Я.* Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // *Материалы для истории черкесского народа.* Нальчик, 1991. Вып. I. С. 326–340; *Люлье Л.Я.* Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов. – *Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века.* Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. С. 71–854; *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858; *Сиюхов С.* Черкесы // *Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. Избранные произведения.* Нальчик, 1991. С. 234–270; *Сталь К.О.* Этнографический очерк черкесского народа // *КС.* 1900. Т. 21. Отд. 2. С. 53–173; *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992; *Хан Гирей.* Черкесские предания. Нальчик, 1989.
10. *Бижоев Б.Ч.* Военная лексика в адыгских языках // *Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН.* Нальчик, 2010. Вып. 17. Ч. I. С. 156–167; *Абазэ Ибрахым, Абазэ Албэч.* Адыгэ-абазэ шы лъэпкъхэм и тхыдэ напэклуэцIхэр. Налшык, 2014; Адаб Баксанского культурного движения. Разыскал, исследовал и подготовил к печати З.М. Налоев. Нальчик, 1991; *Аствацатурян Э.* Оружие народов Кавказа. История оружия. Москва–Нальчик: Хобикнига, Эль-Фа, 1995; *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни. Нальчик, 1973; *Бгажноков Б.Х.* Логос игрища // *Мир культуры.* Нальчик, 1990. Вып. I. С. 5–44; *Бгажноков Б.Х.* Черкесское игрище. Нальчик, 1991; *Бгъэжьнокъуэ Бэрэсби.* Шыр лIым и гъуджэщ // *Щэнгъуазэ.* Налшык, 1990. № 1. Июнь. С. 4; № 2. Июль. С. 4–5; № 4. Сентябрь. С. 5; № 5, Сентябрь. С. 5; *Бгъэжьнокъуэ Бэрэсби.* Ди нэхьыжьхэм къауатэ // *Щэнгъуазэ.* Налшык, 1992. № 1. Январь. С. 7; *Думэн Хъэсэн.* Щэнгъуазэм и псалъалъэ // *Щэнгъуазэ.* Налшык, 1991. № 1. Январь. С. 5; *Катанчиев Т.М.* Кабардинское обычное право, его

особенности. Нальчик, Издательский центр ЭЛЬ-ФА, 2003. С. 60; *Къалмыкъ Ибрэхъим*. Вагъуэхэмрэ адыгэхэмрэ // Адыгэ хэку. Налшык, 1992. № 1. С. 38–41; *Къыц Хьэзрэталей*. Тефлъхэ фи шым уанэр. Налшык: «Эльбрус», 2003; *Мафедзев С.Х.* Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX– начале XX в. Нальчик, 1991; *Налоева Е.Д.* Загадочный обычай барамта // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 139–149; *Налоев З.М.* О придворном джегуако // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 121–142; *Сокъур Валерэ*. Бэчмырзэ и къуэ Бэтокъуэ и уэлигъуэр // Гуашхьэмахуэ. 1997. № 6. С. 94–104; *Сокъур Валерэ*. Беслъэней пшыжылагъуэр Къэбърдейм зэрыхэщхьэхукла щыкӀэр (*Сокуров В.Н.* Обособление кабардинского княжества Бесленей) // Материалы международной научно-практической конференции памяти М.И. Мижаева «Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка» (пос. Нижний Архыз, 26–28 ноября 2014 г.). Майкоп: «ИП Паштов З.В.», 2015. С. 231–249; *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа. М., 1989; *Унарокова Р.Б.* Предметное иносказание в системе опосредованных форм общения адыгов // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп, 1988. Вып. 7. С. 40–48; *Щоджэн Х., Къардэнгъуц З.* Адыгэ хабзэу шыӀахэр. Налшык, 1995; *Шортанов А.Т.* Адыгские культы. Нальчик, 1992; *Яхтанигов Х.Х.* Северокавказские тамги. Нальчик, 1993; *Яхтанигов Х.Х.* Экспонаты повествуют. Нальчик, 1984; Черкесская лошадь. Коневодство и коннозаводство. Сборник источников. Составление, вступительная статья и комментарии С.Х. Хотко. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых.

11. Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой пол. XIX в. // сост. введ. и примеч. Х.М. Думанов. Нальчик, 1986; Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в 15–19 веках. Майкоп, 1997.

MILITARY CULTURE OF CIRCASSIANS AND RELATED TERMINOLOGY

Mirzoyev Aslanbek Sultanovich, Candidate of History, Senior Researcher Fellow Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», marzeibach@mail.ru

The article is devoted to the military terminology and military culture of Circassians. The militarized way of life of the Circassian ethnos, which lasted for a long time, gave birth to a developed military culture, which the author regards as a special subsystem within the framework of traditional Circassian culture. Military culture includes the whole complex of phenomena, both spiritual and material, which is reflected in the rich military terminology of the Circassian language.

Keywords: military culture, culture of war, military terminology, militarized way of life, military class structure, public institutions.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-20-28

**«ИСКУССТВО БЫТЬ НЕПОДВЛАСТНЫМ»:
К ЗАВЯЗКЕ «МЯТЕЖНИЧЕСКОЙ ВСПЫШКИ» КАБАРДИНЦЕВ 1868 г.**

Алоев Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории отдела истории Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», aloborsa@mail.ru

1868 г. отмечен последним крупным вооруженным выступлением черкесов в XIX в. Оно развернулось среди кабардинских хаджетов долины р. Лаба. В статье прослеживаются обстоятельства и стратегии сохранения устойчивости хаджетского социума с конца 50-х – по вторую половину 60-х гг. XIX в. в условиях непрерывного давления российского военного командования.

Ключевые слова: Ходзь, хаджеты, геноцид, черкесы, социальное поле, сопротивление.

8 мая 1868 г. по современному летоисчислению в районе нынешнего села Ходзь российская армия провела войсковую операцию по подавлению последнего в XIX в. крупного вооруженного выступления черкесов. Это событие получило неоднократное отражение в документах того времени и базирующихся на них исследованиях. Однако язык описания, задействованный для его осмысления, будучи заведомо одномерным, вот уже полтора столетия апеллирует в преобладающей степени к «классовым противоречиям» как объяснительной модели данного феномена. Такое положение несет на себе печать предопределенности: сначала российские чины, отчитывавшиеся по следам явно нежелательного эксцесса в уничтоженной Черкесии педалировали сословно-классовые противоречия (и, привычно, религиозный фанатизм) как подоплеку выступления «диких» горцев¹, затем этот инструментарий по совершенно очевидным в условиях советского режима мотивам был, как тогда выражались, «взят на вооружение» идеологизированным нарративом². В последующем после краха советского режима данный сюжет получил заинтересованное внимание в ходе изысканий в рамках локальной истории. Однако исследовательский прицел, заданный «ойкофилической» интенцией априори не предполагал сосредоточения внимания на осмыслении процессов и феноменов, масштаб которых заведомо превосходил генеалогию конкретного поселенческого коллектива³. Вместе с тем следует признать, что обращение к широкой канве первоисточников и их введение в научный оборот само по себе является существенным вкладом в расширение адекватных представлений о затрагиваемом здесь событии. К тому же, несмотря на гипертрофированную идеологизированность и тяготение к монофакторной рамке осмысления хаджетской весны 1868 г. нельзя игнорировать известную степень эвристичности, заложенной в исследованиях сквозь призму перипетий межклассовых противоречий. Между тем и сегодня сложно говорить о возможности исчерпывающего объяснения столь трагического события, которое разразилось полтора столетия назад на берегах Ходзи. Задача настоящего текста, разумеется, скромнее: предложить такую перспективу на данный сюжет, в которой будут прослеживаться

обстоятельства и стратегии сохранения базовых параметров хаджретского социума в условиях разворачивавшихся в течение всей первой половины 60-х гг. XIX в. геноцидальных практик в кяхской Черкесии. Представляется, что такая оптика позволит приблизиться к более контекстуальному, а значит стереоскопичному восприятию исторического события.

Вслед за изъявлением «покорности» российским властям со стороны бжедугов, хатукаевцев и адамиевцев в мае 1859 г. переговоры по данному предмету, двумя месяцами позднее, активизировали и абадзехи с егерукаевцами⁴. Ввиду того, что последние находились «в стеснительном положении... сверх того объединены саранчою»⁵ вероятность соглашений стала нарастать (тем более, что переговоры без существенных успехов протекали уже более года). Для их восточных соседей – кабардинских хаджретов и бесленеевцев, обитавших «в предгорной лесистой части пространства между р.р. Лабою и Белою»⁶ – *Тхьэщлагъ мэз* зримая перспектива отсечения от основной массы воюющего населения страны грозила обернуться военной катастрофой. Если геополитическое положение, людские ресурсы и военный потенциал шапсугов (и союзных им натухаевцев (до января 1860 г.) убухов, асадзкуа и медовеевцев) обеспечивали возможности устойчивой пролонгации сопротивления на годы вперед, многократно уступавшие им в численности жители *Тхьэщлагъ мэз*, по словам Евдокимова в течение десятилетий выступавшие в качестве «авангарда неприязненного нам населения» (и представлявшие в это время лишь «остатки некогда сильных народов»), не обладали ресурсами для поддержания изолированного очага резистентности. Ввиду острого драматизма ситуации, хаджреты начали переговоры в августе и 15 сентября 1859 г. (наряду с кемиргоевцами и егерукаевцами) приняли «присягу» о «покорности» российскому правительству (синхронно в переговорный процесс включились и бесленеевцы с шахгиреевцами)⁷. Вместе с тем соотнесение обстоятельств кабардинского «замирения» с положением бжедугов и хатукаевцев, подтолкнувшим последних к «присяге», позволяет говорить об их неравноценности, по крайней мере, с точки зрения бенефициара таких актов. Так, в плане операций российских войск в Черкесии в зимний период 1858/59 предполагалась концентрация сил резерва Лабинской и Черноморской кордонной линий «противу народов Гатюкаевского и Бжедуховского племен, дабы заставить их удалиться от низовьев Лабы и левого берега Кубани»⁸. Осуществление этого плана привело к тому, что к февралю 1859 г. было истреблено 44 аула «на пространстве от Афипса до р. Белой, так что от Гатюкаевцев, Хамышеевцев и Черченевцев уцелели только три аула в лесных трущобах»⁹.

Относительно результатов военных действий в бассейне верхней Лабы, где локализовалось кабардинское население, генерал Филипсон отзывался следующим образом: «Часть войск из отряда г. Войцицкаго я отправил в Псебай и написал Полковнику Лихутину по 1-е марта делать движения для очищения от гнездящегося между Урупом и Лабою народонаселения Тамовцев и Кызылбековцев, или против ближайших аулов на Ходзе и Губсе. Действия со стороны Генерала Войцицкаго сделались в настоящее время невозможными по совершенному истреблению неприятелем своих запасов сена»¹⁰. О том, что речь идет об инновации в практиках черкесского Сопротивления Филипсон писал Милютину: «Истребление горцами запасов сена и жилищ при приближении наших отрядов есть явление новое в здешней войне и должно вызвать с нашей стороны некоторые изменения в системе действий для очищения этого края от непокорных племен»¹¹.

Подобная ситуация позволяет заключить, что лидеры хаджретов решаясь на подписание «присяжного листа» осенью 1859 г. исходили из иной базовой ситуации, нежели пережившие погром жители Бжедугии и Хатукая. Для них было очевидно, что циркулировавшие (уже достаточно долгое время) в Абадзехии настроения по замирению с Россией стали преобладающими. Такое развитие ситуации у

себя в тылу грозило критическим ухудшением военно-политического положения хаджретов. Политическая прагматика диктовала необходимость действий на опережение; возникла реальная угроза оказаться один на один с мощным корпусом войск Лабинского отряда (12 батальонов пехоты, 14 сотен конницы, при 8-ми ракетных станках и 22-х орудиях, а также милицейского отряда из карачаевцев и ногайцев в 150 человек). При этом вероятность «замирения» на более-менее приемлемых условиях снижалась в случае его осуществления вслед за абадзехами, считавшимися «главной силой неприязненного населения»¹².

О том, насколько «покорность», изъявленная хаджретами соответствовала задачам их эффективной пацификации со стороны империи, можно судить по контрасту между обозначенными целями российского командования накануне военной кампании 1859 г. и оценками, последовавшими по ее завершении. Так, в «предположениях о военных действиях» с декабря 1858 по конец 1859 гг., в частности, отмечалось: «Майкопский и Мало-Лабинский отряды должны действовать на встречу один другому, чтобы: во первых, заставить не мирное население беглых кабардинцев, бесленеевцев... очистить занимаемые ими места между Белою и Лабою, по течению Ходза, Гупса, Псефира, Фарса и их притоков и удалиться за Белую, или безусловно покориться...»¹³. Несмотря на целенаправленность действий военного командования план «очищения» не удался ни в этом, ни в следующем 1860 г. Относительно же вопроса о характере «покорности» манифестировавших лояльность групп можно составить определенное представление, исходя из полных скепсиса слов генерала Евдокимова. Его суждение о «замирившихся» в тот период сводилось к тому, что «... единственно покорившихся нам бжедугов, натухайцев и некоторых абхазских (абазинских. – Т.А.) племен северного склона нельзя было считать в строгом смысле преданными нам народами; напротив, по своему двойственному поведению они были нам еще более вредны, чем открытые враги»¹⁴. Обращает на себя внимание, что среди номинально «покорных» не упомянуты кабардинцы, а также и другие черкесские аристократические агрегации, локализовавшиеся в ТхьэщIагъ мэз. В самом деле, ознакомление с фразеологией документов, посвященной «взаимодействию» с населением указанного географического района, демонстрирует весьма далекую от нейтральной установку имперского командования. Рассуждая в январе 1860 г. о необходимости проложения просеки через лес «Пшичегочече», генерал Филипсон мотивировал такую задачу «тем, что открытые места, на которые весною должны выселиться махошевцы, егерухаевцы, темиргоевцы и кабардинцы будут отделены от огромного лесного пространства, где до сих пор гнездились их аулы»¹⁵.

План операций на 1860 г. продолжал исходить из наличия двух театров военных действий; наряду с «шапсугским» таковым продолжала считаться «нагорная полоса между верхней частью течения р. Белой и Малой Лабы...»¹⁶. Один из приоритетов документа обозначался следующим образом: «Здесь должно стараться не оставлять туземцев на постоянном жительстве в нагорной полосе между Белой и Малой Лабой, во первых потому, что имея это население впереди, хотя и покорное в трудно-доступной¹⁷ местности, мы никогда не можем ручаться за безопасность наших казачьих станиц, возведенных между Кубанью и Лабою и должны будем держать там много войск для их обороны; во вторых, что с возведением в будущем году предполагаемых мною еще 2-х новых станиц, как будет объяснено ниже, мы в 1861-м году должны будем перенести казачье население за Большую и Малую Лабу, что естественно затруднительно будет исполнить, прикасаясь границе враждебного, и в случае даже покорности, ненадежного туземного населения...»¹⁸.

Магистральная линия действий, избранная российским командованием, отличалась предельной определенностью: «Главное средство для изгнания непокорных племен из вышеобозначенной нагорной полосы, без сомнения заключается

в лишении горцев насущных потребностей жизни, отнятием от них пространств удобных для хлебопашества и скотоводства, ибо одних крепких мест для жизни недостаточно»¹⁹.

В данном контексте представляется неслучайным, что генерал Ольшевский, на которого летом 1860 г. была возложена инспекция оперирующих в Черкесии войск, не рассматривал кабардинцев в качестве «покорных». Утверждая, что с наступлением 1860 г. «по правую сторону Большой Лабы, не было ни души магометанской», он, вместе с тем, сетовал на «переполненность» «треугольного пространства между Большой и Малой Лабы» «беглыми» кабардинцами и рядом абазинских обществ²⁰. Примечательно, что подобная оценка прозвучала, несмотря на то, что «весной 1860 г. кабардинцы, как и обещали при принятии присяги, переселяются с верховьев реки Фарс к подножию горы Кунактау, на участок земли по левому берегу реки Губс...»²¹. Впрочем, нужно оговорить, что данное переселение мало чем ухудшило их положение. Оставленный ими локус в верховьях Фарса уже был в зоне облегченной доступности со стороны нового укрепления Хамкеты. К тому же расселились они недалеко (примерно в полутора десятках километрах от прежнего района проживания), практически в той же ландшафтной зоне. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что расположились они там вместе с абадзехами (а, как известно, их актуальный политический статус в глазах контрагентов «договора» 20 ноября, особенно в части сохранения внутренней автономии, был несопоставим с позицией других черкесских акторов, присягнувших в течение 1859/60 гг.). Расположение в одном географическом локусе с представителями де-факто независимой политики позволяло немногочисленным хаджретам извлекать дивиденды для поддержания и укрепления своей субъектности в заданных крайне осложненных военно-политических условиях. То, что сентябрьская присяга 1859 г. для хаджретских лидеров имела сугубо инструментальное значение (как и в предыдущие годы) и они не склонны были ограничивать люфт политической активности, подтверждается их последующими инициативами. В частности, такое заключение вытекает из lamentаций генерала Евдокимова, вызванных действиями одного из хаджретских лидеров – Кундет Девлетгирея (Дол(эт)джэрий). В июле 1860 г. российский генерал писал, что кабардинский тлекотлеш «принимает на себя роль какого-то старшины над всеми закубанскими кабардинцами, что он стесняет абадзехских выходцев... и что наконец он позволяет себе даже воспрещать нашим командирам производить сношения на местах, которые он себе присваивает»²².

На самом деле вменяемая кабардинскому аристократу претензия на ключевую роль среди хаджретов неверна в том смысле, что речь шла не о некоей потенции, которая еще не реализовалась, а о непреложных реалиях внутривнутриполитической организации хаджретского социума. Кундет Девлетгирей с 40-х гг. был активным участником общечеркесского политического процесса²³. Возмущение же генерала остальными действиями Кундет Девлетгирея было вполне оправдано. Затевая (по земельным вопросам) распри с абадзехами на Губсе, Кундет Девлетгирей в известной мере дискредитировал соглашение от 20 ноября, что могло спровоцировать его нежелательное с точки зрения имперских замыслов преждевременное дезаурирование. Для российского командования, развернувшего масштабную подготовку к решающему натиску на Черкесию, это было недопустимо. Разумеется, не могло его устроить и попытки блокирования спускаемых на места предписаний; в условиях отсутствия опыта сколько-нибудь длительного послушания оккупационным властям подобные прецеденты отодвигали перспективы приемлемой для имперского командования степени лояльности, что грозило в определенных обстоятельствах опрокинуть принятые к реализации планы в регионе.

Между тем, такую линию поведения Кундет Девлетгирея менее всего можно было приписать импульсивности характера и инерционности мышления знатного

дворянина, не осознававшего возможные издержки явного неповиновения такой репрессивной инстанции, как российское военное командование. Более того, здесь с его стороны просматривается такая манера активности, которую можно охарактеризовать как целерациональное действие, проистекающее из трезвого осознания лиминальности, т.е. пороговости военно-политической ситуации, обусловленной чередой «присяг» 1859/1860 гг. со стороны черкесских политий и незавершенности инфраструктуры окончательного имперского наступления (в основном, из-за неготовности коммуникационных линий на театре военных действий), что, несомненно, сковывало оккупационные войска в их предприятиях. Однако такая спасительная цезура не могла быть долговременной. Вслед за принятием октябрьского плана Геноцида 1860 г. российское командование не стало медлить с его осуществлением. С весны 1861 г. крупнейший контингент российских войск в закубанской Черкесии²⁴ активизировал свои действия в районе ТхэщIагъ мэз. Венцом этих действий стала молниеносная депортация «покорных» бесленеевцев в июне 1861 г. Как писал М. Венюков, они «были выселены облавой в течение одного-двух дней»²⁵. Да и сам Евдокимов не скрывал, что бесленеевцы «внезапно были окружены нашими войсками и выведены силой на Кубань, откуда 600 сем. отправились под конвоем в Турцию...»²⁶. Этот откровенно геноцидальный акт подтолкнул тридцатитысячное население абазин – башильбаевцев, казильбековцев, тамовцев и баговцев к оставлению родных мест. Наряду с постройкой тогда же станиц Губской, Нижне-Фарской и Кужорской эти обстоятельства лишили кабардинцев хоть какой-либо надежды получить помощь в случае решения со стороны российского командования ударить и по ним.

Отныне кабардинские лидеры оказались в условиях необходимости продолжения выстраивания *modus vivendi* («формулы сосуществования») с военной администрацией, когда «сосуществование» как интегральный элемент обеспечения российского присутствия в Черкесии исключался из имперского проекта. Демонстрации лояльности (что само по себе было непросто, учитывая устойчивую репутацию «авангарда неприязненного населения») инстанции склонной к подозрительности, втянувшейся в фазу небывалого уровня мобилизации и заточенной на беспрецедентно тотальные карательные практики было заведомо недостаточно. Теперь требовалось не только предъявить легко считываемые ею индикаторы безусловной благонадежности, но предстать в ее глазах необходимым (хотя бы временным) инструментом в осуществлении своих замыслов. Такая востребованность, можно полагать, возникла в связи с «бунтом и неповиновением» «между черноморскими казаками» вызванным намерениями военного командования провести форсированную «переброску» (пожалуй, наиболее точное слово, отражающее российский план в их отношении) множества станиц с весны 1861 г. из прикубанской равнины в район театра военных действий в предгорную и горную зону кяхской Черкесии. Описывая смягченным слогом (ввиду того, что некоторые сюжеты по словам автора «неохотно пишутся нашими историографами *ex-officio*») открытое сопротивление черноморцев начальственной инициативе один из очевидцев отзывался о коллизии следующим образом: «... даже доблестные, самоотверженные казаки Кубанского войска шли не совсем охотно на передовые линии, где они становили лицом к лицу с неприятелем не одни свои дружины, испытанные в бою, а жен и детей, старцев и малолетних, то есть все, что дорого мужу, отцу, брату, сыну...»²⁷. Казаки были настолько непреклонны, что Евдокимов вынужден был доложить начальству о невозможности запланированного переселения. 24 июня император утвердил распоряжение о его отмене на текущий год.

Эти события если и не опрокидывали целиком предположения кубанского атамана, то, по крайней мере, серьезно осложняли условия и замедляли темпы их осуществления. Непредвиденные обстоятельства требовали изыскания непредусмотренных изначально опций для продолжения безостановочного (что было

идеи фикс для российского командующего) продвижения вперед. Эта ситуация объективно создавала условия для того, чтобы Евдокимов пересмотрел взгляд на кабардинский анклав как исключительно досадную помеху на пути полного очищения восточного фланга театра военных действий и требующего оперативного устранения. Прагматическое мышление командующего не могло проигнорировать, что для перелома негативной установки казачьих элит и настроений саботажа не последнюю роль будет играть предъявление примера «образцово» лояльных черкесов из числа недавно замирившихся в предположенном для заселения районе. При этом представляется допустимым, что Евдокимов исходил из того, что и кабардинцы, трезво осознавая радикальное изменение (не в свою пользу) этнополитической конфигурации в субрегионе после депортации бесленеевцев и абазинских обществ попытаются отвести от себя катастрофу и будут предельно скрупулезно следовать букве присяги 1859 г. Факт имевшего место конфликта абадзехов и кабардинцев и территориальная дистанцированность последних от остатков кемиргоевцев, егерукаевцев и мохошевцев на западе Тхьэщлагъ мэз только могли укрепить в убеждении целесообразности использования хаджретского фактора в своих замыслах. Весомым доводом в пользу действий в данном направлении предстает и военный потенциал кабардинцев. Как выше отмечалось, их «замирение» не явилось результатом военного разгрома. Более чем полуторалетнее неучастие в военных действиях не могло благотворно не сказаться на состоянии социума и его военной мощи. Речь шла о многосотенной, остававшейся, по-прежнему, «лучшей в мире» кавалерии. Даже нарочитое бездействие с их стороны или же хотя бы вполне ожидаемое недопущение прорывов в зоне своего присутствия (во избежание обвинений в пособничестве) выступали достаточным мотивом для того, чтобы Евдокимов решился на временный (и локальный) отход от своей магистральной линии тотального изгнания черкесского населения из страны. О том, что для российского командования речь шла о тактическом, временном маневре можно судить по принятому к утверждению в ноябре 1861 г. проекту начальника Кубанской области о заселении предгорий кяхской Черкесии новыми казачьими станицами. Р.С. Кандор указывает в этой связи, что в документе предусматривалось выделение «беглым» кабардинцам 14 тысяч десятин земли между течением рек Лабы и Псефир выше станицы Лабинской²⁸. Принимая во внимание то обстоятельство, что сам Евдокимов оценивал численность «замыренных» кабардинцев в 10 тысяч человек, такой надел представлялся издевательским (также как, например, для натухайцев²⁹) и в полной мере отвечал декларировавшемуся генералом принципу, согласно которому он готов был предоставить черкесам «лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов»³⁰. Вместе с тем вполне допустимо, что письменная фиксация прав на крайне мизерный участок сопровождалась устными договоренностями, предполагавшими увеличение его размера в будущем. Для кабардинцев, принадлежавших к ороакустической культуре, это могло быть вполне приемлемой опцией.

Как бы то ни было, в это время у хаджретов появился и другой рычаг для эффективного (с точки зрения своих интересов) взаимодействия с оккупационной администрацией. Завязан он был на личности полковника Карахоко Фица³¹. К рассматриваемому времени он уже не одно десятилетие находился на русской военной службе и, можно полагать, вполне пользовался доверием начальства, что оправдывал готовностью выполнить любые его поручения. (Преступную и роковую роль, которую Карахоко Фица, кажется, сыграл во время переговоров Александра II с черкесскими лидерами в сентябре 1861 г. еще предстоит осмыслить³²). Здесь же сфокусируемся на том, что он, по крайней мере, с 40-х гг. проходил службу на Западном Кавказе³³ и вполне ориентировался в сложных реалиях военно-политического взаимодействия в регионе. Уже в 1858 г. он выступал посредником (будучи приставом закубанских ногайцев (sic!) при переговорах одного из

хаджретских лидеров Кундет Девлетгирея с командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенантом Козловским³⁴. Можно предположить, что и позднее, находясь под непосредственным начальством генерала Евдокимова, Карахоко Фица продолжал контактировать со своими соотечественниками. Во всяком случае, с апреля 1862 г. систематическое взаимодействие с хаджретами входит в его прямые служебные обязанности – он назначается «начальником» над кабардинцами (впрочем, как и над другими черкесами) проживающими в бассейне р. Лаба. На него возлагается устройство их «внутреннего управления» и ходатайства «перед русским начальством» об их нуждах, и защита интересов³⁵.

Разумеется, имперская администрация своеобразно понимала эти интересы. Однако у хаджретских лидеров имелись достаточно действенные инструменты по насыщению этого понятия «своим» содержанием и его последующей трансляцией на оккупационную власть. Такой потенциал проистекал из амбивалентности фигуры Карахоко Фица (как, наверное, и многих других, оказывавшихся в эпицентре «имперской ситуации»). Несмотря на его длительную вовлеченность в имперские практики, было бы преувеличением говорить о его полнокровной индоктринированности в имперский проект. Его жизненная траектория определенно позволяет такое утверждение. Прежде всего, следует вспомнить, что он поступил на русскую службу лишь в возрасте 24-х лет. Следовательно, его социализация прошла в черкесской культурной среде, что позволяет говорить о невозможности элиминации, задаваемой ею системы координат в той степени, которая позволяла бы говорить о качественном перевоплощении его мировоззрения (здесь вспоминается персонаж князя Бекмурзы Тембота (Федора Бекович-Черкасского) – хрестоматийного ренегата на имперской службе, но вместе с тем в культурном плане никак не соотносившего себя с русскими). Очевидно, речь можно вести о давлении культурного бэкграунда российского полковника, чьи референциальные ориентиры не могли быть полностью замещены в силу избранной им жизненной стратегии. Поэтому коммуникативная ситуация, в которой он вынужден был взаимодействовать с представителями знатнейших черкесских родов – кабардинскими князьями и тлекотлешами, не могла протекать без существенного (вероятно, определяющего) воздействия восточчеркесской нормативной рамки. Как и любой представитель кабардинского мелкого дворянского рода Карахоко Фица, несомненно, рос в обстановке глубокого пиетета к высшей аристократии страны. В силу обстоятельств ставший его наиболее частым и эффективным контрагентом Кундет Девлетгирей был как раз представителем тлекотлешского рода. К тому же к рассматриваемому времени это был человек с давно состоявшейся репутацией незаурядного политического деятеля. Можно полагать, что наработанный им за многие годы опыт и влияние во многом позволили проводить линию на консолидацию рассеянных в регионе «хаджретов» (в частности, возвращение аула Анзор Асланбека, присягнувшего в 1859 г. от егерукаевцев³⁶.) Думается, что для вовлеченных во взаимодействие с кабардинскими лидерами акторов не оставалось незамеченным, что политический вес Кундет Девлетгирея подкреплялся наряду с прочим и кровным родством по материнской линии с влиятельным в хаджретском сообществе дворянским родом Маргуш³⁷, на чей ресурс он мог безоговорочно опираться. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и символический капитал хаджретского лидера, базировавшегося на его родственных связях и в центральной Кабарде; Девлетгирей приходился родным братом воспевавшегося всеми кабардинцами Кундет Магомета, погибшего в бою с русскими в 1846 г.³⁸. О его безоговорочном авторитете можно судить и по тому, что отпрыски княжеских фамилий уступили ему первенство в ведении народных дел. И, что весьма показательно – общепризнанный (с 40-х гг.) продолжатель дела Болотоко Джамбулата, Хирциж Аля, Хатокшоко Магомет-Аша – знаменитый военный предводитель Шоген Герандуко практически всегда солидаризовался с Кундет Девлетгиреем³⁹. Наряду с соображениями,

предзаданными культурно-референциальными реалиями, особо следует подчеркнуть значимость актуальных связей Карохоко Фица (от имущественных до матримонийных) с местом происхождения, как императив, исключавший ту преступную роль, которую он сыграл в злодейском спектакле Евдокимова. Здесь он не мог позволить себе бездумно-индифферентного исполнения начальственных предначертаний без риска для своего будущего социального благополучия⁴⁰. Обстоятельства, при которых Карохоко Фица получил вышеупомянутое назначение, ставили его, таким образом, перед необходимостью пройти между Сциллой высокой вероятности пренебрежения своими должностными обязанностями (сопряженным с карьерными рисками) и Харибдой оказаться в роли парии в среде соотечественников в случае проявления чрезмерного с их точки зрения, служебного рвения. Этот лаг закладывал потенциал бивалентной агентивности в позиции Карохоко Фица. Ситуацию проясняет и наблюдения одного из российских офицеров, служившего в данном районе. Его сетования сводились к тому, что приставские начальники «...обыкновенно, искали средства отделаться от необходимости входить в опасные сношения с народом и такими средствами у них являлись или ловкий переводчик или же еще что еще хуже аульный начальник, назначенный на эту должность из прежних владетельных или очень влиятельных горских фамилий... Передав часть своих обязанностей аульным начальникам или другим влиятельным лицам, чины военно-народных управлений вместе с этим разделили с ними и значительную часть своей власти и своего влияния на народ»⁴¹.

Особенности российского продвижения в междуречье Лабы и Шхагуаши в течение следующего, грозившего быть предельно турбулентным 1862 г. для перспектив самосохранения кабардинского анклава, объективно составили удачную комбинацию факторов удержания их относительно стабильного положения. При этом следует отметить, что после изгнания в марте-апреле махошевцев, кемиргоевцев и егерукаевцев с правобережья Шхагуаши и параллельного заселения этого района одиннадцатью станицами перспективы кабардинского анклава казались не очень радужными⁴². Однако ряд затруднений, встреченных войсками, серьезные ошибки, допущенные Евдокимовым в ходе операций в бассейне р. Шхагуаша, и натиск абадзехов и убыхов в долине Лабы в конечном счете послужили благодатной почвой для закрепления своих позиций. Однако к середине – второй половине 1862 г. ситуация была еще весьма неоднозначной. Следуя своим прагматическим установкам, кабардинцы в целом уклонились от поддержки абадзехско-убыхского натиска на российские войска летом 1862 г., тем самым продемонстрировав верность своим «присяжным» обязательствам. Однако оставалось непонятным, насколько такая позиция удовлетворяла имперские власти, которые могли использовать непротиводействие своим соотечественникам в качестве удобного предлога для начала карательных действий. На фоне отступления сил черкесского Сопротивления хаджретские лидеры, по-видимому, признали целесообразным выяснить намерения командования относительно хаджретского присутствия в долине Лабы. С таким предположением консультирует извещение начальника Лабинского округа полковника Алкина кабардинским уорком Бабуг Асланбеком о желании выселиться в Османскую империю с сотней дворов вслед за отходом сил черкесской коалиции в горы. Окружной начальник не преминул заметить непоследовательность в поведении своего «визави». Докладывая в сентябре о поступившей еще в начале августа «записке» от него, полковник Алкин с некоторой озадаченностью извещал вышестоящее начальство о том, что Бабуг Асланбек прибыл к нему с «просьбой о разрешении отправиться ему на переселение в Турцию с подвластными его из ста дворов, (которых в сущности у него не более десяти дворов), но по прибытии к народу передумал и желает по-прежнему оставаться на своем месте»⁴³. Действительно, представляется по меньшей мере неоднозначным поведение не самого влиятельного среди хаджретов персонажа, заявлявшего о

намерении переселения с сотней дворов, когда он мог решать только за несравненно меньшее количество людей. Такую ситуацию можно было объяснить, если бы речь шла о деятеле уровня Шоген Герандуко или же Кундет Девлетгирея, которые в силу своей харизматичности и социального капитала могли увлечь и прямо неподвластную им часть общества. Принимая во внимание подобную ситуацию, можно допустить, что в этом ключе могли действовать и пользовавшиеся большим уважением хаджи или же религиозные деятели. Но в данном случае перед нами не рядовой, но и не выдающийся представитель хаджретского социума. Наряду с тем, что «по прибытии к народу» он «передумал» пускаться в путь (при этом ни о каких прениях и согласованиях среди кабардинцев начальнику Лабинского округа в этой связи известно не стало) возникает ощущение, что данный демарш стал результатом внутренних конвенций между хаджретскими лидерами, предпочтившими зондирование ситуации пассивному ожиданию возможной экзекуции со стороны российского командования. Иными словами, Бабуг Асланбек был делегирован от общества для контактов с военной администрацией (но был, как можно полагать, проинструктирован действовать в вышеизложенном ключе). Рассуждения в этом русле подкрепляются и последующим дезавуированием со стороны теперь уже действительно хаджретских лидеров. В своем обращении к Евдокимову, кабардинцы, во главе с Кундет Девлетгиреем, извещали о перемене своих намерений, хотя на просьбу о переселении сотни дворов с Бабуг Асланбеком и было получено согласие. «Но в настоящее время мы сочли лучшим остаться по-прежнему на месте нашего жительства», – гласило их решение, что в свою очередь очевидным образом демонстрирует источник инициативы с переселением в Турцию. Заканчивая же свое письмо к российскому военачальнику, его адресанты решили дополнительно подстраховаться рельефно изобразив невозможность взаимодействия с абадзехами. Они просили ни много ни мало защитить их «от непокорных абадзехов»⁴⁴.

В целом к осени 1862 г. положение хаджретов стабилизировалось. Поэтому в донесении Карохоко Фицы генералу Евдокимову насчет своих «подопечных» в январе 1863 г. проступает уверенная интонация. Он сообщает о том, что «... кабардинцы поселившиеся на Ходзе хотя и не в порядке того правила которое указано им заблаговременно, т.е. не отдельным аулом, зато в населении своем, составляя сплошную полосу аулов тянувшихся непрерывно по Ходзу с большим успехом могут содействовать как спокойствию и общему благосостоянию казачьим поселениям, так и в управлении собой, и в исполнении всех поручений начальства»⁴⁵. Выход на начальство с донесением подобного содержания с точки зрения *modus operandi* российского командования было проявлением если не явной крамолы, то показателем должностной халатности. Учитывая, что подчиненный выдавал прямое уклонение от предначертаний вышестоящего начальства чуть ли не как успех, могло показаться, что такая дерзость не останется без последствий. Однако в контексте озадаченности, если не сказать потрясенности военного командования остротой прошедшей кампании (оцененной Евдокимовым «самым тяжелым» годом с начала реализации плана Геноцида)⁴⁶ и неизвестности исхода предстоящих действий 1863 года адресант (понимаемый в широком смысле) вполне осознавал наличие расширенного пространства для маневров, что и было использовано не без успеха. Во-первых, решимость на неприкрытое манкирование директивными предписаниями российского командования и его же преподнесение в обертке полезного для имперских задач образа действий в условиях предельного осложнения общей военно-политической ситуации в кяхской Черкесии характеризует хаджретских лидеров как политических акторов адаптировавшихся к перманентной турбуленции. Во-вторых, размещение аулов в наиболее оптимальном с точки зрения реальных угроз порядке (по сути, воспроизведение их расположения в период открытой вражды с Россией) выглядит как показатель явного упрочения

позиций хаджретов. На этом фоне декларируемая хаджретами забота о спокойствии казачьего населения и уверения в готовности «исполнения всех поручений начальства» выглядели отчасти риторическим ритуалом (кстати, апелляция к «общему благосостоянию казачьим поселениям» косвенно подтверждает, что в предыдущих соглашениях этот пункт был ключевым). Во всяком случае, хаджретская тактика не была безрезультатной. Уклонение от поддержки абадзехско-убыхского натиска летом 1862 г. и трансляция на источник угрозы, установки на свою лояльность через «аффилированного» пристава, а также сохранность военного потенциала, размещенного в оптимальных геоландшафтных условиях, в совокупности обеспечили отвлечение оперативного фокуса имперского командования от «замыренного» анклава.

О расстановке приоритетов и движущих мотивах инстанции, втянувшейся в кульминационную фазу развернутого в Черкесии Геноцида можно судить по одному из тогдашних «отчетов». В документе содержится следующее разъяснение: «Военные обстоятельства края, заставлявшие обратить все внимание на скорое покорение последних бывших тогда нам не покорными племен, не позволяли до 1865 г. думать о правильных и систематических мерах к водворению порядка и благоустройства в горских обществах Кубанской области, а потому вся забота бывших военно-народных управлений была обращена лишь на поддержание внешнего порядка в обществах и на исправное формирование милиций, предоставляя внутреннее распоряжение в них старшинам и лицам высших фамилий»⁴⁷. В таких обстоятельствах опыт политического лавирования в условиях постоянно воспроизводящегося *tenuous equilibrium*, нарабатанный в предыдущий период хаджретскими лидерами, выступал дополнительным инструментом отведения разрушительных посягательств со стороны российского командования. Навыки «политеса», продемонстрированные ими, оказались столь убедительны, что и спустя несколько лет Евдокимов выражал удовлетворенность взаимодействием с ними. В частности, он отмечал что «все народные дела по водворению первых кабардинцев на новом месте по управлению и по разбору народных распрей, за мое командование производились через Кудинетова (Кундет Девлетгирей. – Т.А.) и выполнялись как нельзя лучше...»⁴⁸. Такая аттестация, бесспорно, удостоверяет успешность реализованной хаджретами стратегии самосохранения. Во избежание тривиализации этого феномена и его адекватного восприятия следует иметь в виду, что стабилизация положения кабардинского анклава была достигнута в условиях тотального по охвату и катастрофического по результатам разгрома кяхской Черкесии.

В связи с этим нелишне напомнить картину надлома социальной жизни, которую рисуют очевидцы черкесской катастрофы. Инспектировавший территории, с которых накануне было изгнано черкесское население, Р.Фадеев писал о том, что его остатки теперь «смешаны» «в хаотическую массу» потерявшую прежнюю общественную организацию и являвшую собой безличный материал⁴⁹. Он также констатировал, что «закубанские черкесы испытали в последнее время такое неимоверное нравственное потрясение, что им нет уже возможности от него оправиться... Понятия их дотога спутались неслыханным разгромом, что они ничему не удивятся, чтобы с ними не сделали... Подобной деморализации никогда не было видано. Все нынешнее закубанское туземное население составляет запуганную толпу...»⁵⁰. Генерал считал, «что нечего больше опасаться напуганных и истерзанных остатков черкесского населения». Также отмечалось, что побежденные «не оказывают сопротивления никому и никогда, чтобы с ними ни делали. Казаки же не великодушны, и с черкесами сбывается басня об умирающем льве; всякий их топчет»⁵¹. Завершающим штрихом таких воистину макабрических потрясений, подрывавших социальное бытие народа можно считать свержение с нормативного пьедестала воина-феодала. Вместо него взору деморализованной

массы, предстал «столь же оборванный, обнищавший и униженный» уорк⁵². Результатом надлома социальной системы стало то, что, согласно наблюдателю, «... закубанец теперь по необходимости прибегает во всяком случае к русскому начальству, отворяя нашему влиянию двери настежь к самым потаенным уголкам своей общественной жизни»⁵³.

На фоне состояния тотальной фрустрированности осколков западночеркесского населения, аттестованного как «распадение общественного быта»⁵⁴, ярким контрастом проступают очертания сохранности социального «габитуса» кабардинцев. Относительно ситуации 1864 г. отмечалось, что «...Кабарда сохранила вполне феодальное устройство... составляющее великое препятствие нравственному упрочению русской власти, потому что оно противопоставляет закон закону и поддерживает народное единство... аристократия ведет войну оборонительную, ограждая народ от русского влияния целой системой отношений, замкнутых, недоступных нам, отделяющих массу как бы стеной от русского закона и обычая»⁵⁵. Констатируя продолжающееся полнокровное функционирование инстанций, легитимирующих традиционную мировоззренческую и в существенной степени нормативную структуру, автор заключал, «что ничего нет труднее, как обрусить Кабарду», т.е. кабардинцев⁵⁶.

Опознав в пши-уорках главное препятствие в деле утверждения эффективно-го властвования среди кабардинцев, оккупационная администрация не замедлила встать на путь их маргинализации. Согласно наблюдениям Р.С. Кандора, с объявлением окончания войны оккупационную администрацию не могло устроить положение, когда на должности старшин аулов назначались традиционные владельцы, пусть и избранные на аульных сходах, но без возможности влияния на этот процесс приставского начальства. Поэтому она задалась целью лишения их реальной власти⁵⁷. Тем не менее, к примеру, в январе 1863 г. Кундет Девлетгирей наряду с несколькими аульными старшинами стал одним из «наибов» кабардинских поселений. Позднее, в декабре 1864 г. он избирается от «аульных обществ» депутатом горского суда Абадзехского округа⁵⁸.

Однако в течение первой половины 1865 г. оккупационная администрация сформулировала и приступила к осуществлению программы мероприятий, направленных на «вхождение в горскую среду» (т.е. вторжение в социальное пространство), «тщательно выбирая из оной все вредное и обветшалое». «Программа», одобренная главнокомандующим Кавказской армией состояла из 12 пунктов. Не вдаваясь в обозначение и последующий разбор обстоятельств и степени реализации каждого из них, сосредоточимся на нескольких из наиболее показательных с точки зрения затрагиваемого здесь вопроса. Так, одним из приоритетов «программы» в 1865 г. было заявлено «Упразднение влияния власти владельцев родов и введение выборного управления». Спустя четыре года в «отчете по военно-народному управлению Кубанской области с 1-го января 1863-го по 1 января 1869 г.» по отмеченной позиции, в частности, указывалось: «По учреждении ныне действующих управлений, в непродолжительном времени лица высших сословий, относившиеся весьма враждебно ко всем реформам в быту горцев и неохотно выполнявшие распоряжения начальства, были признаны не удобными на должностях аульных начальников (которые они занимали по правам происхождения), и приказано было упразднить должности аульных начальников, заменив оныя выборными от обществ. Избраны были в начале 1866 г. закрытой баллотировкой новые личности на должности старшин и помощников их, в числе которых было изрядное число лиц из простого класса»⁵⁹. Данное утверждение было справедливо только «за исключением кабардинцев и абазинцев, среди которых частью исключительные по своему значению влияния, частью фанатическая приверженность к обычаям удержали прежних влиятельных лиц во главе аульных управлений»⁶⁰.

Другим путем эффективного «вхождения в горскую среду» имперскими властями справедливо рассматривалось «Обложение горцев податями». В видах деформации и последующего разрушения традиционной социальной структуры, обладавшей устойчивой резистентностью внешним воздействиям, с 1866 г. начала внедряться «идея сбора податей сообразно с богатством жителей». По оценкам российской администрации, она «привилась в обществах весьма хорошо» за исключением одной общины. В источнике указывается, что «только ходзинские кабардинцы... долго уклонялись от самого производства раскладки сообразно с достатком жителей, и настоятельно просили не нарушать прежний их обычай...»⁶¹ Имперский чиновник в этом случае с заметным раздражением резюмировал: «Впрочем, ходзинские горцы и не в одном этом случае проявили упорство и нерасположение к мероприятиям правительства»⁶².

К таким случаям, безусловно, относится и позиция хаджретских лидеров по такому приоритетному в глазах имперских властей направлению как «крестьянская реформа». И здесь агенты имперского утверждения именно в кабардинцах углядели камень преткновения своим замыслам. Летом 1866 г. собранная для патрулирования перевалов ведущих в мятежную Абхазию «милиция от беглых кабардинцев с Ходза под командой» Кундет Девлетгирея в связи с циркулировавшими слухами, по свидетельствам представителей российского командования «решилась даже предъявить начальству требование об оставлении у них крестьян навсегда, отказываясь в противном случае идти в поход, потому что если и у них будут отбирать крестьян, то они сами сделаются абхазцами»⁶³. Разумеется, военное командование, которое, тогда, в 1866 г. депортировало последние группы черкесов с черноморского региона, не могло проигнорировать непреклонно-ультимативную риторику со стороны горстки давно «покоренных» кабардинцев. Хотя реакция последовала не сразу, этот казус, несомненно, внес свою лепту в последующее раскручивание эскалации, тем более, что хаджретская община оставалась непреклонной в своей позиции и спустя год, когда правительственные усилия начали давать свои плоды. В соответствующем отчете указывалось: «Благодаря особенному усердию и благоразумию мер, принятых окружными управлениями, горское население до такой степени свыклось с крестьянской реформой, что когда в конце 1867 г. при окружных управлениях были созваны от заинтересованных сторон депутаты для обсуждения условий освобождения крестьян, то без существенных затруднений почти во всех округах удалось свести обе стороны к соглашению...» И далее отмечается: «Результатом освобождения крестьян явилась необходимость для самих владельцев приняться за полевые работы. Не только уздени, имевшие крестьян, но и бедные из князей и даже султаны... принялись за хозяйственные работы...» И лишь жители «Абазинского и Кабардинского обществ (в которых старинные предания усиленно поддерживаются отдельными личностями)»⁶⁴ нарушали рисуемую благостную картину всеобщего послушания властям. Последних не могло не огорчать неуязвимость социального поля хаджретского коллектива ввиду того, что «прекращение абректства»⁶⁵ являлось одним из заявленных ими еще в 1865 г. приоритетов. В этой связи командование, пытаясь трезво оценить наличествовавшую на тот момент ситуацию, констатировало: «Продолжительность Кавказской войны, в течение которой каждый горец считая своей священной обязанностью вредить русским всевозможными мерами, имел[а] следствием то, что среди горцев получили почетное значение личности предприимчивые и искусные в разных хищнических проделках в пределах, занятых русским населением. Естественно, что и с принесением вынужденной покорности воззрения горцев на воровство скота и даже на грабежи не могли скоро измениться»⁶⁶. Не будет преувеличением считать, что подобная характеристика была применима в первую очередь к кабардинским анклавам Ходзи и Зеленчуков, сохранившим, невзирая на прессинг оккупационных властей, социальную иерархию и символическую структуру⁶⁷.

При этом следует отметить, что несмотря на продолжавшиеся геноцидальные практики в черкесском высокогорье и после объявленного российскими войсками окончания Кавказской войны в мае 1864 г. «замиранные» кабардинские анклав и остававшиеся в лесных дебрях хакучинцы-шапсуги упорно демонстрировали «искусство быть неподвластными»⁶⁸, поддерживая инфраструктуру сопротивления. Острота ситуации обнаруживается при обращении к источникам, в которых анализировались угрозы перспективам эффективного имперского утверждения на территориях, откуда только что были изгнаны черкесы. Здесь мы позволим себе довольно пространную выдержку из одного, отличающегося высокой информативностью документа. В нем излагается следующее: «Недостаточная предприимчивость населения закубанских полков, еще не освоившихся с местностью, делало ремесло разбойника в нагорных трущобах почти безнаказанным и заманчивым для праздной молодежи горских округов. Вследствие этого и неуклонности мер против воров побеги из Лабинского, Псекупского и Зеленчукского округов сделались весьма часты, и бессилие местных властей к пресечению этого зла, без искреннего содействия аульных обществ, начало дурно отзываться на настроении умов населения, явно покровительствовавшего беглым. Подобное настроение не замедлило в самом непродолжительном времени отозваться на спокойствии всего Закубанского края, но оно не было делом случайным и непредвидимым, а сложилось вследствие особенно благоприятных условий местности скрытой, пересеченной и малодоступной, а равно и по особенностям склада горской жизни. Местная администрация зорко следила за этим злом и неусыпно старалась пресечь его в самом его корне войсками, отправленными в экспедицию в течение последних четырех лет.

Нетрудно себе представить, какие размеры могли принять в обществе грабежи и разбои, ежели бы вся помянутая марка самого дикого и свирепого неприятеля оставалась в области.

Независимо от усиления военного надзора за нагорной полосой, в сентябре 1867 г. были приняты строгие карательные меры против передержателей абреков (примечательно, что предварительно – в августе 1867 г. был арестован и отправлен в ссылку считавшийся военным командованием «коноводом» «кабардинского общества» Кундет Девлетгирей⁶⁹) и против целых аульных обществ, в которых абреки жили до побега, или же на землях которых безнаказанно совершили злодейство.

Равномерно воспрещение, без существенной необходимости, отлучки горцев из аулов в нагорные станицы и учреждение ночных караулов в аулах.

Строгостью этих мер предполагалось заставить общество и отдельных лиц отказаться от поддержки беглецов. Результатом этого было сперва только то, что происшествия в районах военно-народных округов совершенно прекратились, но в области все-таки продолжались; когда же местные власти начали тайно следить за подозрительными людьми через особенно благонадежных лиц, получавших хорошее денежное вознаграждение, то проживание беглецов в аулах совершенно прекратилось; однако, несмотря и на это, разбойники, имея безопасный приют в трущобах Юго-Западного склона Кавказа, не только не оставили своих грабежей и разбоев, но напротив того – начали производить оные с особенным зверством.

Продолжение такого тягостного положения дел грозило совершенным разорением обедневшему населению нагорных станиц и мешало успеху колонизации свободных земель Черноморского округа, а при предстоявшей в области крестьянской реформы могло повлечь за собой усиленные побеги владельцев, не довольных реформой, и тогда пришлось бы вести настоящую войну против сбора, имеющего надежное убежище в трущобах Южного склона. К тому же нужно было всеми средствами стараться сокращать расходы на содержание в нагорной полосе дорогостоящих кордонов, которые хотя и заставили разбойников осмотрительнее пробираться с Южного склона в нагорные станицы, но тем менее не могло предотвращать возможность разбоев в некотором отдалении от постов»⁷⁰.

Пользуясь современной терминологией, такую картину можно охарактеризовать как конфликт низкой интенсивности. Сама возможность подобного положения подвергала сомнению манифестированный триумф империи. Латентная резистентность со стороны «осколков» разгромленной страны не могла быть терпима инстанцией, рутинизировавшей крайние формы насилия в ходе утверждения своего владычества. В этом плане обозначившаяся коллизия между претендовавшей на тотальный контроль имперской властью и немногочисленным сообществом, сумевшим сохранить устойчивость своего социального поля, изначально содержала в себе высокий потенциал насильственной развязки. Новая инициатива имперских властей в канун 1868 г., которую «кичливая молодежь беглых кабардинцев» с негодованием отвергла, сделала ее неотвратимой.

Примечания

1. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 2001; Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874). Ч. 2. Автор проекта, археография, составление сборника доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и КБР Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2003; Архивные документы по истории Кавказа (начало XIX в. – 1902 г.). Вып. 2. Сост. Р.К. Кармов. Нальчик, 2016.
2. *Мамонтова А.В.* Восстание закубанских кабардинцев в 1868 году // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1947. С. 49–67.
3. *Афаиагов А.Х.* История аула Ходзь. Майкоп, 1998.
4. *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления западных адыгов (черкесов) (конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2009. С. 122–123.
5. Там же. С. 123.
6. *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 91.
7. *Кандор Р.С.* Указ. соч. С. 125.
8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 347. Оп. 1. Д. 33. Л. 10. (Далее – ГАКК).
9. Там же. Л. 6 об.
10. Там же. Л. 7 об.
11. Там же. Л. 5 об.
12. Там же. Л. 23.
13. Там же. Л. 9 об.
14. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 208.
15. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 39. Л. 11. об.
16. Там же. Л. 23.
17. Там же. Л. 26.
18. Там же.
19. Там же. Л. 27.
20. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 502.
21. *Кандор Р.С.* Включение залабинских кабардинцев в административно-территориальную систему Российской империи (конец 50-х – середина 60-х гг. XIX в.) // Исторический вестник. Вып. IX. Нальчик, 2010. С. 66.
22. Там же. С. 67.
23. В рапорте начальника Центра Голицына временно командующему войсками Кавказской линии и Черномории Завадовскому от 13 февраля 1846 г. о Кундет Девлетгирее, в частности, говорится, что он «долго жил за Кубанью между непокорными и неоднократно приезжал в Кабарду на воровство, особенно же участвовал в проведении Солеймана эфендия из Чечни за Кубань и обратно». Несколько времени спустя о нем же сообщалось, что «часто приезжая в Кабарду, даже быв во время вторжения Шамиля с несомненно

одобрительным поведением...». – Материалы по обычному праву кабардинцев. Собрал и подготовил к печати Б.А. Гарданов. Нальчик, 1956. С. 195, 204.

24. *Ольшевский М.Я.* Указ. соч. С. 517.

25. *Венюков М.* К истории заселения Западного Кавказа. 1861–1863 гг. // Кавказ: Трагедия изгнания. Нальчик, 2014. С. 247.

26. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 210.

27. *Венюков М.* Указ. соч. С. 248.

28. *Кандор Р.С.* Включение залабинских кабардинцев... С. 67.

29. *Алов Т.Х.* Гибель Натухая и феномен Куштанок: от идиосинкратичности образов к целостному видению // Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Материалы круглого стола. Нальчик, 2013. С. 81–82.

30. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX–XX века). Сборник документов и материалов. Составители: Р.Х. Гутов, Х.А. Касумов, Д.В. Шабаев. Нальчик, 2000. С. 157.

31. В российских документах этот офицер фигурирует под фамилией Абдрахманов. Однако в черкесской этнической среде более распространенным является название этого рода как Къарэхъу(къуэ) (Карахоко). См.: *Агънокъуэ Лаиэ. Усэхэр.* Налшык, 1993. Н. 32; Кабардинский фольклор. Общая редакция Г.И. Бройдо. Нальчик, 2000. С. 390, 610; Брантов З.-хаджи Абадзехский сказ. Составление, подготовка текстов, научное редактирование, комментарии и авторы вступительной статьи: А.К. Чеучева, И.К. Брантова. Майкоп, 2014. С. 65, 120.; Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940). Историко-архивные материалы и воспоминания. Нальчик, 2017. С. 390.

32. *Венюков М.И.* Кавказские воспоминания (1861–1863). Нальчик, 2011. С. 23.

33. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов... С. 155–156.

34. *Кандор Р.С.* Включение залабинских кабардинцев... С. 64–65.

35. Там же. С. 67.

36. *Кандор Р.С.* Включение залабинских кабардинцев... С. 69.

37. Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 208.

38. Там же. С. 198.

39. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900. С. 124. Наряду с вышеупомянутыми сведениями о деятельности Кундет Девлетгирея в 1840-х гг. и того факта, что именно ему было доверено ведение переговоров с командующим российскими войсками на Северном Кавказе в 1858 г., роль кабардинского тлекогтлеша характеризуют и другие нюансы. Так, обращает на себя внимание расположение аула Кундет Девлетгирея до «замирения» 1859 г. Его аул был самым верхним из восьми кабардинских селений, располагавшихся в этот период в долине р. Фарс. Хотя этот аул был малочисленным (15 дворов) и согласно сведениям российских военных Шоген Герандуко (с 500-ми дворов) «повиновались все беглые кабардинцы, жившие на Фарсе», следует учесть, что соблюдение статусно-иерархической локализации поселений показывает возможность корректировки оценки военного командования. Шоген Герандуко к этому времени пользовался репутацией одного из самых видных черкесских предводителей. В условиях военных действий, разумеется, его компетенции были перманентно востребованы. В этом плане, российское командование, следя за текущей ситуацией у противника было, в первую очередь, заинтересовано в адекватной информации о его непосредственном военном руководстве. Такое понимание ситуации помогает объяснить радикальное изменение соотношения численности «дворов» в селениях этих дворян после кабардинского «замирения». Так, в списке населенных пунктов Абадзехского округа за 1863 г. отмечается, что в ауле Кундет Девлетгирея числится 125 дворов, тогда как у Шоген Герандуко таковых зафиксировано 40. – *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления... С. 209.

Здесь представляется необходимым дополнить образ кабардинского тлекогтлеша еще одним штрихом. В фольклорном произведении «Приход русских», в котором, как раз описываются радикальные изменения в черкесской жизни долины Лабы интересующего нас времени, упоминается и Кундет Девлетгирей. В тексте наряду с прочим говорится о русских (в данном случае, согласно жанровой специфике о «русском» в единственном числе) следующее: «Каждый встречный для тебя – немирный. // Войску твоему тесно на свете. //...Оголил ты всю долину Ходзь, // Без спросу срубил нашу рощу, // В дебри пробрался по тропам, // Не оставил на Белой груш, яблонь. //... Кто по столбовой дороге не едет, //

Тот для тебя лазутчик. // Нагнал ты страху на верховых, // Должери (Кундет Девлетгирей. – Т.А.) отучил от ружья». – Кабардинский фольклор. Общая редакция Г.И. Бройдо. Нальчик, 2000. С. 390, 610. Из контекста не ясно идет ли здесь речь о ситуации до или после «мятежнической вспышки» кабардинцев. Однако совершенно очевидно, что, для «авторов» произведения, «отучение» Кундет Девлетгирея «от ружья», т.е. войны с Россией явилось фактом экстраординарным и знаковым.

40. Здесь уместно вспомнить пример Шипш Темиркана, который, также, как и Карахоко Фица, в первой половине 1860-х гг. показал себя активным клеветником генерала Евдокимова. Шипш Темиркан служил в этот период на западной оконечности Черкесии – Шапсугии и Натухае и был причастен к изуверским преступлениям против черкесов этих областей. Несмотря на то, что он дослужился до генеральского звания и прочно инкорпорировался в имперскую систему население Кабарды на протяжении всей его жизни и долго после смерти презрительно относилось к его персоне. См.: Кабардинский фольклор. Общая редакция Г.И. Бройдо. Нальчик, 2000. С. 428–429; *Агънокъуэ Лаиэ. Усэхэр*. Налшык, 1993. Н. 31–32. Деятельность Карахоко Фица также отражается в фольклоре в негативном ключе и даже в связке со злодеяниями Шипш Темиркана. Однако его фигура в нем, лишена столь напряженных диффамационных дескрипций, отличающих описание образа Шипш Темиркана. – Кабардинский фольклор. Общая редакция Г.И. Бройдо. Нальчик, 2000. С. 390; *Агънокъуэ Лаиэ. Усэхэр*. Налшык, 1993. Н. 32.

41. *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления... С. 150.

42. *Ольшевский М.Я.* Указ. соч. С. 518, 535.

43. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 109.

44. Там же. С. 110.

45. *Кандор Р.С.* Включение залабинских кабардинцев... С. 69.

46. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 210.

47. Там же. С. 359.

48. *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления... С. 171.

49. *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010. С. 397.

50. Там же. С. 399–400.

51. Там же. С. 405.

52. Там же. С. 401–402.

53. Там же. С. 399.

54. Там же.

55. Там же. С. 397.

56. Там же. С. 399. В представленном контексте, на наш взгляд, правомерно восприятие названия «Кабарда» не только как топоним отождествлявшийся в имперской номенклатуре данного периода с бывшим «Центром» Кавказской линии, но как традиционное обозначение согласно устоявшимся нормам (узусу) русского словоупотребления ко всем жителям восточночеркесских анклавов Центрального и Северо-Западного Кавказа, т.е. кабардинцам бассейнов Терека, верхней Кубани и долины Лабы. К тому же метонимическое использование онима «Кабарда» не является редкостью в русском языковом сознании. В качестве примера можно привести выражения типа «как Кабарда пошла воевать» (*Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, Т. I. 1994. С. 80) или же «Кабарда знает лошадь» (Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 115.)

57. *Кандор Р.С.* Включение залабинских кабардинцев... С. 72.

58. Там же. С. 69, 72.

59. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 360–365.

60. Там же. С. 365.

61. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 371. В связи с таким направленным и форсированным курсом на «эгалитаризацию» социального устройства у черкесов показательно, что в русских областях империи мы наблюдаем прямо противоположные усилия со стороны властей. Так, даже спустя почти четыре десятилетия после оглашения манифеста 1861 г., согласно изысканиям С.А. Нефедова, «дворяне в среднем платили с десятины своих земель 20 коп. налогов; нищие крестьянство платило с десятины 63 коп. налогов и 72 коп. выкупных платежей, всего 1 руб. 35 коп. – в семь раз больше, чем дворяне». При этом, как справедливо замечает С. Сергеев, «помещики через Дворянский банк получали ссуды в 7–8 раз больше, чем заемщики Крестьянского банка». – *Сергеев С.М.* Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия. М., 2017. С. 269.

62. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 371.
63. *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления... С. 167.
64. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 374.
65. Там же. С. 375.
66. Там же.
67. Там же. С. 376–377.
68. Там же. Это выражение, вынесенное в название статьи мы заимствовали из книги Дж.С. Скота «Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М., 2017.
69. *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления... С. 170; Архивные документы по истории Кавказа... С. 57.
70. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 377.

«THE ART OF NOT BEING GOVERNED»: TO OPENING «MUTINOUS BURST» OF THE CABARDIANS IN 1868

Aloev Timur Hazrailovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», aloborsa@mail.ru

1868 is marked by last big armed action of the circassians in XIX. It spread among the Kabardinian hadjrets of the valley of the river Laba. In this article are retraced the circumstances and strategies of the preservation of the stability of the hadjret socium from the endings of 50 to second half of 60 XIX in the circumstances of the uninterrupted pressure of the Russian military command.

Keywords: Hodz, hadjrets, Genocide, circassians, social sphere, resistance

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-29-45

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГАЗИ-КУМУХСКОГО ХАНСТВА К РОССИИ

Курбанов Ахмед Джабраилович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», ahmed2005@mail.ru

Исследование посвящено событиям на Северо-Восточном Кавказе в начале XIX в. В контексте активизировавшейся борьбы мировых держав за господство в регионе, раскрывается процесс присоединения Гази-Кумухского ханства к России. Основное внимание уделяется политике Сурхай-хана II, стремившегося сохранить независимость ханства, которая приводила к частым столкновениям с российскими войсками.

Ключевые слова: Россия, Иран, Дагестан, Гази-Кумухское ханство, политика, независимость, противостояние, Сурхай II.

12 октября 1813 года между Россией и Ираном был подписан Гюлистанский мирный договор, юридически оформивший вхождение Дагестана в состав России. Завершился длительный процесс присоединения дагестанских народов к России, что стало возможным в результате победы Российской империи в борьбе над шахским Ираном и султанской Турцией¹. Активным участником этой борьбы являлось Гази-Кумухское ханство, которое в период правления Сурхай-хана II Кунбутая оставалось одним из крупных государственных образований в Дагестане и активно влияло на общий политический климат в регионе и за его пределами².

В период первых лет правления Александра I России удалось достичь определенных успехов в кавказской политике. Манифест от 12 сентября 1801 г. о присоединении Грузии и Георгиевский договор между Россией и владельцами Северо-Восточного Кавказа оказали существенное влияние на дальнейшую стратегию и тактику России в этом регионе. По существу Александр I решил вернуться к идее своего отца об образовании из разрозненных владений Дагестана и Северного Азербайджана федеративного союза под протекторатом России, который стал бы на Северо-Восточном Кавказе надежным заслоном ирано-турецкому влиянию.

Реваншистская политика Ирана, подогреваемая западными державами, привела к Русско-иранской войне 1804–1813 гг., которая существенно повлияла на расстановку сил на Кавказе. Особенно заметно война сказалась на положении в Дагестане, где разброс внутренних социальных интересов становился реальной почвой для военно-политического раскола, приводившего одних в лагерь России, других – Ирана.

В июле 1804 г. иранские войска переправились через р. Алазань, поставив своей целью «не только покорение Грузии, но и насильственное восстановление иранского владычества» на Кавказе³. Гази-Кумухский Сурхай-хан II, воодушевленный шахскими призывами, дважды выступал против русских отрядов и добивался определенных успехов. Российское командование получает от него письмо, в котором он, угрожал России и требовал вывести ее войска по другую сторону р. Алазани⁴.

Однако среди населения Гази-Кумухского ханства наметился раскол, т.к. росло число сторонников, желающих ориентироваться на Россию, а число желающих участвовать «в антирусских» предприятиях Сурхай-хана II сокращалось⁵. Так, по

данным А. Каяева, влиятельный горец Къурлику обратился к Сурхай-хану II с предложением перестань «без надобности беспокоить народ, оставить свои затеи и идти на соглашение и дружбу с русскими»⁶. Но хан жестоко расправлялся с подобными «советчиками». В конце 1805 г., **предчувствуя, что ему не удастся собрать достаточное ополчение в подвластных владениях, он разослал в другие местности Дагестана своих гонцов с тем, чтобы «как из разных горских деревень, так и некоторых подвластных Эндиреевским владельцам собрать к себе людей с обещанием платить каждому по сорока пяти рублей»**⁷.

В связи с этим Кизлярский комендант М. Гоголов срочно доносил командирующему отрядом в Дагестане Г. Глазенапу о планах Сурхай-хана II⁸. Следует отметить, что российское командование понимало опасность, исходившую от мятежного хана и характеризовало его так: «Сурхай-хан есть пружина всех беспокойств, бывших и начинающихся в Дагестане; он, как хитрый и сильный владелец, управляет умами всех горских старшин, и все делается по его приказаниям...»⁹.

Действительно, собрав достаточное войско, Сурхай-хан II выступил по направлению к реке Алазань. «У меня есть договор, – писал он старшине пограничных с Грузией селений Мухаммаду Вузурлу, – с аварским ханом и с Александром (грузинским царевичем. – А.К.), которые на сих днях должны прийти и соединиться, и по тому договору дербенсткий Ших-Али-хан и шемахинский Мустафа-хан...заодно, а те владельцы, которые не согласны действовать с ним, будут изгнаны, а на их место поставят других ханов». «Кроме того, – продолжал он, – между нами положен... срок с Шахзадою (наследник престола. – А.К.), который должен с Александром прибыть в Елисаветполь (т.е. Гянджу). И тогда обще действовать против России»¹⁰.

Как и ожидалось, в июле 1806 г. в селение Карамурат, расположенное в 80 км от Елисаветполя, прибыли Хусейн-Кули-хан, царевич Александр, Насиб-бек Шамшадильский и все бежавшие в Иран аглары с шахскими войсками в количестве 4 тысяч человек. «Намерение их, – доносил майор Кочнев, – не прежде осмелиться пуститься к Елисаветполю, покамест не покажется Шахзаде с войсками сюда, а пока они заняты привлечением народа на свою сторону, рассылая письма, фирманы и т.д.»¹¹.

Однако усилия хана и его сподвижников не увенчались успехом. Русские войска под Елисаветполем нанесли крупное поражение иранским войскам. Тогда же в Дагестан вступили войска под командованием генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа. В местности Бойнак к генералу присоединились отряды шамхала Тарковского Мехти. 1 июля 1806 г. ими был занят Дербент, а затем без боя покорилась Куба. Вместо отстраненного от управления ханством Ших-Али-хана российским командованием правителем Дербента был назначен Хаджи-бек.

Тем временем Сурхай-хан II продолжал настраивать владельцев против российского присутствия в регионе. Осенью 1806 г. он с крупным отрядом расположился в Джаро-Белоканах. Российское командование снарядило туда войско под командованием генерал-майора Д.З. Орбелиани, который, получил угрожающее письмо от Сурхай-хана II. «Известно Вам, – писал он, – что Джарская провинция отделена от владения моего и я за нее не должен щадить ни жизни, ни имущества.»¹². При этом хан потребовал вернуть русские войска за р. Алазань, что было отвергнуто. Однако, не желая кровопролития, Орбелиани, продвинувшись к селениям джарцев, отправил посланника с требованием, чтобы они выразили преданность. В это же время в Джарах находился Султан-Ахмед-хан Аварский; он распустил свой отряд и явился к Орбелиани, которому сообщил, что прибыл в Джары с единственной целью – через графа И.В. Гудовича «просить милости и покровительства» России. За верность России и отход от Сурхай-хана II главнокомандующий на Кавказе граф И.В. Гудович выдал Султан-Ахмед-хану

Аварскому на полгода вперед жалование и просил императора произвести его в генерал-майоры.¹³

Сурхай-хану II были отправлены посланцы с трактатом «для примерного руководства» и приведения хана к присяге. Сурхай-хан II отвечал, что он готов «с чистосердечным усердием повергнуть себя с детьми своими и со всем своим владением в вечное подданство русскому скипетру», но отказывался подписать предлагаемые Россией условия. Затянувшиеся переговоры закончились в декабре 1806 г. Сурхай-хан II в присутствии генерала Лихачева дал присягу на верность России.¹⁴

Успехи кавказской политики России встревожили правительство Ирана, которое пыталось добиться вмешательства Англии в войну с Россией. В 1809 г. был подписан Англо-иранский предварительный договор, предусматривающий предоставление Ирану военной и материальной помощи для продолжения наступательной политики на Кавказе.

Действуя сразу на двух фронтах, Англия подписала в том же году договор с Турцией, после чего Порты также возобновила войну с Россией. В связи с этим на Кавказе, особенно в Дагестане, вновь развернулась пропагандистская деятельность эмиссаров этих стран.¹⁵ Но турецкие эмиссары не смогли добиться желаемого результата и поднять кавказских мусульман на «священную войну». Примечательно, что именно в это время Сурхай-хан II заверил Россию в своей преданности¹⁶, хотя в последующем, не без влияния извне, он вместе с Ших-Али-ханом заметно активизировался и вновь стал выступать против России.

В создавшейся ситуации Сурхай-хан II обращается к генералу П. Репину с письмом, в котором выстроена политическая позиция, напоминающая по своему содержанию позицию удельного князя, борющегося за собственную политическую и экономическую независимость. Хан ссылается при этом на своих предков, которые сохранили свою независимость и дани никому не платили.¹⁷ Это означало, что он российское подданство не рассматривал как окончательное и оставлял за собой право менять свои позиции по отношению к России. Вместе с тем российское командование на Кавказе старалось поддерживать отношения с Сурхай-ханом II, признавая его авторитет среди горцев, всеми силами пытаясь удержать хана от открытого выступления.

В июле 1810 г. новый главнокомандующий на Кавказе князь А. Тормасов принял целый ряд дагестанцев в русскую армию. В том же году ряд союзов сельских обществ Аварии был принят в подданство России. В этой обстановке Сурхай-хан II Гази-Кумухский «в присутствии посланника российского командования и всего народа дал клятву на верность и подданство России и отдал двух аманатов из лучших **Гази-Кумухских** старшин»¹⁸. Это означало, что ханство Гази-Кумухское летом 1810 г. попало под протекторат России.

Победы российского **оружия** вызвали тревогу не только в правящих кругах Ирана, но и озабоченность в Англии. Английская дипломатия приложила все усилия, **чтобы** не допустить прекращения военных действий. На Кавказе снова появились иранские и турецкие агенты, которые должны были «возбуждать к возмущениям горцев Дагестана»¹⁹. К Сурхай-хану II, в частности, прибыли «турецкий хаджи и чиновник персидский с письмами и деньгами»²⁰.

Активную деятельность развернул и Ших-Али-хан, собирая угрозами и подкупом под свои знамена вооруженных горцев и вместе с сыном Сурхай-хана II Нух-беком пытаясь овладеть Кубой.²¹ Однако и на этот раз им не удалось поднять горцев против России. Более того, русские войска вместе с отрядом Аслан-бека (племянника Сурхай-хана II) разбили в Южном Дагестане отряды Ших-Али-хана и **Нух-бека**. Вслед за этим от разных южных обществ присланы были к генералу Н. Хатунцеву «почетные лица». Они заверяли Хатунцева в своей верности России, жаловались на насилия и притеснения **Сурхай-хана II** и с покорностью

просили помилования и покровительства Российской империи. В феврале 1811 г. по их просьбе было документально оформлено вступление в подданство России союзов сельских обществ Южного Дагестана, а в январе следующего года Кюра, находившаяся в составе Гази-Кумухского ханства, была присоединена к России, **управление** ею поручено Аслан-беку, который был возведен в сан кюринского хана.

Тогда же в сел. Курах к генералу Н. Хатунцеву явились из Гази-Кумуха посланцы Хасан-бек и Фет-Али, которые от имени гази-кумухцев настоятельно «просили принять их в верноподданство России». Хотя, по их утверждению, на этот шаг они «решились давно, но не могли осуществить его из-за того, что **Сурхай** смотрел за ними»²². Они сообщили, что Ших-Али-хан, оставленный всеми, имеет «намерение удалиться в Персию по приглашению его туда и делает нужные к тому приготовления. Сурхай-хан же беспокоится, как бы русские войска вместе с Аслан-ханом не прибыли в Гази-Кумух, потому что-де не находит способов собрать значительное число войск, в пособии которых как аварцы, так и акушинцы, цудахарцы ему отказывают»²³.

В то же время Сурхай-хан II не переставал заверять российское командование в своей преданности. Так, в письме к исполняющему должность коменданта Кубы подполковнику Жменскому он писал: «С самого того дня, как я с Россией заключил мирные кондиции, то даже и поднесь в том стою непоколебимо, сохраняя оные свято и ненарушимо, для вас очень довольно, что я ни в чем вам не препятствую и не обижаю вас»²⁴.

Несмотря на выгодную ситуацию, генерал Хатунцев, оставив в Курахе гарнизон из двух некомплектных батальонов и 90 человек казаков под командованием майора Рябинина, вернулся обратно. Объясняя мотивы, побудившие его отложить поход в Гази-Кумух, Хатунцев ссылаясь на то, «что как в самом Гази-Кумухе, так и в окружности оного в многих деревнях, существует ныне зараза»²⁵. Естественно, что решение Хатунцева отрицательно повлияло на позиции российской стороны. Как только Хатунцев с основными силами оставил Южный Дагестан, Сурхай-хан II в надежде укрепить свое пошатнувшееся положение стал склонять на свою сторону жителей окружающих его владений и предпринимать меры по возвращению Кюринского ханства.

После того как приглашенные Сурхай-ханом II старшины Акуши и других обществ на просьбу «дать ему пособие в войсках для возвращения по-прежнему Кураха и всей провинции Кюринской» отказали ему, он через своих посланников обратился с этим же вопросом к ахтынцам, рутульцам и др. В связи с этим кавказское командование направило для «наказания» его в Дагестан отряд под командованием того же Хатунцева. Узнав о прибытии русских войск в Курах и Башлы и «что сей народ присягнул в верности России», видя, что «все бывшие у него в сборе» разбежались, Сурхай-хан II прислал к Хатунцеву своего чиновника с письмом, в котором уведомлял, что «он оставляет все донныне бывшие с его стороны намерения и предприятия, клянясь Богом, что он впредь пребудет спокоен»²⁶, а 17 июля прислал с сыном Муртазали «предложенную ему присягу, утвержденную им по обычаю на ... Коране подписью и печатью, извиняясь, что сам он по причине старости и слабости здоровья видеться... не может»²⁷.

Однако жители Гази-Кумухского ханства, как и соседние народы, уставшие от постоянного противостояния российскому командованию, не довольствуясь данным Сурхай-ханом II обещанием, «собрались и имели между собою совещание. Благоразумные и добронравные из них посоветовали назначить в Кумухе ханом Муртазали, в том соображении, что они будут неизменны в службе русской державы и разногласие исчезнет»²⁸. Таким образом, основная масса населения ханства склонялась к принятию подданства России, что в итоге и произошло.

Характеризуя политику Сурхай-хана II следует отметить, что желание быть независимым приводило его к тактике лавирования, которая была известна

дагестанским правителям еще задолго до настоящих событий. Однако Сурхай-хан II, следовавший преемственности политической линии гази-кумухских ханов, не смог понять и оценить сущности изменений в политической жизни на Кавказе в целом и, в частности, в Дагестане. Впоследствии он вынужден был эмигрировать в Иран, а затем, вернувшись в Дагестан, предпринимал дальнейшие попытки вызвать возмущение и беспорядки в Гази-Кумухском ханстве, которые, как и прежде, оказывались безуспешными

12 октября 1813 г. в селении Гюлистан (Карабах) правительство Ирана вынуждено было подписать с Россией **мирный** договор. По этому договору шах отказывался от притязаний на Дагестан, Грузию, ханства Кубинское, Ширванское, Карабахское, Дербентское, Бакинское, Шекинское и Гянджинское. К России отошла также часть Талышского ханства.

Присоединение Дагестана и значительной части Закавказья к России, с одной стороны, избавило народы этого края от нашествий персидских и турецких захватчиков, привело к постепенной ликвидации феодальной раздробленности, помогло им поднять свое экономическое положение на более высокий уровень; с другой стороны, между кавказскими народами и российскими властями и воинскими частями часто возникали трения на религиозной и этнической почве, что порождало нестабильность в этом регионе России

Примечания

1. *Далгат Э.М.* 200 лет в составе России // Материалы ко дню культурно-исторического просвещения, посвященному 200-летию окончательного вхождения Дагестана в состав Российского государства и 90-летию со дня рождения Расула Гамзатова. Махачкала, 2013. С. 7.
2. *Курбанов А.Д.* Гази-Кумухское ханство и Персидский поход В.А. Зубова в 1796 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2 (8). Ч. III. Тамбов, 2011. С. 104.
3. *Иоаннисян А.Р.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. С. 70.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 1285. Ч. III. Л. 302.
5. *Каяев А.* Материалы по истории лакского народа (на лак. яз.) // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1642. Л. 78.
6. Там же Л. 79.
7. Там же Л. 79.
8. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4258. Ч. 3. Л. 506.
9. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1870. Т. IV. С. 628.
10. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 51. Л. 101.
11. АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 444.
12. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. III. С. 92.
13. Там же С. 92.
14. АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 379.
15. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (ЦГИА РГ). Ф. 2. «Канцелярия Главного управления Закавказским краем». Оп. 1. Д. 154. Л. 224.
16. ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.
17. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 51. Л. 250.
18. АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 626.
19. Там же С. 626.
20. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 51. Л. 101.
21. А.К. [Жомаров]. Казикумухские и Кюринские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 18.

22. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 51. Л. 105.
23. АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. Ч. 2. С. 615.
24. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов / отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988. С. 292.
25. Материалы по истории Дагестана и Чечни. (Первая половина XIX в.) Т. III. Ч. I. 1801–1839 / под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. С. 102.
26. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 51. Л. 518.
27. АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. Ч. 2. С. 617.
28. ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 917. Л. 37.

CONNECTION OF GAS-KUMUKH KHANOST TO RUSSIA

Kurbanov Ahmed Dzhabrailovich, Doctor of History, Professor of the Department of Homeland History of the Daghestan State University, ahmed2005@mail.ru

The article is devoted to the events in the North-East Caucasus in the beginning of XIX – th century. In the context of intensified fight of world powers for dominance in the region, the process of accession of Khanstvo to Russia is exposed. The most attention was concentrated on the politics of Surkhai Khan the 2nd, who attempted to preserve independence of the Khanstvo, which led to frequent collisions with Russian troops.

Keywords: Russia, Iran, Daghestan, Gazikumuh Khanstvo, politics, independence, confrontation, Surkhai the 2nd.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-46-51

УДК 392.3(=352.3)

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-52-57

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В XIX В.

Прасолов Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», dmpراسолов@gmail.com

В статье рассматриваются историографические аспекты проблемы становления народных сборов (съездов доверенных), как представительного института кабардинцев и балкарцев XIX – начала XX в. Выявлено определяющее влияние на научную репрезентацию этого процесса работ В.Х. Кажарова и Ж.А. Калмыкова. Под их влиянием в литературе утвердилось мнение о преемственности между хасой – сословно-представительным собранием феодальной Кабарды, и съездом доверенных. Ввиду отсутствия в предшествующей историографии достаточной аргументации этой точки зрения, в настоящей статье приводятся данные, позволяющие обосновать организационную преемственность представительных институтов, но при этом внести некоторые уточнения в интерпретацию деятельности народных сборов до 70-х гг. XIX в.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, Российская империя, народные сборы, съезды доверенных, хаса.

Одним из результатов включения кабардинцев и балкарцев в административно-политическое пространство Российской империи стало формирование у них во второй половине XIX – начале XX в. самобытной системы местного самоуправления. Она включала в себя институты управления сельских обществ и связанные с ними сборы (съезды) доверенных, которым общинные сходы делегировали полномочия обсуждать разнообразные вопросы окружной жизни.

Ж.А. Калмыков в 1981 г. в первом специальном исследовании съезда доверенных писал о том, что «исторически ему предшествует общенародный орган, публичная власть, называемая у кабардинцев – Хаса и у балкарцев – Халкъны джыйлу»¹. В 1992 г. было опубликовано исследование В.Х. Кажарова о хасе, как сословно-представительном собрании в традиционном адыгском обществе². Автор считает последним упоминанием о хасе предписание начальника Центра Кавказской линии от 25 августа 1826 г. об установлении порядка проведения народных собраний близ крепости Нальчик только с разрешения и при участии начальника Кабардинской линии. По мнению В.Х. Кажарова, это распоряжение свидетельствовало об окончательной потере хасой значения высшего законодательного и распорядительного органа Кабарды и превращении ее в совещательный орган при царской военной администрации. Автор убежден, что хаса и в таком виде «не устраивала русское правительство. Военно-оккупационный режим был в принципе не совместим с политическим институтом, который хотя бы отдаленно напоминал о былой ее независимости. Поэтому закономерно, что в последующее время отсутствуют какие-либо сведения о созыве сословно-представительных собраний в Кабарде»³.

В монографии 1995 г. Ж.А. Калмыков сначала указывает, что съезд доверенных, «как общественно-политический орган управления Кабардой и Горскими обществами, был создан в результате буржуазных реформ, проведенных в середине XIX века на Северном Кавказе». Однако далее поясняет, что исторически

ему предшествовал период, когда традиционные народные собрания – хаса, как законодательные органы дублировались и вытеснялись «при поддержке военных властей», теряли свои законодательные функции, но с окончанием Кавказской войны получили новое название – съезд доверенных. При этом автор ссылается на сведения из статьи Г. Баева о том, что «народные сборы являются одним из самых старейших институтов, которые сохранились до сих пор у одних только кабардинцев»⁴. В заключении своей книги Ж.А. Калмыков прямо утверждает преемственность в деятельности хасы и съездов доверенных, хотя и отмечает, что во второй половине XIX в. съезд доверенных претерпел существенные изменения. Главное из них – это «утрата им законодательных функций»⁵.

Таким образом, Ж.А. Калмыков декларирует преемственность хасы и съезда доверенных, однако не аргументирует свою точку зрения сопоставлением признаков двух общественных институтов. Также автор не последователен в объяснении противоречий между колониальной искусственностью и традиционной преемственностью съездов доверенных. Тем не менее, в работе 2012 г. В.Х. Кажаров отчасти откорректировал недосказанность мнения Ж.А. Калмыкова, выразив убеждение, что ему удалось «доказать генетическую преемственность между ... съездами и сословно-представительными собраниями феодальной Кабарды». Несмотря на ограниченность функций, «они стали своеобразным способом сохранения государственно-политической традиции кабардинцев, хотя и в весьма трансформированном и ограниченном виде»⁶.

Однако именно первоначальная статусная неопределенность, оставленная Ж.А. Калмыковым, впоследствии отразилась в других работах, где упоминалось о съездах доверенных, на что в 2003 г. обратил внимание Х.С. Кушхов⁷. По словам Г.Х. Мамбетова, «во второй половине XIX – начале XX вв. после проведения административной реформы в Кабарде и Балкарии уже не созывались съезды князей и уорков, а также хаса, был создан институт «Съезд доверенных сельских обществ Кабарды и Балкарии»⁸. Е.Г. Битова пишет, что в 60-х г. XIX в. на Северном Кавказе «воссоздавался» Съезд доверенных сельских обществ и, по мнению некоторых исследователей, «исторически ему предшествовал общенародный орган, публичная власть, генетически связанная с архаической школой парламентской власти этих народов (например, у кабардинцев такой орган назывался хаса, у балкарцев – тёре)»⁹.

В очерке «Балкария» М. Абаев заложил основы историографической традиции, в которой «тере» понималось как народный суд с участием представителей таубиев, узденей и при некоторых делах – крестьян, который при необходимости учреждал новые нормы обычного права. Здесь же отмечалось, что после 1870 г. «тере» были заменены Горскими словесными судами¹⁰. В монографии 2007 г. Е.Г. Муратова (Битова) называет «неоправданной модернизацией» определение Х.Х. Малкондуевым «тере» как формы выборного народного парламента¹¹. Принимая во внимание отмеченные положения, можно считать, что необходимость дальнейшего обсуждения проблемы преемственности тере с народными собраниями (съездами доверенных) можно считать исчерпанной.

Т.Х. Кумыков связывал появление этого института с проведением на Северном Кавказе крестьянской и административно-судебной реформ. Он пишет, что их следствием стало «учреждение «Съезда доверенных» Кабарды и Балкарии как общественного органа местного управления, который выполнял функции законодательного собрания. Но, по сути, съезд был совещательным органом»¹². М.В. Дышеков пишет о том, что Съезд доверенных «появился на основе народного собрания кабардинцев Хасы. Царское правительство стремилось превратить Хасу в инструмент своей политики. Законченное оформление эта тенденция нашла в Съезде доверенных, который был создан по инициативе администрации. Этот орган уже полностью был подчинен начальнику Терской области»¹³.

О деятельности съездов доверенных в более широком региональном контексте обычно приводятся фрагментарные характеристики со ссылками на работы

Ж.А. Калмыкова. Рассматривая историю обсуждения вопроса о введении земств на Кавказе, Л.Ш. Мачукаева приводит краткие суждения о съезде доверенных Большой и Малой Кабарды, отмечая, что по кругу решаемых задач они были схожи с земствами в центральной России¹⁴. П.А. Кузьминов пишет, что в ходе административных преобразований на Северном Кавказе «воссозданы были и такие важные законодательные органы власти на местах, как сельские сходы и Съезд доверенных сельских обществ, решавшие простые хозяйственные, но такие важные для сельского труженика, вопросы»¹⁵.

В 2003 г. некоторые недостатки характеристик съездов доверенных в историографии были рассмотрены в статье Х.С. Кушхова. Полемизируя с предшествующими исследователями, он справедливо указывает на то, что «все авторы, утверждавшие преемственность Хасы и Съезда доверенных сельских обществ, не давали даже самого общего сравнительного анализа этих институтов. А между тем ни по принципам формирования (Съезд составлялся из 1–3-х доверенных, избравшихся в каждом сельском обществе), ни по структуре (часто включал равное представительство от привилегированных сословий и крестьян, причем, как от кабардинских, так и балкарских сельских обществ), ни по регламенту деятельности (работал строго раз в год, санкционировался местной администрацией и согласовывал с ней повестку дня и принимаемые решения), Съезд не имел ничего общего с Хасой». Х.С. Кушхов убежден, что Съезд «был искусственным учреждением, обеспечивавшим ограниченное представительство коренного населения в решении ряда вопросов местной жизни»¹⁶. Не находя признаков, «по которым допустимо утверждать преемственность Хасы и Съезда доверенных сельских обществ», автор видит в них имитацию, которая представляла некоторую видимость действия прежних политических традиций, облегчавших поэтапную унификацию административного уклада Кабарды с общероссийскими порядками»¹⁷.

Одной из причин неочевидности преемственности народных сборов (съездов доверенных) может быть модернизация и завышение статусных характеристик представительного органа феодальной Кабарды. В статье 2009 г. Ю.М. Азикова, рассмотревшая политическую организацию феодальной Кабарды в рамках концепции «раннего государства», определяет хасу как коллегиальный полифункциональный орган, интегрировавший корпоративное управление Кабардой господствующим слоем князей и дворян. Она отметила сомнительность представлений о возможности самостоятельного рассмотрения законодательных функций хасы ввиду слабо дифференцированной специализации в политической сфере традиционного кабардинского общества. Автор обоснованно возражает и по поводу интерпретации фактов приглашение «старшин черного народа» для информирования о решениях господствующих сословий, как свидетельства появления третьей палаты¹⁸.

С учетом таких институциональных параметров представляется, что главным изменением в деятельности представительного института в контексте российского государства стало постепенное расширение взаимодействия хасы со структурами имперского управления Кабардой. Тем самым военные власти налаживали каналы взаимодействия с княжеско-дворянской элитой, которые институционально были имманентны традиционной политической культуре кабардинцев. Этот процесс начался еще с конца XVIII в. при учреждении и организации выборов в Родовые суды и расправы, ставшие первыми судебными органами Российской империи в Кабарде. В.Х. Кажаров приводит ряд сообщений об успешных и неудачных попытках военных властей созывать «общие собрания» в период усиления антиколониального движения в Кабарде в первом десятилетии XIX в.¹⁹ Вероятно, к результатам этих мероприятий можно отнести принятие 10 июля 1807 г. «Народного условия...». Оно стало регламентом духовных судов – мехкеме, учрежденных коронными властями по просьбам кабардинцев взамен Родовых судов и

расправ²⁰. Обновленный судебно-административный порядок свидетельствовал о достижении на данном этапе интеграционного компромисса между представителями Империи и кабардинской элитой. После упразднения в 1822 г. генералом А.П. Ермоловым мехкеме «народные собрания» продолжали созываться при крепости Нальчик и в присутствии начальника Кабардинской линии во второй четверти XIX в.

Основными параметрами, по которым можно было бы отметить преемственность между хасой и народными сборами в переходный период (20–70-е гг. XIX в.) являлся их сословный характер и территориальное представительство. В.Х. Кажаров приводит данные XVIII в. об участии на хасе с правом голоса всех князей и дворян – аульных владельцев²¹, а с 1760-х гг. – «старшин черного народа», называя их «третьей палатой кабардинского феодального парламента». Последние выражали интересы «зажиточной верхушки вольноотпущенников и оброчных крестьян» и скорее всего назначались своими владельцами, что в какой-то мере должно было компенсировать отсутствие в Кабарде сельского крестьянского самоуправления²². По территориальной разновидности хасы проводились как удельные, фамильные, общекабардинские и даже «межплеменные» собрания²³.

О составе народных сборов 1820 – 1850-х гг. мы не располагаем источниками. В документе 1848 г. упоминается о проведении сбора «владельцев аулов и почетных стариков»²⁴. Только с 1860 г. сборы доверенных приобрели регулярный характер и более определенную регламентацию. В инструкции к созыву сборов доверенных определялись уточненные критерии территориального и сословного представительства – 2–3 выборных от каждого кабардинского селения²⁵. От балкарских обществ вызывали «с каждого ущелья по два таубия и по два каракиша»²⁶. После освобождения зависимых сословий принцип представительства конкретизировался по традиционному сословному статусу. Например, 25 ноября 1874 г. начальник округа распорядился «избрать по три доверенных лица от каждого общества одного из князей и узденей 1-й степени, другого из узденей 2-й степени и третьего из вольноотпущенников и бывших временнообязанных, которые с письменными доверенностями от обществ должны прибыть в окружное управление непременно к 15 числу будущего декабря месяца для обсуждения общественных дел и наделении землею и для выбора депутатов в Нальчикский горский словесный суд для заседания на будущий 1875 г.»²⁷. Формальный сословный ценз соблюдался до конца 1870-х гг. Если же князей в селении не было, то избиралось по два доверенных: от узденей и «простого народа»²⁸.

С начала 1880-х гг. избрание доверенных на съезд уже не содержало официальных признаков сословного представительства и определялось только территориальным цензом – по два от кабардинских селений и каждого из пяти горских обществ, а также от новообразованных балкарских селений Гунделен и Хасаут.

Таким образом, организационная преемственность хасы и народных сборов (съездов доверенных) обеспечивалась прежде всего сохранением принципов сословного и территориального представительства, которые были расширены привлечением доверенных балкарских обществ. При очевидной организационной преемственности с хасой, функционально деятельность народных сборов осуществлялась уже совершенно в ином административно-политическом контексте. Со второй четверти XIX в. представительные собрания были переориентированы на обеспечение имперского управления Кабардой при участии выборных от самих кабардинцев. Поэтому их деятельность необходимо обозначать как отдельный этап в эволюции представительных традиций. Конкретизация и постепенное развитие выборных и хозяйственно-распорядительных функций сделали сборы доверенных самобытным институтом самоуправления кабардинцев и балкарцев. Несомненно, опыт взаимодействия российских властей с народными сборами сыграл определенную роль при организации военно-народного управления Северным Кавказом в середине XIX в.

Примечания

1. *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 106.
2. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992.
3. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. С. 109–110.
4. *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начале XX в.). Нальчик, 1995. С. 41–42.
5. *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период. С. 119.
6. *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик, 2012. С. 36–37.
7. *Кушхов Х.С.* Проблема преемственности хасы и съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ // Res Publica. Вып. 4. Нальчик, 2003. С. 22–23.
8. *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1994. С. 125.
9. *Битова Е.Г.* Политико-административная интеграция Российской империи с ее северо-кавказской периферией в XIX в. // Сборник научных трудов молодых ученых КБГУ. Нальчик, 1998. С. 40; *Битова Е.Г.* Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // RES PUBLIKA. Вып. 1. 2000. С. 174.
10. Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басиат Шаханов / сост. Т.Ш. Битирова. Нальчик, 2007. С. 141, 149, 154.
11. *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик, 2007. С. 124.
12. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 2002. С. 276.
13. *Дышеков М.В.* К вопросу о роли традиционной элиты кабардинцев и балкарцев в местном самоуправлении (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник КБГУ. Вып. 12. Серия Гуманитарные науки. Нальчик, 2008. С. 65.
14. *Мачукаева Л.Ш.* Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (На материалах Терской области): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 107.
15. *Кузьминов П.А.* Социальные и административные формы взаимодействия России и народов Северного Кавказа в 50–60-х годах XIX в. // Народы Северного Кавказа и Россия. Материалы Всероссийской научной конференции, к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией. Нальчик, 18 октября 2007–21 октября 2007 г. Нальчик, 2007. С. 172.
16. *Кушхов Х.С.* Проблема преемственности Хасы и съезда доверенных ... С. 24.
17. Там же. С. 27.
18. *Азикова Ю.М.* Кабардинская хаса в XVI – XVIII вв. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 63–69.
19. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. С. 102–104.
20. *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик, 2016. С. 43–44.
21. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. С. 53–56.
22. Там же. С. 80–86.
23. Там же. С. 36–46, 72–74.
24. УЦГА АС КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 126 об.
25. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 21–23 об.
26. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 19 об.
27. УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–1 об.
28. Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 27, 30, 31, 33, 39 об., 42, 44 об., 45–45 об., 46, 48, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65; Антология памятников права народов Кавказа. Т. 16. Завершение Кавказской войны и формирование юридического пространства Российской империи на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. С. 367, 379.

TO A QUESTION OF CONTINUITY OF REPRESENTATIVE INSTITUTES OF KABARDIANS AND BALKARS IN THE 19th CENTURY

Prasolov Dmitry Nikolaevich, Candidate of History, Head of the Ethnology and Ethnography Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», dmprasolov@gmail.com

In article historiographic aspects problems of formation the people's assembly (the congress of entrusted) as representative institute of Kabardians and Balkars of XIX – the beginning of the 20th century are considered. The defining influence on scientific representation of this process of works of V.H. Kazharov and Zh.A. Kalmykov is revealed. Under their influence in literature the opinion on continuity between the hasa – feudal parliament of Kabarda, and the congress entrusted was approved. In view of absence in the previous historiography of the sufficient argument of this point of view, the data allowing to prove organizational continuity of representative institutes are provided in the present article, but at the same time to bring some specifications in an intepretation of activity of the people's assembly (the congress of entrusted) till the 70th of the XX century.

Keywords: Kabardians, Balkars, the Russian Empire, people's assembly, the congresses of entrusted, the hasa.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-52-57

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 008-027.2(470-64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-58-62

МАССОВО-ЗРЕЛИЩНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФОРМА АКТИВИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ*

Базиева Гульфия Джамаловна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», gbaz@mail.ru

В статье исследуются основные тенденции в развитии массово-зрелищной культуры в контексте повышения ее роли в процессах, направленных на стабилизацию межнациональных отношений, формирование этнической и гражданской идентичности. Активизация фестивального движения рассматривается как отражение потребности не только в досуге, но и в межкультурной и межэтнической коммуникации.

Ключевые слова: массово-зрелищная культура, фестивальное движение, этническая идентичность, гражданская идентичность, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика.

В системе массовой культуры особое место занимает зрелищная культура, которая объединяет различные виды деятельности: *художественные зрелища*, к которым относятся театр, кино, эстрада, цирк, и *явления зрелищного типа*, включающие массовые и коллективные театрализованные праздники, концерты, смотры-конкурсы, дни национальных культур, спортивные мероприятия, показы и демонстрации достижений науки и техники, моды, дизайна и т.д.

В современный период активно развивается такая популярная массовая форма любительских и профессиональных художественных зрелищ как фестиваль (театральные, танцевальные и музыкальные, кинофестивали, фестивали студенческой молодежи, культурно-спортивные фестивали и др.). Основная задача современного фестивального движения – установление межнациональных культурных контактов, формирование этнической и гражданской идентичности. «Проблемы этнической идентичности актуализируются в связи с достаточно высоким уровнем устойчивости локальных традиционных культур, стремящихся к сохранению национальной самобытности в условиях глобализации, что находит выражение в поиске новых форм и способов пропаганды этнокультурных ценностей»¹.

К данной форме пропаганды ценностей национальных культур относятся этнические фестивали и праздники (международный фестиваль адыгской культуры, международный фестиваль-конкурс этнического искусства «Алтын-Майдан – Эльбрус», ежегодный фестиваль карачаево-балкарской культуры «Праздник айрана на медовых горах», «День черкесского костюма» и др.).

Кроме того, на территории СКФО и ЮФО регулярно проводятся фестивали, ориентированные на формирование гражданской солидарности (фестиваль

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Этнокультурные и этнополитические процессы на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции» № 16-01-00126.

мастеров искусств «Мир Кавказу», фестивали дружбы «Возьмемся за руки, друзья!», «Кавказ наш общий дом!», «Добрые соседи», фестиваль культуры и спорта «Кавказские игры»), а также этнографические и профессиональные фестивали (театральный фестиваль «Южная сцена», фестиваль симфонической музыки им. Ю.Х. Темирканова, Российский кинофестиваль «Кавказ и мир», фестиваль «Нальчик – культурная столица Кавказа» и др.). Формирование «российской» идентичности не исключает проявления других ее форм (этнической, социокультурной или региональной). «Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. Российская идентичность – на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Она более динамична, чем этническая, выбор которой совсем не исключает российской идентичности. Когнитивное наполнение той и другой идентичности не исключает, а способно дополнять друг друга. Это дает нам основание говорить о совместимости этих идентичностей»² – отмечает Л.М. Дробижева.

Фестивали культур в настоящий период становятся своеобразным входом в этническое поле различных народов, в котором сконцентрированы история, язык, психология, специфические формы художественного творчества. Фестивальное движение во всем мире опирается прежде всего на традиции народной культуры (древние массовые зрелища, игрища, связанные с обрядами, народные эпические песни, национальные танцы и др), которые выполняют кроме коммуникационной, и коммеморативные функции. Так, в адыгской культуре, как отмечает Д.Н. Прасолов, «своеобразной формой коммеморации становятся *адыгэ джегу* – массовые танцевально-игровые мероприятия, тщательно регламентированные традиционным этикетом»³.

Выделяют ряд функций массовых представлений:

- агитационные, мотивированные на активность и участие;
- коммуникативные, побуждающие через общение к единению;
- просветительские, характеризующиеся воспитывающим и образующим содержанием;
- развлекательные, воздействующие на эмоциональное поле человека.

В современный период к числу наиболее актуальных относится коммуникационная функция массовых мероприятий, формирующая как этническое, так и гражданское самосознание. «Важным условием повышения консолидации российского общества является укрепление чувства духовной и культурной общности народов Российской Федерации, распространение позитивного практического опыта межэтнического взаимодействия, воспитание патриотизма, привитие уважения к истории, культуре, традициям народов России. Необходимо ориентировать молодых россиян к осмыслению процесса взаимодействия, сотрудничества народов России в строительстве единого государства, защите Отечества, не ограничиваясь сведениями об истории взаимоотношений народов Российской Федерации в Кавказской войне и репрессиях»⁴, – отмечает А.И. Тетуев.

Общение как главный компонент фестивального праздника создает атмосферу зрелища и предоставляет зрителям и участникам возможность открытого диалога, обмена опытом через участие в массовых представлениях, конференциях, семинарах, тренингах, мастер-классах. Так, в рамках Международного фестиваля мастеров искусств «Мир Кавказу» помимо развлекательной (концерты мастеров искусств, этнографические выставки) и познавательной (экскурсии) части, большое значение придается проведению научно-практических конференций, посвященных проблемам истории и культуры народов Кавказа, по результатам которых издаются сборники материалов.

Особой популярностью в СКФО пользуется фестиваль культуры и спорта народов Кавказа, идея проведения которого принадлежит Ингушетии, именно

здесь были проведены первые «Кавказские игры» в 2009 г. В 2010 и 2011 гг. фестиваль проводился в Карачаево-Черкесии, в 2012 – в Кабардино-Балкарии. В 2010 г. оргкомитет по проведению Олимпиады в Сочи включил «Кавказские игры» в культурную программу Олимпиады. Тогда же распоряжением Правительства России фестиваль был включен в план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 г.

В 2016 г. было принято положение о фестивале Культуры и Спорта Народов Кавказа, который проводится под эгидой Министерства спорта РФ и Министерства культуры РФ в целях содействия сохранению традиционной культуры и национальных видов спорта, укрепления дружбы и дальнейшего развития межнациональных дружеских отношений народов Северного Кавказа.

Главной задачей культурной программы фестиваля является формирование художественными средствами и донесение до целевой аудитории главного коммуникационного адреса фестиваля – «Народы Кавказа Дружны и Едины». Культурная программа фестиваля состоит из театрализованной, музыкально-хореографической постановки, торжественной церемонии открытия финальных соревнований третьего этапа фестиваля, постановки церемонии награждения победителей финальных соревнований, интерактивной выставки-ярмарки «Национальные подворья народов Кавказа», масштабного гала-концерта закрытия «Фестиваля Культуры и Спорта Народов Кавказа». Основу культурной программы составляют песенное, танцевальное, музыкальное, изобразительное, прикладное искусство народов СКФО. Музыкально-хореографическая постановка торжественной церемонии открытия финальных соревнований третьего этапа фестиваля состоит из парада спортивных делегаций, масштабной музыкально-хореографической композиции приветствия участников фестиваля региональными творческими коллективами и исполнителями, церемонии зажжения огня и поднятия флага «Фестиваля Культуры и Спорта Народов Кавказа».

Основными задачами фестиваля являются:

– популяризация и дальнейшее развитие народных и национальных видов спорта, воспитание подрастающего поколения и молодежи на основе многовековых традиций народной культуры и национальных видов спорта;

– сплочение граждан на основе интереса к познанию своих народноэтнических корней, национальных и самобытных традиций и обычаев других народов, воспитание чувства национального достоинства, социальной справедливости, патриотизма и ответственности за судьбу страны;

– сохранение культурного наследия народов Северного Кавказа, развитие единого культурного пространства и укрепления культурных связей между субъектами Российской Федерации, находящихся в пределах Северо-Кавказского федерального округа, демонстрация общности и богатства духовной культуры народов Кавказа;

– нормализация общественно-политической ситуации в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Северо-Кавказского федерального округа⁵.

Современное фестивальное движение характеризуется расширением не только аудитории, но и тематики, содержания, формы проведения и т.д. В КЧР в сентябре 2017 г. проходил Всероссийский фестиваль байкеров «Домбайк-2017», посвященный памяти защитников перевалов Кавказа в годы Великой Отечественной войны, в котором приняли участие более 400 участников из различных регионов РФ. В августе 2017 г. в Черкесске в парке культуры и отдыха «Зеленый остров» прошел ежегодный грандиозный фестиваль музыки и красок Холи – Che Fest 2017. С 2015 г. в рамках празднования Дня города в Нальчике проводится фестиваль моды (в исторической зоне города на ул. Кабардинской).

Большую популярность получают творческие фестивали (музыкальные, театральные, кинофестивали и др.), а также посвященные таким актуальным видам современного искусства как дизайн, архитектура, фотография и др. В 2013 г.

Нальчике проходила необычная акция – первый на Северном Кавказе международный творческий фестиваль – open-air «Атажукин сад». В течение трех дней профессионалы и любители современного интерактивного искусства обменивались опытом и демонстрировали новые грани своего таланта. Победители международных и всероссийских конкурсов арт-проектов, мастера искусств из Германии, Сирии, Москвы и Ростова проводили мастер-классы и создавали инсталляции с использованием деревянных конструкций, скульптур, граффити, фотографий.

В 2016 г. в Карачаево-Черкесии при поддержке аппарата полномочного представителя президента РФ в СКФО и Правительства КЧР в туристическом комплексе «Медовые Водопады» стартовал первый ежегодный фестиваль фотографов и видеографов «Два Крыла». В 2017 г. второй фестиваль проходил в Кабардино-Балкарии на территории туристического комплекса «Голубое озеро». Цель фестиваля – продвижение внутреннего туризма и популяризация традиционных ценностей с помощью яркого и доступного для россиян формата фотографии и видеороликов, раскрывающих красоту российских курортов и культурные особенности народов России.

Фестиваль «Два Крыла» является культурно-массовым просветительским мероприятием, направленным на выявление и поддержку инициатив фотографов и видеографов, активных молодых граждан и профессиональных команд в Северо-Кавказском федеральном округе в области фотографии, видео, кинематографии, искусства, культуры. «Два Крыла» – это эффективная, постоянно действующая, коммуникационная площадка с образовательной программой, в рамках которой, каждый фотограф и видеограф имеет возможность изучить новые методы создания качественной «картинки» (фото/видео), что помогает участникам поднять свой профессиональный уровень, сообщает пресс-служба фестиваля.

Целью фестиваля является создание условий для объединения и сотрудничества фотографов и видеографов страны, а также популяризация культурных ценностей всех субъектов РФ.

Основные задачи фестиваля:

- предоставление условий для создания единого творческого пространства, для обмена опытом и взаимодействия фотографов и видеографов;
- формирование площадки для перспектив создания и развития различных социальных проектов и бизнес идей;
- расширение границ межкультурной коммуникации.

Развитие фестивального движения в туристско-рекреационной зоне имеет особо важное значение, так как культурные программы наряду с природными объектами способны повышать имидж и привлекательность региона. «Сейчас развитие этнографического туризма в КБР как отдельного направления, которое могло бы генерировать самостоятельный турпоток, пока неэффективно. Первоначальная задача состоит в том, чтобы создавать объекты показа, которые могли бы стать дополнением к основным видам отдыха в Кабардино-Балкарии: горным лыжам, альпинизму, лечению в санаториях»⁶.

К объектам показа могут быть причислены и явления массово-зрелищной культуры, в рамках которых можно проводить всевозможные акции по пропаганде этнических ценностей: выставки декоративно-прикладного искусства, концерты с участием самодеятельных и профессиональных исполнителей, выступления детских коллективов, конкурсы, соревнования, игры и др. Весь комплекс современной массово-зрелищной культуры является достаточно плодотворной и динамично развивающейся формой межкультурной коммуникации. В настоящий период массовая культура, по мнению А.Я. Флиера, «фактически принимает на себя функции первичной (неспециализированной) инкультурации личности и, вполне вероятно, представляет собой некое эмбриональное проявление созревающей обыденной культуры нового типа, аккумулирующей социальный опыт жизнедеятельности на индустриальном и постиндустриальном этапах социальной эволюции, разумеется,

еще не прошедшей процесса исторической селекции, аксиологизации наиболее эффективных и отбраковывания социально неприемлемых черт и форм»⁷.

Массово-зрелищной культуре, в целом, присущи действенность, коллективность, «развернутость на зрителя», эффекты соучастия и участия (дегустация блюд, национальные танцы, конкурсы, соревнования, народные игры и др.). Массово-зрелищные явления предполагают активное зрительское восприятие, сиюминутная зрительская реакция формирует разнообразие смысловых и эмоциональных оттенков каждого конкретного представления. В современный период система массово-зрелищной культуры сохраняет свою жизнеспособность благодаря вариативности, способности модифицироваться в связи с постоянно изменяющимися социально-культурными условиями. Но если художественные зрелища, несмотря на некоторые элементы трансформации, в современный период остаются «традиционными» и развиваются по законам «жанра», то явления зрелищного типа за последние 20 лет претерпели изменения и стали одной из наиболее оптимальных форм проведения различных государственных, региональных и этнических праздников, а также эффективным способом организации систематических контактов в сфере культуры, способствующих интеграции и стабилизации общественных отношений.

Примечания

1. *Базиева Г.Д.* Идентичность в системе современной культуры // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. № 1 (19). 2012. С. 97.

2. *Дробижьева Л.М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С. 28.

3. *Прасолов Д.Н.* Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2017. № 2 (112). С. 67–82. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/8680> (дата обращения: 18.09.2017).

4. *Тетуев А.И.* Межнациональный диалог культур как форма взаимодействия регионов и фактор консолидации народов России // ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ СКАГС. № 4. 2011. Ростов-на-Дону. С. 115.

5. Положение о фестивале Культуры и Sports Народов Кавказа // <https://www.minsport.gov.ru/2016/.../PolNarodKavkaza2016.pdf> (дата обращения: 18.09.2017).

6. *Кешева З. М.* Этнографический туризм как фактор этнокультурного развития (на примере КБР) // Соц. гуманитар. знания. 2017. № 2. С. 333–340. С. 335.

7. *Флиер А.А.* Массовая культура // Культурология. XX век. В 2-х т. Т. 2. СПб., 1998. С. 25.

MASS-SPECTACULAR CULTURE AS A FORM OF ACTIVIZATION OF INTERETHNIC DIALOGUE IN MODERN CONDITIONS

Bazieva Gulfiya Džamalovna, Candidate of Philosophy, Senior Researcher of the Sector of Ethnology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», gbaz@mail.ru

In article the main tendencies in development of mass and spectacular culture in the context of increase in her role in the processes directed to stabilization of the international relations, formation of ethnic and civil identity are investigated. Activization of the festival movement is considered as reflection of need not only for leisure, but also in cross-cultural and interethnic communication.

Keywords: mass and spectacular culture, festival movement, ethnic identity, civil identity, Kabardino-Balkar Republic, Karachay-Cherkess Republic.

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РЕСУРСЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ БРЕНДОВ

Кешева Зарема Мухамедовна, кандидат исторических наук, и.о. зав. сектором новейшей истории отдела исторических наук Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», kesheva10@gmail.com

В статье исследуются природно-географические ресурсы Кабардино-Балкарии как источники формирования туристических брендов общероссийского и мирового значения. Определено, что одной из важных составляющих брендинга природно-географических ресурсов является развитие узнаваемых брендов республики, символизирующих привлекательность территории для потребительских услуг и сопутствующих им товаров. Наличие перспективных объектов для брендинга будет способствовать увеличению количества туристов и отдыхающих в КБР, а также дальнейшему развитию смежных отраслей и организации новых рабочих мест, что благоприятным образом скажется на экономическом и культурном климате республики.

Ключевые слова: туризм, природно-географические ресурсы, глобализация, привлекательность территории, туристическая сфера, Северо-Кавказский регион, Кабардино-Балкарская республика.

В настоящее время туристическая сфера занимает одно из ключевых мест в социально-экономическом и культурном развитии большого количества стран. Правительство РФ предпринимает все возможные меры для развития туризма, т.к. он оказывает влияние на достижение национального согласия и мира, и играет важную роль в процессе налаживания дружественных отношений между российскими народами¹. Сегодня стратегия туризма определяет приоритетные направления развития отдельных регионов, к которым относится и Северный Кавказ. Уникальные природно-климатические, рельефные, исторические и социокультурные условия региона предопределяют роль и значение туризма для перспектив его дальнейшего социально-экономического развития².

В современных условиях невозможно представить развитие туризма и формирование туристической привлекательности региона без создания системы брендов. Для маркетологов брендинг – это основной способ дифференциации продуктов и инструмент продвижения товаров на рынок. По существу современный потребительский рынок – это борьба брендов. Бренд с помощью комплекса маркетинговых коммуникаций внедряют в сознание потребителей, добиваясь ощущения особой ценности. Бренд для региона, также как бренд в бизнесе – это инструмент получения выгод и развития долгосрочных отношений со значимыми целевыми аудиториями на основе эмоциональной привязанности и лояльности.

Брендинг туризма и региональный брендинг – явления взаимосвязанные. С одной стороны, туристские предприятия являются субъектами регионального брендинга, в то же время, региональный брендинг способствует увеличению туристского потока. Туризм, развитый на довольно высоком уровне, позволяет составить свое положительное мнение, сделать собственный свой образ какой-либо территории³. В условиях постоянного роста конкуренции при равных условиях хозяйствования, маркетинг любой категории, а именно такие маркетинговые

значения, как бренд и имидж, имеют важное значение при сравнении географических зон, находящихся в практически одинаковых условиях хозяйствования. В связи с этим все больше стран и городов целенаправленно занимаются продвижением своих территорий и формированием собственного бренда, которые обуславливают туристическую привлекательность местности.

Одним из возможных вариантов для развития туристического бизнеса на Юге России является использование уникального природного ландшафта. Природно-географические ресурсы Кабардино-Балкарии являются несомненными брендами как в России так и за рубежом и их эффективное использование в соответствии с современными требованиями является первоочередной и актуальной задачей. Горы Кабардино-Балкарской республики занимают около половины её территории и образуют пять параллельных хребтов – Лесистый, Пастбищный, Скалистый, Боковой, Главный (Водораздельный) и четыре ущелья – Баксанское, Чегемское, Черекское, Хуламо-Безенгийское. В Кабардино-Балкарии находятся все «пятитысячники» Кавказа, кроме Казбека. В республике обнаружено значительное количество минеральных источников, что наряду с благоприятными климатическими условиями и горной природой послужило развитию курортного дела, туризма и альпинизма. В Кабардино-Балкарии существует большое количество привлекательных для туризма мест, мы остановим внимание на тех территориях, которые действительно являются природно-географическими брендами республики.

На границе республик Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия находится двуглавый Эльбрус – высочайшая точка России. Высота западной вершины Эльбруса – 5642 м, а восточной – 5621 м. Гора знаменита своими ледниками, питающими горные реки и минеральными источниками, раскинувшимися у подножия. Толщина ледяного покрова Эльбруса достигает четырехсот метров, площадь оледенения – 142,5 кв. километра. Со склонов Эльбруса спускаются 77 ледников. Немногие горы вулканического происхождения превосходят Эльбрус по высоте: так, высочайшая вершина Африки – вулкан Килиманджаро – лишь на 253 метра выше «российского чуда». Кабардинцы называют его Ошхамахо (Гора счастья), балкарцы – Минги-Тау (подобный тысяче гор). Первым совершил восхождение на Эльбрус кабардинец Киллар Хаширов в 1829 г. В 2008 г. Эльбрус был включен в список «7 чудес России».

Принято считать, что активная жизнедеятельность Эльбруса началась около 4 млн. лет назад, а закончилась 4,5 – 5 тыс. лет тому назад. Следов крупных стихийно-разрушительных катастроф на северных склонах Эльбруса не обнаружено в течение этого же периода. Эльбрус находится в стадии покоя, но наблюдаются вулканические процессы в остывающем магматическом очаге. На это указывают многочисленные минеральные источники с температурой до 24 градусов – углекислые и соляно-щелочные⁴. Дорога к Эльбрусу пролегает через Баксанское ущелье – самое популярное и посещаемое в Кабардино-Балкарии. Его верховье – Приэльбрусье – широко известно не только в России, но и за ее пределами. В конце 1930-х гг., когда было обнаружено месторождение вольфрама и молибдена, по инициативе Г.Х. Орджоникидзе в Тырныаузе был построен вольфрамо-молибденовый комбинат. Тырныауз – самый высокогорный город Кабардино-Балкарии⁵.

В 18 километрах от Тырныауза находится селение Верхний Баксан, расположенное на левом берегу реки Баксан. По мере приближения к Эльбрусу от Баксанского ущелья ответвляются ущелья Адыр-Су и Адыл-Су. Ущелье Адыр-Су имеет в длину 13 километров и упирается своей вершиной в Главный (Водораздельный) хребет с горами Уллу-Тау_чана (4203м), Чегет_тау-Чана (4100 м) и др. Местийский перевал через Главный Кавказский хребет из ущелья Адыр-Су ведет в Сванетию (высота перевала 3661 м). В долине Адыр-Су представлены различные виды альпийских и субальпийских растений. В конце ущелья у ледников в сосновом лесу расположены альплагеря.

По мере приближения к Эльбрусу от Баксанского ущелья к югу отходит его отрог – ущелье Адыл-Су, далее ущелье Иткол (в переводе с балкарского – собачий отрог). Из ущелья Адыл-Су Эльбрус виден весь – от подножья до вершины. Длина Адыл-Су – 5 километров. Западный отрог ущелья замыкает гора Шхельда (4320). Ущелье Адыл-Су – самое посещаемое в Приэльбрусье. От Адыл-Су к югу отходят ущелья Юсеньги и Донгуз-Орун, к северу – Иткол, Терскол и другие. Чаще всего экскурсии направляются по Шхельдинскому ущелью до Шхельдинского ледника.

В районе ущелья Адыл-Су начинается знаменитый сосновый лес Баксанского ущелья, покрывающий все его дно. Лес тянется до поляны Азау, где заканчивается 142-километровая дорога от Нальчика к Эльбрусу. От поляны Азау совершаются экскурсии к нарзанным источникам, к леднику Азау, к Старому Кругозору⁶.

В 1963 г. была построена канатно-кресельная дорога на пик Чегет. Ее верхняя станция находится на высоте 3700 метров над уровнем моря и на 1800 метров над дном Баксанского ущелья. От нижней станции канатной дороги «Чегет – I» до средней (2750 м), где расположены обзорная площадка и высокогорное кафе «Ай» (Луна), подъём занимает 15 минут. Отсюда по южному склону Чегета тропа ведет на перевал Донгуз-Орун. От средней станции на подъёмнике можно подняться до станции «Чегет II» (3050 м). С горы Чегет хорошо виден Эльбрус и вершины Главного Кавказского хребта. Среди них выделяется Донгуз-Орун (4468 м), левее – Большой Когутай (3821 м) и Малый Когутай (3595 м). Справа от Донгуз-Оруна – гора Накра (4277 м). От поселка Терскол начинается тропа на доступный для туристов перевал Бечо (3357 м) – самый короткий путь из Приэльбрусья к Черноморскому побережью Кавказа. Также из Терскола серпантинная дорога ведет вверх до «Ледовой базы» (3900 м). На высоте 4200 метров находится высокогорный отель «Приют одиннадцати»⁷.

Поселок Терскол – это центр горного туризма, альпинизма и горнолыжного спорта Приэльбрусья. Находится он в верховьях Баксанского ущелья, под Эльбрусом, в 4 км. от поляны Азау. На карте Приэльбрусья видно, что это самый высокогорный поселок, расположенный на высоте 2200 м. над уровнем моря⁸.

В Приэльбрусье, в Тегенекли, проходили съемки знаменитого фильма «Вертикаль». В конце 1960-х гг. фильм Станислава Говорухина стал культовым произведением, на котором выросло целое поколение советских людей. «Вертикаль» была первой отечественной картиной об альпинистах. Одну из главных ролей в фильме сыграл молодой Владимир Высоцкий. В посёлке Тегенекли находится альпинистско-охотничий музей им. В.В. Высоцкого. В музее широко представлены экспонаты и материалы об истории Приэльбрусья и населяющих его людей. 25 сентября 2017 г. в рамках фестиваля «Мир Кавказу» в поселке Тегенекли состоялось торжественное открытие памятника В. Высоцкому. Мемориал в Приэльбрусье стал самым высокогорным памятником в России – он установлен на высоте 1850 метров над уровнем моря. Бронзовый бюст Высоцкого создал российский скульптор А. Аполлонов.

Активное строительство в Приэльбрусье началось в 1960–70-е гг. Было возведено большое количество альплагерей, турбаз, домов отдыха, гостиниц и пр. На склонах Эльбруса, в районе «Приюта одиннадцати» и на северных склонах Донгуз-Орунского ущелья проложены горнолыжные трассы, привлекающие в Приэльбрусье поклонников горнолыжного спорта и туризма России, Ближнего и Дальнего зарубежья.

Освоение природных богатств Приэльбрусья активизировалось в 2000-е гг. 28 декабря 2002 г. утверждено «Положение об особо охраняемой лечебно-оздоровительной местности «Джилы-су», которым она объявлена горноклиматическим курортом КБР, имеющим региональное значение, введен режим охраны природной территории. Создано государственное лечебно-оздоровительное учреждение «Джилы-су», идет обустройство территории, источников, возводятся помещения для приема отдыхающих.

В настоящее время на Северном Кавказе ведется строительство туристического кластера, к 2025 г. планируется построить сеть горнолыжных курортов мирового класса. В Северо-Кавказский туркластер, развитием которого занимается управляющая компания ОАО «Курорты Северного Кавказа», вошли десять площадок. Это горные курорты «Лагонаки», «Архыз», «Эльбрус-Безенги», «Мамисон», «Матлас», «Цори», «Армхи», «Ведучи», Каспийский прибрежный кластер и бальнеологические курорты в Ставропольском крае.

По данным ОАО «Курорты Северного Кавказа», туристический кластер будет развиваться в два этапа. В первую очередь, будут созданы точки роста в рамках развития наиболее перспективных площадок: «Архыз» в Карачаево-Черкесии, «Эльбрус-Безенги» в Кабардино-Балкарии и «Ведучи» в Чечне. На втором этапе реализации проекта планируется последовательное развитие созданных курортов и реализация других проектов.

Одним из посещаемых мест Кабардино-Балкарии являются знаменитые карстовые Голубые озёра. Первое из озер – Черек-Кёль, – самое большое, находится в долине Черека, а четыре других – на горном плато, по правую сторону реки. Площадь Черек-Кёль около 3 га (235x125 м), глубина – 258 метров. Озеро имеет овальную форму, вода в нем – зеленовато-голубого оттенка, отсюда и его название. Оттенки озера – от ярко-голубого до нежно-зеленого и иссиня-черного в зависимости от времени года, дня, погоды. В озеро не впадает ни одного ручья, при этом ежесуточно вытекает до 70 млн. литров воды. Создаваемый эффект объясняется тем, что толщи известняков, слагающих Пастбищный хребет (в зоне которого расположено озеро), легко растворимы. Воды, текущие по поверхности хребта, размывают его толщу и образуют в недрах подводные источники и гроты. Земная поверхность местами обрушивается вглубь, образуя «провалы».

Воронка озера – один из таких провалов, который заполнился и продолжает пополняться протекающими на большой глубине подземными реками. Излишки воды переливаются из озера в более низкой части его берега и стекают в реку Черек. Постоянная температура воды озера (+9,3°) объясняется его глубиной и проточностью. На берегу Черек-Кёль создан Центр глубоководных исследований, призванный привлечь любителей дайвинга из ближнего и дальнего зарубежья.

Популярным и известным далеко за пределами Кабардино-Балкарии мест является Чегемское ущелье. Оно располагается в средней части республики, деля её горную часть на две половины – восточную и западную. От других ущелий республики оно отличается тем, что дорога идет почти по его дну, теснина узкая и имеет высокие отвесные стены. Водопады низвергаются с высоты до 50-и метров и имеют разнообразные размеры и вид. Зимой водопады становятся похожи на ледяные столбы и колонны, напоминающие сталактиты. В Чегемском ущелье снимался популярный фильм «Земля Санникова» (реж. А.Мкртчян, Л. Попов; 1973 г.). Значительная часть действия фильма происходила в верховьях Чегема – у селения Эл-Тюбю.

Между Западным Кинжалом и Долиной нарзанов в Зольском районе есть живописное место, которое называется урочище Гедмишх. Там находится водопад, который по красоте не только не уступает, но значительно превосходит Чегемские. Каскад водопадов Гедмишх является одним из перспективных объектов брендинга. Ни один из водопадов Кабардино-Балкарии – Чегемские, Абай-су, водопады урочища Джилы-су – невозможно сравнить с Гедмишхом. С высоты более семидесяти метров, опоясывая полукружьем скальный выступ, низвергаются водяные потоки. Их периметр приближается к сотне метров. Гора покатая, с многочисленными гротами и каменными навесами. Кроме того, она не темная, как большинство других, ставших ложем для потоков, а многоцветная – ярко-кремовая.

Гедмишх – это знаковый природный объект, сопоставимый, а возможно даже более значимый, чем такие всемирно известные бренды Кабардино-Балкарии, как

Голубые озера и Чегемские водопады. Но чтобы сберечь водопад, следует заняться уборкой территории, поддерживая ее в надлежащем состоянии, организовывать на должном уровне сферу обслуживания, оградить наиболее опасные участки дороги. Нужно создать государственное учреждение «Гедмишх», что позволит не только сохранить водопад в естественном состоянии, но в конечном итоге, если правильно организовать рекламную компанию и осуществить культурную рекреацию объекта, принесет финансовую выгоду⁹.

Таким образом, даже краткий список природно-географических достопримечательностей Кабардино-Балкарии позволяет сделать вывод о том, насколько республика богата объектами брендинга. В КБР предпринимаются определенные меры для развития туристического комплекса, принята республиканская целевая программа «Развитие туризма в Кабардино-Балкарской республике». В ней учтены положения, предусмотренные Указом Президента РФ «О мерах государственной поддержке социально-экономического развития Кабардино-Балкарии» (14.X.1992.№ 1232), постановлением Правительства РФ «О государственной поддержке курорта «Нальчик» и международной базы туризма, альпинизма и горнолыжного спорта в Кабардино-Балкарской Республике» (31.III.1994 г. № 265), другими правительственными документами. Парламент КБР принял Закон «О туристической деятельности в Кабардино-Балкарской Республике». Правительство КБР создало Координационный совет по развитию туризма, который определяет долгосрочную стратегию в этом направлении и обеспечивает выполнение государственных программ. Идет целенаправленное формирование современной нормативно-правовой базы государственного регулирования туристической деятельности в Кабардино-Балкарии. Таким образом, программа «Развитие туризма в Кабардино-Балкарской республике» нацелена на то, чтобы добиться высокого качества сервиса в этой сфере, вывести ее на уровень мировых стандартов¹⁰.

Основная работа проводится в рамках государственной программы Кабардино-Балкарской Республики «Развитие туристско-рекреационного комплекса Кабардино-Балкарской Республики» на 2013–2020 годы. На территории республики насчитываются 11 зон потенциальной рекреационной специализации, имеющих разный уровень развития, в том числе горно-рекреационный комплекс «Приэльбрусье», санаторно-курортный комплекс «Нальчик», оздоровительно-лечебные комплексы «Джылы-Су», «Аушигер», «Тамбукан», альпинистский комплекс «Безенги», экскурсионно-туристские комплексы «Чегемские водопады», «Голубые озера», «Долина нарзанов», археолого-туристские комплексы «Верхняя Балкария» и «Верхний Чегем».

Мероприятия по развитию туристской инфраструктуры вышеуказанных зон включают в себя:

- обустройство зон «Эльбрус» и «Чегет», ввод в эксплуатацию новых очередей канатных дорог с обустройством горнолыжных трасс;
- развитие санаторно-курортного комплекса курорта «Нальчик»;
- создание инженерной инфраструктуры туристско-рекреационного кластера «Эльбрус-Безенги» (комплексное обеспечение необходимой инфраструктурой трех перспективных зон: «Безенги», «Эльбрус», «Джылы-Су»);
- строительство автотуристского кластера «Зарагидж», предоставляющего широкий спектр услуг гостям и жителям КБР¹¹.

Планируется работа по развитию малоосвоенных зон рекреации. Это «Джылы-су» с его целебными источниками, «Аушигер», «Чегемские водопады» и. т.д. Необходимо создать конкурентоспособный туристический продукт, так как туризм должен стать одной из основных отраслей экономики КБР. И здесь не обойтись без рекламы и брендинга достопримечательностей республики. Наиболее эффективной является видеореклама на федеральных каналах ТВ, но этот вид малодоступен из-за высокой цены. Хотя можно отметить, что при поддержке Федерального агентства по туризму РФ было создано два имиджевых фильма

«Жемчужина Кавказа» и «Ущелья КБР», которые пользуются большим успехом на отраслевых выставках.

Таким образом, сегодня региональный брендинг в туризме становится актуальным и своевременным инструментом для субъектов РФ, где ощутима ограниченность национального и местных бюджетов. Региональный брендинг позволяет регионам продавать себя как площадку для вложения инвестиций. Брендирование привлекательных туристических объектов КБР будет способствовать увеличению количества туристов и отдыхающих в КБР, а также дальнейшему развитию смежных отраслей и организации новых рабочих мест, что позитивно скажется на экономическом климате республики.

Примечания

1. *Кешева З.М., Варивода Н.В., Гугова М.Х., Оширов П.Г.* Рекреационные ресурсы Кабардино-Балкарии как ключевой фактор социально-экономического и культурного развития республики // *Качество. Инновации. Образование.* № 3. С. 52.

2. *Кешева З.М.* Брендирование туристического комплекса КБР как фактор инновационного развития // *Материалы международного симпозиума «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели».* Нальчик, 28 июня – 3 июля 2013 г. Нальчик, 2013. Т. III. С. 31.

3. *Баядян А.Ю.* Развитие туризма как фактор формирования регионального брендинга // *Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф.* Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2014. С. 16.

4. [Электронный ресурс]. URL: <http://kmvline.ru/lib/dgilysu/index.php>

5. *Харенко А.А.* Горными тропами Кабардино-Балкарии: Спутник туриста. Нальчик: Эльбрус, 1972.

6. Там же.

7. Там же.

8. [Электронный ресурс]. URL: <http://kmvline.ru/lib/dgilysu/index.php>

9. *Кешева З.М.* Туризм как объект брендирования и фактор этно культурного развития народов Кабардино-Балкарии // *Гуманитарный профиль: научный сборник Совета молодых ученых / гл. ред. К.Ф. Дзамихов.* Нальчик, 2015.

10. [Электронный ресурс]. URL: http://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minturizm/deyatelnost/plany_razvitiya_kurortov_i_turizma_v_kbr.php

11. Там же.

NATURAL-GEOGRAPHICAL RESOURCES OF KABARDINO-BALKARIYA AS FACTORS OF FORMATION OF TOURISTIC BRANDS

Kesheva Zarema Muhamedovna, Candidate of History, Acting Head Sector of the Latest History Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», kesheva10@gmail.com

The article explores the natural and geographical resources of Kabardino-Balkaria as sources of the formation of tourism brands of all-Russian and world significance. It is determined that one of the important components of branding of natural and geographical resources is the development of recognizable brands of the republic symbolizing the attractiveness of the territory for consumer services and related products. The presence of promising objects for branding will help increase the number of tourists and holidaymakers in the CBD, as well as further development of related industries and the organization of new jobs, which will have a favorable effect on the economic and cultural climate of the republic.

Keywords: tourism, natural and geographical resources, globalization, attractiveness of the territory, tourist sphere, North-Caucasian region, Kabardino-Balkarian republic.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК ИНСТИТУТ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(на материалах Кабардино-Балкарии)**

Тетуев Алим Инзрелович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», alim-tetuev@mail.ru

В статье рассматриваются общественно-политические процессы в Кабардино-Балкарии в 1986–1990 гг., связанные со становлением многопартийности. Проведен анализ современного законодательства страны, закрепляющего статус политических партий. Показана трансформация российской партийной системы в течение первого десятилетия XXI века. Выявлена роль региональных отделений политических партий по стабилизации этнополитических процессов в регионе.

Ключевые слова: общественные объединения, политические партии, программа, устав, конституция, закон, выборы, Государственная Дума, парламент, консолидация.

В становлении гражданского общества в России на рубеже XX–XXI вв. важная роль отводится деятельности политических партий. Они являются одновременно элементом гражданского общества и частью государственного механизма. Политическая партия является своего рода мостом, каналом трансляции интересов гражданского общества к государству. Но помимо выполнения этой социально значимой функции партии также нацелены на достижение своих сугубо партийных интересов. Это, прежде всего, достижение и осуществление власти посредством продвижения своих представителей на ключевые посты в государстве, опираясь на поддержку общества, полученную в открытом состязании с другими партиями в электоральном процессе.

В этой связи деятельность института политических партий в регионах представляет как теоретический, так и практический интерес, требует пристального внимания и детального изучения. Особую актуальность эта проблема приобретает в условиях полиэтничности северокавказских республик, где политическая партия выступает одним из основных инструментов консолидации общественных интересов, что в свою очередь влияет на обеспечение стабильности в данном регионе. Исследование опыта становления многопартийности позволит выявить общие и специфические проблемы в процессе становления новой политической системы страны.

Как известно, политические партии создают для рядовых граждан возможность защищать свои интересы, в определенной степени влияя на работу региональной правящей элиты. Политические партии на региональном уровне являются не просто трансляторами идей центральных руководящих органов партий, или фракций, работающих в Государственной Думе, а представляют самостоятельный и весьма существенный элемент политического процесса. Со времен первых постсоветских выборов политические партии стали неотъемлемой частью политического процесса в регионе.

Историю развития политических партий в современной России условно можно разделить на три периода*: «Первый этап – развитие неформальных общественных организаций и движений, создания политических организаций, похожих на партии (1986–1990 гг.). Второй этап – развитие многопартийности, связанное с выборами в Государственную Думу РФ первых трех созывов (1993–2000 гг.). Третий этап – принятие Федерального закона «О политических партиях» (2001 г.) и его внедрение в жизнь. Разумеется, данная классификация не совершенна, ее можно оспорить, однако в ней верно подмечены этапные изменения. Общественно-политические процессы на первом этапе в субъектах РФ, в том числе и Кабардино-Балкарии в целом были одинаковыми. Первые общественные объединения в Кабардино-Балкарии были созданы для удовлетворения культурно-национальных интересов в 80-е гг. XX в. В начале своей деятельности общественные движения провели совместно с государственными органами власти позитивную работу по духовному и культурному развитию народов. Порядок организации и деятельности политических партий и иных общественных объединений до середины 90-х гг. XX в. регулировался Законом СССР от 9 октября 1990 г. «Об общественных объединениях»¹. В начале 90-х гг. XX в. в общественных движениях региона, как и в целом по стране обозначилась тенденция к политизации. Распад Советского государства, усиливший центробежные тенденции и на Северном Кавказе, в том числе и в Кабардино-Балкарии способствовал тому, что национальные движения начали предпринимать попытки реализации различных форм самоопределения, представляющих угрозу государственному единству и территориальной целостности Российской Федерации. В этот сложный период были созданы первые политические партии и движения: Демократическая партия Кабардино-Балкарии (14 ноября 1990 г.), Республиканская партия Кабардино-Балкарии (3 октября 1991 г.), Движение за сохранение единства Кабардино-Балкарии (13 февраля 1992 г.), Коммунистическая трудовая партия Кабардино-Балкарии (7 октября 1992 г.)².

Второй этап развития многопартийности связан с принятием Конституции Российской Федерации. В ст. 13 Конституции признается политическое многообразие, многопартийность. Необратимость процесса развития гражданского общества, в котором партии исполняют роль посредника между государством и гражданским обществом стала результатом закрепления политического многообразия в Конституции³.

19 мая 1995 г. был принят Федеральный закон «Об общественных объединениях»⁴. Данный Закон регулировал общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами права на создание, деятельность, реорганизацию или ликвидацию общественных объединений.

Подавляющее большинство политических партий Кабардино-Балкарской Республики являются региональными (республиканскими) структурами (отделениями) общероссийских (федеральных) политических партий, которые в основном были созданы в период выборов в Государственную Думу ФС РФ 1993, 1995, 1999, 2003 гг. Наиболее крупными из них являются Кабардино-Балкарское отделение партии «Единая Россия», Кабардино-Балкарское отделение КПРФ, Кабардино-Балкарское отделение «Аграрная партия России» и ряд других⁵.

Во взаимоотношениях политических партий и гражданского общества политические партии заинтересованы в создании и укреплении социальной базы поддержки, выражающейся в формировании общественного мнения и устойчивых социальных связей. Гражданское общество, в свою очередь, заинтересовано в государственной поддержке гражданских инициатив через участие политических партий в деятельности государства. В первом случае интересы политических

* Свои периодизации развития многопартийности предлагали К.С. Гаджиев, В.Я. Гельман, О.И. Зазнаев, Б.А. Исаев Ю.Г. Коргунюк, А.В. Петров и др.

партий сводятся к мобилизации граждан к волеизъявлению и поддержке партии на выборах, во втором случае гражданское общество стремится мобилизовать партии на поддержку структур гражданского общества при принятии политических решений. В этой связи исследователь М.А. Симонова правильно отмечает, что из более 180 политических партий, зарегистрированных Минюстом России до 1999 г., только три из них принимали участие в выборах практически во всех регионах России: КПРФ, «Яблоко» и ЛДПР⁶.

На третьем этапе был принят Федеральный закон от 11 июля 2001 г. «О политических партиях»⁷, который развивает положения Конституции РФ относительно реализации принципа многопартийности. В ст. 3 названного Закона дано определение понятия «политическая партия»: это общественное объединение, созданное в целях участия граждан РФ в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Закон о политических партиях конкретизирует принципы взаимодействия государства и политических партий: вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность политических партий, равно как и вмешательство политических партий в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается. Вопросы, затрагивающие интересы политических партий, решаются органами государственной власти и органами местного самоуправления с участием представителей соответствующих политических партий или по согласованию с ними. Важной нормой является требование, в соответствии с которым лица, замещающие государственные или муниципальные должности, и лица, находящиеся на государственной или муниципальной службе, не вправе использовать преимущества своего должностного или служебного положения в интересах политической партии, членами которой они являются, либо в интересах любой иной политической партии. Указанные лица, за исключением депутатов Государственной Думы ФС РФ, депутатов иных законодательных (представительных) органов государственной власти и депутатов представительных органов муниципальных образований, не могут быть связаны решениями политической партии при исполнении своих должностных или служебных обязанностей. Названный закон призван устранить существующие недостатки формирующейся партийной системы путем ограничения минимальной численности партии, установления фиксированного членства в партиях, введения государственного финансирования партий, запрета на организацию политических партий по признакам расовой, профессиональной, принадлежности, закрепления только за общероссийскими общественно-политическими объединениями статуса партии и др. Кроме того, закон не допускает возможности создания политических партий по признакам религиозной или национальной принадлежности. Применение данного принципа при создании партий не способствовало бы развитию и укреплению функции политических партий как связующего звена между государством и гражданским обществом, а скорее, наоборот⁸. В связи с приведением нормативных документов политических партий в соответствие новым законом их количество сократилось почти в 2,7 раза. По данным Минюста России на 17.10.2017 г. численность зарегистрированных партий составило 67⁹.

Политические партии безуспешно пытаются придать себе какой-либо идеологический облик и сформировать структуру массовой политической организации, стремясь походить на классические демократические образцы. Но в целом, большинство российских партий «функционируют как избирательные машины для лидеров» и не стремятся к формированию общенациональных ценностей и стратегии развития страны. Это подтверждает и факт отсутствия в программах российских политических партий продуманной идейно-ценностной базы, что превращает партийную идеологию в не востребуемую, вспомогательную

составляющую избирательных технологий. У большинства избирателей представления о партийной идеологии очень размыты.

Анализируя программы политических партий, исследователь М.А. Симонова пришла к выводу: «Многие из них хотели бы соединить социалистические ценности в социально-экономической сфере с либерально-демократическими в сфере политики и «рыночными» в сфере розничной торговли, а это приводит к тому, что победа на выборах в России обеспечивается не идеологией партии, а административной поддержкой, способной, принести кандидату до 25% голосов, личной известностью лидера и избирательными технологиями. Законодательное закрепление избрания депутатов по партийным спискам подталкивает элитные группы к созданию партий, а избирателей делать выбор из списка партий, не зная стоящих за красивыми названиями партий людей»¹⁰. Указанное подтверждается и в деятельности региональных отделений политических партий в Кабардино-Балкарии, численность которых по состоянию на 01.02.2017 года составляют 46. Наиболее активно участвует в решении социально-экономических проблем региональное отделение политической партии «Единая Россия». Местные отделения партии созданы во всех городах и районах республики, «Справедливая Россия» имеет свои организации в 95% муниципальных образованиях, КПРФ и ЛДПР – на 88%, присутствие остальных партий является формальным¹¹.

Выборы Парламента Кабардино-Балкарской Республики III созыва состоялись 7 декабря 2003 г. по смешанной системе: 55 депутатов избирали по одномандатным избирательным округам, 55-по единому республиканскому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутые избирательными объединениями, избирательными блоками. По итогам выборов к распределению 55 мандатов по спискам допущены 3 партии, преодолевшие 5-процентный барьер: Кабардино-Балкарское отделение КПРФ получило 6 мандатов, Кабардино-Балкарское отделение «Единая Россия» – 44 мандата, Кабардино-Балкарское отделение Аграрной партии России – 5 мандатов¹².

Введение на региональных выборах пропорциональной избирательной системы позволяет полнее выражать интересы всех групп общества, активизировать участие граждан в выборах и политике в целом. Партии преодолевшие, установленный процентный барьер (избирательный порог), могут провести в парламент своих кандидатов для того, чтобы обеспечить представительство пропорционально этническому составу населения субъекта. Так, в составе Парламента Кабардино-Балкарской Республики 5 созыва, избранного в 2014г., значится 70 депутатов, из которых 18 депутатов работают на постоянной профессиональной основе. Национальный состав депутатов Парламента отражает пропорционально этническую структуру населения республики. Среди депутатов: кабардинцев – 37 (52,9%), балкарцев – 15 (21,4%), русских – 17 (24,3%), других национальностей – 1 (1,4%)¹³.

Председателем Парламента Республики является представитель русской национальности, его заместителями – представители кабардинской и балкарской национальности. Сопредседателями Комитета Парламента по межнациональным отношениям являются представители кабардинской, балкарской и русской национальности¹⁴. Этническое представительство в исполнительных органах власти в основном соответствует процентной доле тех или иных народов, населяющих Кабардино-Балкарию. Такая практика обеспечения представительства основных этнических групп во властных структурах позволяет поддерживать общественно-политическую стабильность в республике.

Важную роль в развитии гражданского общества имеет формирование политической культуры граждан. Условием формирования политической культуры

людей является их включенность в политический процесс, взаимодействие с политической реальностью. Формирование политической культуры зависит от деятельности государственных и муниципальных органов власти, общественно-политических организаций и движений, средств массовой информации и т.д.

Другой, не менее важный путь формирования политической культуры, является политическая, идеологическая и организационная деятельность региональных отделений политических партий. Опыт их участия в проведении выборов Кабардино-Балкарии показал, что политическая культура различных социальных групп российского общества имеет существенные различия. Это выражается в неодинаковой степени включенности в выборные процессы, в различной степени избирательной активности как социально-профессиональных, так и возрастных групп населения города и села. Это находит свое выражение и в различных политических позициях тех, кто участвует в выборах.

С этой точки зрения политическая культура российского электората также неоднородна. Наличие большого количества избирателей с низкой политической культурой, делающих свой выбор на основе иррациональных критериев (эмоциональность, идеологическая, духовная, национальная нетерпимость, незнание основных программных положений кандидатов), представляет собой опасность, так как российское общество в определенном смысле становится политически непредсказуемым. А это, в свою очередь, предопределяет кризисный характер его развития. Анализ итогов выборов в Государственную Думу и региональные парламенты показывают, что в них порой оказываются кандидаты с крайними популистскими, националистическими, демагогическими лозунгами. Все это свидетельствует о наличии негативных аспектов в политической культуре российского общества. Главная проблема заключается в том, что основные слои и группы общества еще не сформировали своих особых политических интересов. Процесс определения политических интересов в России протекает вяло, что находит свое выражение в инертности, деятельности политических партий.

Таким образом, по результатам проведенного исследования, следует отметить, что структура гражданского общества в России, в том числе и в Кабардино-Балкарии на сегодняшний день достаточно слабая, но реальные возможности для ее укрепления и расширения присутствуют. От роста и укрепления позиций среднего класса и экономического развития страны зависит будущее гражданского общества. На российской политической сцене сейчас довольно много игроков, взаимодействующих с партиями или использующих для участия в политическом процессе партийную форму, каждому из которых нужна многопартийность, имеющая возможность дать им преимущество в реализации своих интересов перед остальными.

Тот факт, что политические партии в основной своей массе создавались вокруг влиятельных бизнесменов, популярных лидеров и парламентских фракций, а не вырастали из недр гражданского общества, также является тормозящим фактором развития партий.

Также следует отметить, что руководители регионов на протяжении многих лет избегали партийной активности и не нуждались в политических партиях как средстве укрепления своей власти. На сегодняшний день только Государственную Думу Российской Федерации можно считать единственным государственным институтом, где партии играют ключевую роль и фиксируются результаты межпартийной борьбы, и которая в значительной степени является «рабочей лошадью» законодательного процесса. Актуальной задачей укрепления гражданского общества является вовлечение региональных партий в реальную борьбу за электорат, формирование своей четкой политической позиции.

Примечания

1. Законы, кодексы и нормативно – правовые акты Российской Федерации. Закон СССР от 09.10.1990 N 1708-1 (с изм. от 19.05.1995) «Об общественных объединениях» // Электронный ресурс: <http://legalacts.ru/doc/zakon-sssr-ot-09101990-n-1708-1-s/> (дата обращения: 01.03.2018).
2. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. Т. I. М.: РАН Центр по изучению межнациональных отношений института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1994. С. 208–221.
3. Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Новосибирск: Норматика, 2013. 32 с. С. 5, 6.
4. Законы, кодексы и нормативно –правовые акты Российской Федерации. Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «Об общественных объединениях» // Электронный ресурс: <http://legalacts.ru/doc/FZ-ob-obwestvennyh-obedinenijah/> (дата обращения: 01.03.2018).
5. Список зарегистрированных Кабардино-Балкарских региональных отделений политических партий по состоянию на 01.02.2017 г. Электронный ресурс: <http://to07.minjust.ru/node/2867> (дата обращения: 02.03.2018).
6. *Симонова М.А.* «Политические партии как институт взаимодействия гражданского общества и государства в современной России»: дис. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. М., 2014. С. 27.
7. О политических партиях: федеральный закон: (собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 29, ст. 2950). [6-е изд.]. М.: Ось-89, 2007. 63 с.
8. Там же.
9. Список зарегистрированных политических партий Министерством юстиции РФ по состоянию на 17.10.2017 г. <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 03.03.2018).
10. *Симонова М.А.* «Политические партии как институт взаимодействия гражданского общества и государства в современной России»: дис. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. М., 2014. С. 28.
11. Список зарегистрированных Кабардино-Балкарских региональных отделений политических партий по состоянию на 01.02.2017 г. Электронный ресурс: <http://to07.minjust.ru/node/2867> (дата обращения: 01.03.2018).
12. Высота, достойная республики. К 70-летию образования Верховного Совета и 15-летию Паламента Кабадино-Балкарии. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых («Полиграфсервис и Т»), 2008. 224 с. С. 85.
13. Состав депутатов Парламента Кабардино-Балкарской Республики V созыва /Электронный ресурс: http://parlament.kbr.ru/index.php?Page=page_1487&cz=73 (дата обращения: 11.12.2016).
14. Там же.

POLITICAL PARTIES AS AN INSTITUTE FOR INTERACTION OF CIVIL SOCIETY AND STATE IN CONTEMPORARY RUSSIA (on the materials of Kabardino-Balkaria)

Tetuev Alim Inzrelovich, Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher of the Sector of the Latest History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», alim-tetuev@mail.ru

The article deals with socio-political processes in Kabardino-Balkaria in 1986–1990, associated with the formation of a multi-party system. The analysis of the modern legislation of the country fixing the status of political parties is carried out. The transformation of the Russian party system during the first decade of the 21st century is shown. The role of regional branches of political parties on stabilization of ethnopolitical processes in the region is revealed.

Keywords: public associations, political parties, program, charter, constitution, law, elections, State Duma, parliament, consolidation.

УДК 811.512.142

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-75-80

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЧАСТИЦ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аппоев Алим Каншауович, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», aprov74@mail.ru

В статье рассматриваются особенности функционирования частиц в карачаево-балкарском языке. Они как особый разряд неполнозначных слов характеризуются тем, что выполняют самые различные модальные и эмоционально-экспрессивные функции. Одни из них имеют общемодальный характер, так как участвуют в выражении общей модальности предложения, другие выражают разные оттенки модальности членов предложения и поэтому имеют частномодальное значение.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, функционирование частиц, модальность, эмоционально-экспрессивная функция.

Частицы – это несамостоятельные слова, которые сообщают словам в предложении или целым предложениям различного рода добавочные значения.

Как особый разряд неполнозначных слов в первую очередь частицы характеризуются тем, что выполняют самые различные модальные и эмоционально-экспрессивные функции. Утвердительные, отрицательные вопросительные, восклицательные, а также выражающие достоверность сообщения частицы имеют общемодальный характер, так как участвуют в выражении общей модальности предложения. Определительные, выделительные, ограничительные, указательные частицы выражают разные оттенки модальности членов предложения и поэтому имеют частномодальное значение.

Частицы являются одним из распространенных средств выражения семантики достоверности, выражая различную степень уверенности говорящего в истинности предыдущего высказывания. Модальность достоверности наиболее ярко проявляет себя в ответной диалогической реплике, сопровождая и усиливая реакцию говорящего. Поэтому вопросно-ответные сцепления в монологе, ответная часть которых содержит подтверждение или отрицание вопросительной части, можно считать заимствованием из диалога¹.

В карачаево-балкарском языке очень много частиц, омонимичных с наречиями и модальными вводными словами. Эта группа частиц заслуживает внимания как разряд слов, занимающих переходное положение на одной из границ классов неполнозначных и полнозначных слов.

В современном карачаево-балкарском языке могут быть выделены следующие наиболее употребительные группы частиц: 1) указательные: *ма*, *майна*, носители «ц» диалекта употребляют еще частицы *ийно*, *ийнору*; 2) усилительные: *да*, *окъуна* (или *огъуна*), *тап*, *бютюн да*, *артыкъ да*, *артыгъыракъда*; 3) утвердительные: *хау* (*хо*), *хы*, *хайыр*; 4) отрицательные: *угъай* (*огъай*), *тютюлдю* – *ма*,/

-ме, хоу-бир да; 5) вопросительные -мы/ -ми, -му/ -мю, а (уа); 6) частицы, обозначающие желательность действия: -а, -чы/-чи, -чу/-чю, шо, ай, ой; 7) сравнительные: -ча; 8) ограничительные: кьуру, кьун-кьуру, чьрт, чьрт да, чьртдан-да, жаланда; 9) определительные (или уточнительные): тамам, туура, тюз, шашмай, арабий; 10) обращения: ий, ха, ийха.

Они, как и в других тюркских языках, в карачаево-балкарском языке представляют собой сравнительно новую грамматическую категорию, занимающую промежуточное положение между модальными словами и аффиксами. В ряде тюркских языков имеется явная тенденция к переходу многих частиц в разряд аффиксов. Например, в татарском языке из девяти разновидностей частиц шесть являются аффиксальными: -мы/ -ме, -мо/ -мө; *зынә/ -генә, қына/ -кенә; -дыр/ -дер, -зыр/ -зер, -лыр/ -лер, -тор/ -төр; -һана/ -һәнә; -сы/ -се, -со/ -сө; -та/ -тә, -да/ -дә, -за/ -зә, -ла/ -лә*².

В карачаево-балкарском языке частиц-аффиксов меньше частиц-слов: их всего две разновидности: (-чы/ -чи, -чу/ -чю, -мы/ -ми, -му/ -мю)³.

Постпозиционные частицы в карачаево-балкарском языке, возникающие на собственной языковой основе, являются преобладающим типом, как и в тюркских языках в целом. Это говорит о том, что частицы возникают в результате частого употребления определенных слов в качестве второго компонента словосочетания. Частицы формируются за счет знаменательных слов, преимущественно за счет имен, глаголов, изредка – междометий⁴. Многие частицы внешне сохраняют форму знаменательных слов, от которых они произошли (глаголов, существительных, прилагательных, наречий).

Вопрос о классификации частиц до сих пор остается актуальным. Их классификация обычно проводится по семантическому признаку, но семантика частиц весьма многообразна, и это многообразие, как и количество, все возрастает. Не все частицы еще выявлены, еще окончательно не решен (и не только в тюркологии) – вопрос о том, что считать частицей.

По своему происхождению частицы связаны с различными разрядами самостоятельных и служебных слов. В карачаево-балкарском языке немало частиц, омонимичных с наречиями, прилагательными и междометиями. Эта группа частиц заслуживает внимания как разряд слов, занимающих переходное положение на одной из границ классов неполнозначных и полнозначных слов.

В анализируемом языке наиболее употребительными являются следующие группы частиц.

Указательные частицы *ма* «вот», *майна*, *майна ма* «вон» синонимичны в употреблении. Разница между ними заключается в том, что последние две частицы употребляются при указании на более отдаленный предмет: *Ма бу кьошда бёлек адам турадыла* («Нартла») «Вот в этой кошаре живут несколько человек»; [*Жамий:*] *Мени эким [сабийле] бардыла да, майна, артлары-аллары ачыла айланадыла* (Тёппеланы А.) «[Жамий:] У меня двое [детей], вон, ходят полуголые».

Усилительные частицы *да*, *окьуна/ огьуна*, *тап*, *бютюнда артыкъ да*, *артыгьыракъ да* неоднородны по семантике и служат для усиления значения предшествующего слова: *Ала мени кьргенлей окьуна таныдыла* (Шауаланы Х.) «Они меня сразу узнали, как только увидели»; *Аны эшитгенде, жаш бютюнда бек ачыланды* (Гулаланы Б.) «Услышав это, парень еще сильнее рассердился».

Утвердительные частицы *хау/ хо*, *хы*, *хайыр* по своему месту в предложении обычно находятся в препозиции и выражают отношение содержания предложения к фактам реального мира: – *Хау, мен да этгенме дерслерими*, – *деди жашчыкъ* (Шауаланы М.) «Да, я тоже сделал уроки, – сказал мальчик»; *Хайыр, анам, сен айтханны этейик!* (Кьобанланы Д.) «– Ладно, мама, сделаем так, как ты говоришь!».

Ряд отрицательных частиц (*угьай/ огьай*, *хоу бир да*) употребляются в начале предложения, другие (*тютюлдою/ тютюдо*) – в конце, третьи (*-ма/ -ме*) – в составе

глагольного сказуемого: – *Угъай, къарындашым, биченибиз алыкъа тауусулмагъанды!* (Тёппеланы А.) «– Нет, брат, сено у нас еще не закончилось!»; [*Ахмат Омаргъа:*] *Билип къой, бу санга кечиллик туююлдю!* (Кациланы Х.) «[Ахмат Омару:] заруби себе на носу, это тебе не простится!»; *Кюлме жаиша, тиер баиша* (посл.) «(Хорошо) смеется тот, кто смеется последним».

Предикативно-отрицательная частица *туююл/ тюл* в карачаево-балкарском языке изменяется по лицам:

Ед.ч.	Мн.ч.
<i>туююлме/ тюлме</i>	<i>туююлбюз/ тюлбюз</i>
<i>туююлсе/ тюлсе</i>	<i>туююлсюз/ тюлсюз</i>
<i>туююлдю/ тюлдю</i>	<i>туююлдюле/ тюлдюле</i>

Каждая из вопросительных частиц *-мы/ -ми, -му/ -мю, а (уа)* которых имеет свою сферу употребления. Частица *-мы* (и другие ее варианты) обслуживает почти все части речи и семантически тождественна русской вопросительной частице «ли»: *бардынгмы?* (глагол) «сходил ли ты?»; *сизми кёргенсиз?* (местоимение) «вы что ли видали?»; *Ахматнымы сакълайса?* (существительное) «Ахмата что ли ждешь?»; *кёпмю керекди?* (наречие) «много ли надо?»; *экемюдюле?* (числительное) «их двое?»; *игими ишлейдиле?* (прилагательное) «хорошо ли работают?»; *чыртдамы?* (частица) «совсем, что ли?»; *юй табамы?* (послелог) «в сторону дома, что ли?»; *дагъыдамы?* (союз) «еще, что ли?» и др.: – *Тохта, сенми келмеген эдинг ол кюн?* (Толгъурланы З.) «– Погоди, в тот день не было тебя [там]?»; – *Сен къутулдунг борчларынгдан, биз а, жарлыла, не этейик?* (Тёппеланы А.) «– Ты расплатился с долгами, а нам, бедным, как быть?».

Употребление той или иной фонетической разновидности частицы *а (уа)* зависит от качества последнего слога слова: после закрытого слога пишется *–а*, после открытого – употребляется его разновидность – *уа*: *Мен киногъа барама, сен а?* «Я иду в кино, а ты?» *Ахмат бичен чалады? Мустафа уа?* «Ахмат косит сено, а Мустафа?».

Частицы, обозначающие желательность действия следующие: *а,- чы/чи, -чу/-чю, шо, ай; ой*.

Частица *-чы* (и другие ее варианты) придает императиву более мягкий тон с оттенком фамильярности, смягчает категоричность повеления: *жазчы* «напиши-ка»; *чакъырчы* «позови-ка» и др.: *Жолдаш художник, сакълатмачы кесинги!* (Гуртуланы Э.) «Товарищ художник, не заставляйте себя ждать!». В этом примере внешне сдержанный, мягкий тон повеления с оттенком совета, уточняемый контекстом, наоборот, усиливает непреклонность, беспелляционность приказа.

С семантикой желания, сожаления употребляются и конструкции с частицами *шо, ай, ой*: *Ой, иги сагъан, сенича бир кёлю болур эди!* (Гулаланы Б.) «Эх, если бы иметь настроение, как у тебя!»; *Шо сен манга берген сёзлеринги сынгар бирин тындырсанг эди!* (Къоркъмазланы К.) «Вот бы ты выполнил хоть одно из своих обещаний, данных мне!».

В предложениях типа: *Юйге кирсенг а, къурманынг болайым* «Заходи в дом, пожалуйста» частица *а* употребляется для выражения значения горячей просьбы, мольбы.

Частицы *къуру, къуп-къуру, чырт, чыртда, жаланда, жалан* являются ограничительными. В карачаево-балкарском языке они имеют строго регламентированное значение ограничительности: *Жаиша ётсюзлюк этерге чыртда жарарыкъ туююлдю!* (Къулийланы Х.) «Парню совершенно нельзя малодушничать!»; *Жалан къая зынгырдаун Эшитеме, сени чакъырсам* (Мечиланы К.) «Когда я тебя зову, Слышу только эхо».

Определительные (уточнительные) частицы *тамам, туура, тюз, шаимай* неоднородны по своему происхождению и выражают в основном отношение к

достоверности высказывания (утвердительность, сомнение, решение): *Тамам, ол кезиуде эшик кьагьылды* (Шауаланы Х.) «Как раз в это время постучали в дверь»; *Кьоркьма, аннам, тюз сен айтханлай этгенме!* (Гулаланы Б.) «Не бойся, мама, я сделал точно так, как ты сказала!».

Частицы обращения *ий, ха, ийха* употребляются в том случае, когда говорящий желает узнать о наличии или отсутствии у предмета того или иного признака или же выражает просьбу, желание чего-либо: *Ий, ол жашны бизге бир кёргюзтюгюз!* (Кациланы Х.) «Пожалуйста, покажите нам этого парня»; [*Сосурукъ:*] *Ха, эмеген, силкинчи!* («Нартла») «[Сосурукъ:] Эй, эмеген [чудовище], встряхнись!»

Экспрессивные частицы несколько отличаются от вышеперечисленных частиц тем, что они употребляются в препозиции и принимают на себя ударение. Служат они для образования прилагательных в интенсивной степени и пишутся через дефис. Частица «*кьан*»: *кьан-кьара* «черный-пречерный», *кьанпа-кьарангы* «очень темный» и т.п.; частица «*кьып*»: *кьып-кьызыл* «красный-прекрасный», *кьып-кьысха* «очень короткий» и т.п.; частица «*сан*»: *сан-сары* «очень желтый», *сен-семиз* «очень жирный» и т.п.; частица «*тан*»: *тан-таза (суу)* «чистая-пречистая (вода)» и т.п.; частица «*жап*»: *жап-жарыкь* «очень светлый», *жап-жашил* «зеленый-презеленый», *жап-жангы* «совсем новый» и т.д.; частица «*кьупта*»: *кьупта-кьуру* «совершенно пустой».

Некоторые частицы употребляются только в сочетании с определенными словами, например: частица «*дум*»: *дум-кьара* «совершенно черный»; частица «*чиммакь*»: *чиммакь-акь* «совершенно белый»; частица «*сып*»: *сып-сыйдам* «гладкий-прегладкий» и др.: *Хасанья бла Акь Сууну башлары, алтын бет алып, сан-сары болгьандыла* (Залийханланы Ж.) «Верховья Хасанья и Белой Речки, приняв золотистый цвет, стали желтыми-прежелтыми»; *Иннетлери тан-таза: Оруслу, черкес, абаза* («Жарыкь жолда») «Намерения у них чистые-пречистые: У русских, черкесов, абазин».

Общетюркская индивидуальная частица *кьан-* с фонетическим вариантом *кьанпа-* участвует в выборочном образовании усилительных конструкций путем повторения первого слога прилагательных и наречий по модели частичной редупликации, например, прилагательных: *кьан-кьара* «черный-пречерный», *кьан-кьара бухар бёрк* «черная-пречерная бухарская шапка»; *кьан-кьара кир кьолла* «черные-пречерные грязные руки»; *кьанпа-кьара* «черный-пречерный»; *кьанпа-кьара бет* «черное-пречерное лицо»; *кьан-кьарангы кече* «темная-претемная ночь»; *кьан-кьарангы дорбун* «черная-пречерная пещера». Занимая определенную синтаксическую позицию, т.е., употребляясь перед глагольными основами, в том числе и перед вспомогательным глаголом *бол-* «быть», конструкция *кьан-кьара/кьанпа-кьара* выступает в значении обстоятельства образа действия: *кьан-кьара бол* «становиться черным-пречерным». Вспомогательный глагол *бол-* «быть» принимает спрягаемые формы: *кьан-кьара болдум* «я стал черным-пречерным»; *кьан-кьара болдунг* «ты стал черным-пречерным»; *кьан-кьара болду* «он стал черным-пречерным»; *кьан-кьара болдукь* «мы стали черными-пречерными»; *кьан-кьара болдугьуз* «вы стали черными-пречерными»; *кьан-кьара болдула* «они стали черными-пречерными». Частица *кьан-/кьанпа-* со значением «очень», «чересчур» употребляется при образовании качественных прилагательных и наречий, обозначает высшую, предельную степень качества; самостоятельно не функционирует и отмеченное значение выявляется только контекстуально⁵.

Усилительная частица *кьан-/кьанпа-* участвует в образовании редулицированных сочетаний не только от цветообозначающих прилагательных, но и от других качественных прилагательных, имеющих степени сравнения. С одной стороны усилительные частицы присоединяются к определенному числу прилагательных и наречий, с другой – существуют некоторые ограничения в дальнейшей аффиксации, морфологическом развитии редулицированных конструкций. На

это особое внимание обращает Мусуков Б.А., который пишет, что по этой причине в толковых словарях карачаево-балкарского языка не отражены многие сочетания, которые выглядят несколько искусственно и образование таких конструкций сочетанием редуцированных основ и аффиксальных морфем возможно в первую очередь в разговорном языке, являющемся подпиткой для нормативного языка, например: *къап-къара* «черный-пречерный», *къап-къара + лык* «чернота-пречернота». К редуцированным основам присоединяются и притяжательные аффиксы: *къап-къара* «черный-пречерный»; *къап-къарабыз* «наши черные-пречерные», *къап-къаранг* «твой черный-пречерный», *къап-къарасы* «его черный-пречерный», *къап-къарам* «мой черный-пречерный», *къап-къарагъыз* «ваши черные-пречерные», *къап-къаралары* «их черные-пречерные». Возможность присоединения аффиксов лица и числа к основам следует рассматривать как грамматическую особенность усилительных сочетаний, создающих парадигматическое значение по вертикали⁶.

Индивидуальная частица *къып* в карачаево-балкарском языке, так же как и в других тюркских языках, участвует в выборочном образовании усилительных конструкций по модели частичной редупликации путем повторения первого слога прилагательных и наречий: *къып-къызгъанч* «очень жадный»; *къып-къызыл* «красный-красный», «очень красный», «красный-прекрасный»; *къып-къызыл болургъа*: а) «раскалиться докрасна»; б) «раскраснеться; покраснеть до корней волос»; *къып-къымыжса* (карач.) «совершенно голый»; *къып-къымыжса болургъа* «раздеться догола», *къыппа-къымыжса* балк. «совершенно голый». В алломорфах морфемы чередуются не только отдельные фонемы, но и сочетания фонем с отдельными фонемами (*ры-п*): *сары + сары – сап-сары* «желтый-желтый», (*зыл-п*): *къызыл + къызыл – къып-къызыл* «красный-красный», а также между собой (*саппа*): *сау + сау – саппа-сау* «совершенно здоровый», (*нгы -ппа*); *жангы+жангы-жаппа-жангы* «новый-новый»⁷.

К числу грамматических особенностей усилительных конструкций с частицей *къып-къыппа-* относится наличие категории принадлежности, которая выражается при помощи специальных притяжательных аффиксов.

Препозиционная общетюркская частица *жап-жаппа-* в карачаево-балкарском языке, так же как и в других тюркских языках, участвует в выборочном образовании усилительных конструкций по модели частичной редупликации путем повторения первого слога прилагательных и наречий. Самостоятельно не встречается, но в семантическую структуру производящих основ, сочетающихся с ней, добавляет усилительные оттенки: *жап-жалан* «совершенно голый»; *жап-жангы* «совершенно новый»; *жап-жарыкъ* 1) «очень светлый, пресветлый»; 2) *перен.* «очень радостный»; *жап-жашил* «совершенно зеленый, зеленый-презеленый»⁸; *жаппа-жалан* «совершенно голый»; *жаппа-жангы* «совершенно новый», *жаппа-жангыдан* «заново», *жаппа-жангыз*¹ «единственный»; *жаппа-жангыз*² 3) «*пребывающий где-л. совершенно отдельно от других*»⁹.

Усилительная частица *жып-/ жыппа-* по внешней форме похожа на частицу *жап-*, но не является ее фонетическим вариантом. Она встречается в составе нескольких конструкций, которые могут функционировать и как наречие, например: *жып-жылы* «совершенно теплый»/«совершенно тепло»; *жыппа-жылы* «совершенно теплый»/«совершенно тепло»; *жыппа-жыяу* «совершенно пешком». По справедливому замечанию Мусукова Б.А. данные основы в «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» по непонятной причине не зафиксированы¹⁰.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что частицы в карачаево-балкарском языке вступают между собой в синонимические (*хы – хайыр – болсун, тамамС– шашмай – айланмай – тюз, жалан – жаланда – къуру – жангыз, чырт – чырта* и др.), вариантные (*угъай/ огъай, хау/ хоу, окъуна/ огъуна, тютюлдю/ тюлдю* и др.), антонимические (редко) отношения (*огъай/ угъай – хау/ хоу*). С другими

частями речи они могут вступать и в омонимические отношения: *жалан* (прилагательное) – *жалан* (частица), *тюз* (прилагательное) – *тюз* (частица), *хайыр* (существительное) – *хайыр* (частица), *ай* (межд.) – *ай* (частица), *эм* (союз) – *ай* (частица), *эм* (союз) – *эм* (частица), *бир* (числительное) – *бир* (частица) и др. Многие частицы имеют модальные значения: *тамам*, *тюз*, *хайыр*, *угъай*, *хау*, *болсун* и др.

Примечания

1. *Щербань Г.Е.* Частицы в конструкциях экспрессивного синтаксиса. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2002. 205 с.
2. *Максютова Н.Х.* Послелогии. Частицы. Союзы // Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981. С. 328–329.
3. *Хаджилаев Х.И.* Служебные части речи // Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976. С. 304–305.
4. *Петров Н.Е.* Служебные слова // Грамматика современного якутского литературного языка: фонетика и морфология. М., 1982. С. 62–64.
5. *Мусуков Б.А.* Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций в тюркских языках. Нальчик: Принт Центр; ООО «Полиграфсервис и Т», 2016. 376 с.
6. Там же.
7. Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах. Т. 1. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1016 с. С. 822.
8. Там же. С. 817.
9. *Мусуков Б.А.* Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций в тюркских языках. Нальчик: Принт Центр; ООО «Полиграфсервис и Т», 2016. 376 с.
10. Там же. С. 274.

PARTICLE FUNCTIONING IN KARACHAYEVO-BALKARIAN LANGUAGE

Appoev Alim Kanshauovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», appoev74@mail.ru

The article deals with the functioning of particles in Karachay-Balkar language, they are characterized as a special category of incomplete words that perform a variety of modal and emotional-expressive functions. Some of them have a general character, since they participate in the expression of the general modality of the sentence, others express different shades of the modality of the sentence members and therefore have a particular modal significance.

Keywords: Karachay-Balkar language, particle functionalization, modality, emotional-expressive function.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-75-80

ОЦЕНОЧНАЯ ФУНКЦИЯ ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Гукетлова Фатима Нашировна, доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», fatiguketl@rambler.ru

Шериева Нина Гумаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», nina.sherieva@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы языковой и культурной специфики зооморфизмов, национальной специфики образного средства, как особого вида национальной стратегии для вербализации характеристических свойств человека, а также этноспецифические предупреждения, закрепленные зооморфным фондом языка. Ставятся вопросы национальной специфики выбора образного средства – человека в аниморфологических единицах, содержащих ярких, характерный, легко переосмысливаемый значимый признак поведения животного. Зооморфный код культуры, позволяющий выявить систему символов и эталонов национальной культуры, находящихся отражение в ФЕ и в паремиологическом фонде языка, выявляет специфику мировосприятия носителей языка и культуры. Зооморфизмы, получая заряд эмоциональности, и образности, становятся широко употребляемыми в разных областях коммуникации. Однако зооморфные коды, стремясь к сохранению универсальных черт, отличаются национальным своеобразием. Изучение объема смыслового содержания зооморфических концептов приводит к обнаружению противоречий в иерархии оценочных значений, и выявляет особенности национально-культурной картины мира. Анализ проводится на материале трех разноструктурных языков.

Ключевые слова: Культурный код, универсальный код, мировосприятие, дискриптивная номинация, аниморфологический, зооним, зооморфизм, зоометафора, система символов.

Настоящая статья является продолжением ряда авторских публикаций, направленных на изучение зооморфизмов в разноструктурных языках.

Известно, что в сознании первобытного человека животные выступают как символы, на основе которых составляются образные картины тех или иных аспектов бытия. У человека появляется потребность в образной номинации, и тогда язык начинает прибегать к переосмыслению значения уже существующего слова. И здесь проявляется особенность мировоззрения и мироощущения каждого народа, его языка, его культуры, в самом широком смысле этого слова, отчего и складывается, на наш взгляд, национально-специфическое видение мира. Именно это своеобразие и привлекает лингвистов.

Мы придерживаемся точки зрения тех лингвистов, которые считают, что лингвистический анализ фактов культуры является одним из объективных подходов в изучении столь гетерогенного явления, которое представляет собой культура. В сопоставлении двух систем – языка человека и «языка» культуры, следует искать ключ к проблематике соотношения языка и мышления. В центре внимания наших наблюдений три этноса – адыги, французы, русские – трёх культурных ареалов – Кавказа, Франции, России.

В целях раскрытия неисчерпаемого потенциала человеческого языка нас привлекает концептосфера *Мир животных*. Известно, что функционирование языка регулируется не только лингвистическими нормами и правилами, но и нормами и правилами культурной среды, в которой находится человек¹.

Мы не всегда осознаём ту роль, которую занимает в нашей культуре анималистическая лексика. Зоонимы оказались на далёкой периферии повседневного узуса (исключения – собака, кошка), что лишь подтверждает удалённость современного человека от животного мира.

Но культурная составляющая зоонимов связана в первую очередь с их метафорическим использованием, имеющим многотысячелетнюю историю. Метафора – универсальное явление, свойственное любому языку.

Столь же универсальна и персонификация элементов окружающего мира – следствие древнейшего анимализма, присущего некогда всем культурам; наделение животных душой и приписывание им разнообразных психологических особенностей человека – явление общее, но в каждом языке проявляется по-своему. Метафорика, сопутствующая многим названиям животных, в действительности призвана вскрывать социальные и психологические особенности человека, как универсальные, так и культурно маркированные.

Иными словами, конкретные реализации универсального приёма метафоры этноспецифичны, причём сформировались они в своей основе в глубокой древности и их анализ позволяет вскрыть архетипические истоки наших морально-этических представлений, закреплённых в системе языка. Тем самым становится очевидно, что для выявления основ языковой картины мира трудно преувеличить важность всестороннего анализа коннотативной составляющей названий животных.

С другой стороны, в наше время становится всё более очевидным, что коммуникативная компетенция индивида строится редко на базе чистого одноязычия; в большей или меньшей степени выраженный би- и мультилингвизм характерен для подавляющего большинства современного человечества.

Взаимодействуют не только языки как знаковые системы, взаимовлияние характерно и для различных картин мира. Но взаимодействие такого рода происходит не в абстрактном пространстве, а как раз в головах отдельных носителей языков.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой при сравнительном изучении языков и культур вскрываются их наиболее существенные особенности. Именно сопоставление родного языка и «своей» культуры с другим языком и с «чужой» культурой помогает обратить внимание на их непохожесть на твою «собственную» культуру, предлагая новое осмысление окружающего тебя мира – снимается иллюзия единственно возможного видения мира, обогащая и расширяя собственное мировидение и мироощущение. По определению В.Г. Гака, сравнительное описание форм языков вскрывает существующие в каждом языке словарные пробелы, «белые пятна» на семантической карте языка, незаметные изнутри, например, человеку, владеющему только одним языком².

Сопоставительная лингвокультурология только начинает развиваться. В области романской филологии, и более конкретно – в области французско-русских сопоставительных работ, особую роль играют исследования В.Г. Гака, в которых обобщены теоретические основы контрастивной лингвистики как отдельной отрасли языкознания. Среди других исследований хотелось бы отметить работы М.К. Головониной³, А.В.Калининой⁴, Н.У. Вороковой⁵ и др. Сопоставительные работы в лингвокультурологическом плане позволяют увидеть закреплённое в языковой семантике своеобразие культур разных народов.

Представление о метафоре как о средстве украшения языка в настоящее время коренным образом изменилось. Метафора как когнитивная операция над понятием формирует картину мира, определяя не только её настоящее, но и будущее. Языковая метафора связана с прагматической деятельностью сознания, с суждениями

человека о ценности по отношению к фрагментам окружающей его действительности. Концептуальная метафора принимает участие в механизме концептуализации окружающей человека действительности, и действует этот механизм на базе ранее сложившегося субъективного опыта индивида. Ритм языковой эволюции не совпадает с ритмом эволюции менталитета, который сам изменяется намного медленнее.

Зооморфный код культуры представляет собой чрезвычайно интересный и самобытный языковой пласт, выявляет специфику мировосприятия носителей языка и культуры. Существование этих кодов является универсальным. Однако зооморфные коды, стремясь к сохранению универсальных черт, отличаются национальным своеобразием. Животные, втянутые человеком в мир его преобразований, играя символическую роль в мифопоэтической картине мира, выступают как эталонные носители тех или иных качеств человека, отражают опыт народа, говорящего на данном языке. Для раскрытия культурного содержания зооморфизмов представляется интересным описание языковых символов, стереотипов, эталонов, включающих зоонимы. Так как все эти ментальные структуры представляют собой окультуренные объекты, они причастны к культуре и обозначены в языке. Окультуренные смыслы в своей совокупности и образуют коды культуры. Любой культурный код предполагает наличие определенной семантической нагрузки, наличие маркеров, которые не каждый раз дешифруются носителем языка, а усваиваются им не только на основе собственного опыта, но и как унаследованные общенациональным культурным опытом.

Зоонимный код культуры, моделируя языковую картину мира, закрепляется в лексическом, фразеологическом, паремиологическом фонде языка. При передаче смыслов с одного языка на другой сохранение образов и символики, используемые зоонимным кодом культуры, часто становится семантическим камнем преткновения.

Следует обратить внимание на ряд примеров, обнаруживающих совпадения в двух языках на уровне семантики при неполном совпадении плана выражения (проявление так называемой частичной эквивалентности – в терминах транслатологии⁶), но не имеющих аналогий в третьем из сравниваемых языков, в котором им соответствуют нулевые корреляты – лакуны⁷:

– *être heureux (se débrouiller) comme un poisson dans l'eau* (фр.) (букв.: быть счастливым, как рыба в воде) – *как рыба в воде* (рус.) – чувствовать себя совершенно свободно – в кабардино-черкесском языке сравнение не выявлено;

– *faire comme les perdrix* (фр.) (букв.: делать как куропатки) – *джэдум и бзад-жэу щлэхъумэжын* (каб.-черк.) (букв.: как кошка, зарывающая свой помёт) – завуалировать (скрыть) ошибку – в русском языке сравнение не выявлено;

– *recevoir qn comme un chien dans un jeu de quilles* (фр.) (букв.: принимать кого-либо как собаку в игре с кием) – *хъэм пэмышыгын* (каб.-черк.) (букв.: не ровнять с собакой) – *хъыв хъэ ебэнауэ къридакъым* (каб.-черк.) (букв.: не обратил внимание как буйволица на лающую собаку) – принимать плохо кого-либо, ни во что не ставить, относиться безразлично – в русском языке сравнение не выявлено, но существует коррелят: встретить кого-либо в штывки;

– *rester (être) muet comme une carpe* (фр.) (букв.: остаться (быть) немым как карп) – *нем как рыба* (рус.) – молчать, быть молчаливым – в кабардино-черкесском языке сравнение не выявлено, но существует корреляты: 1) в кабардино-черкесском языке – *жъэм къурт (хъэкъурт) жъэдэлыгын* – молчать словно воды в рот набрал (букв.: во рту находится мука из жареной кукурузы); 2) в русском языке – *как в рот воды набрал*;

– *tourner comme un écureuil en cage* (фр.) (букв.: крутиться как белка в клетке) – *крутится (вертится) как белка в колесе* (рус.) – все время двигаться, не сидеть на месте, иметь много забот – в кабардино-черкесском языке сравнение не выявлено.

Сравнительные конструкции *verbum + comme* (фр.) – *хуэдэу* (каб.-черк.) – как (рус.) + *substantiv*, не имеющие параллелей в сопоставляемых лингвокультурах:

– фр.: *arriver comme un chien dans un jeu de quilles* (букв.: прийти как собака в игру с кием) – прийти не вовремя, некстати; *bâiller comme carpe (une huître)* (букв.: зевать как карп (как устрица)) – зевать широко, некрасиво; *bicher comme un pou* (букв.: скакать как вошь) – радоваться, ликовать; *être là comme rat en paille* (букв.: быть как крыса в соломе) – жить припеваючи; *se tordre comme une baleine* (букв.: кривляться как кит) – несдержанно смеяться; *être connu comme le loup blanc (gris)* (букв.: быть известным как белый (серый) волк) – быть известным;

– каб.-черк.: *хьэм пэмыццЫн* (букв.: даже с собакой не сравнить (не ставить) – ни во что не ставить; *маццэ дия хуэдэу* (букв.: как мертвая (замерзшая, застывшая) саранча) – очень медлительный человек, делающий все без желания; *кьуццхьэхьу мэлу тхьэн* (букв.: жить вольготно как овца на горных пастбищах) – жить припеваючи; *жэм кьуэлэным хуэдэу кьыхоц* (букв.: выделяется, как пестрая корова) – известный человек, который на виду; *мэл гьатхэм хуэдэу ягьаишэ* (букв.: откармливают, как осеннюю овцу (на убой)) – живет очень хорошо, в достатке; *хьэ цтауэ цццлэхьуэн* (букв.: побежать, как испуганная собака) – бежать очень быстро; *хьывым еса жэ-мыжь* (букв.: словно корова, привыкшая к буйволу) – быть очень медлительным; *уи хьэм бажэ кьуубыда?* (букв.: твоя собака поймала лису?) – ликовать, радоваться.

Сопоставительное изучение зоонимов разных лингвокультурных сообществ может принципиально обогащать систематику зоонимной лексики, выявляя взаимозависимость между тенденциями развития национальной культуры и национального языка; решение примыкающих к ним смежных проблем продвигают теорию лингвистической концептуализации, что, в свою очередь, повышает объяснительную силу филологического знания.

Представляется что будущее в лингвокультурологии именно в исследовании индивидуальной специфики концептосфер и их взаимодействия.

Именно в сопоставительном исследовании изучении различных лингвокультур заложен основательный фундамент изучения межкультурного взаимодействия концептосфер, что ведёт к межкультурной коммуникации. И не следует думать, что этот фундамент касается лишь взаимодействия конкретных этноспецифических языковых картин мира кабардино-черкесской, русской, французской. Структурная удалённость языков и очевидные культурные различия их носителей позволяют говорить о серьёзном общетеоретическом вкладе сопоставительных исследований в лингвокультурологию.

Изучение и сопоставление разных языковых картин в лингводидактическом аспекте представляет несомненный интерес, в частности, для практики преподавания французского как иностранного для носителей иного языкового сознания (в данном случае кабардино-черкесского и русского).

Зооморфные стереотипы-образы, символы-образы, образы-эталонны во французском, кабардино-черкесском и русском языках, выступая стимулятором эмоциональной реакции, являясь основой экспрессивного значения языковой единицы, отражают особенности коллективного сознания народов, т.е. являются этноспецифичными.

Взаимодействие первичной и вторичной картин мира – это сложный психологический процесс. Поэтому, исходя из цели и задач нашего исследования, мы задаемся вопросом: как и каким представляет себе человек мир животных, сосуществующий с ним рядом, как и с чем ассоциируется этот мир в сознании человека?

Зооморфный код культуры, будучи составляющим языковой картины мира, закрепляется в лексике, фразеологии, паремиологии и, концептуализируя внешний и внутренний мир человека, способствует выявлению универсальных и национально-специфических особенностей.

Культуру этноса формируют многие составляющие, которые определяют неповторимый облик народа. Особое место в этом ряду принадлежит языку. Однако

национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой. Она полнее, богаче, шире и глубже, чем соответствующая языковая. Но именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира, бережно фиксируя, храня и передавая ее из поколения в поколение. Известно, что язык номинирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но, тем не менее, только язык обладает способностью описать тот реальный мир, который окружает человека и в котором живет сам человек.

Примечания

1. Веденина Л.Г. Человек в лингвоэтнокультурном пространстве. М.: ЯСК, 2017. С. 14–18.
2. Гак В.Г. О сопоставительном методе // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. С. 5–17.
3. Голованивская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. Монография. М.: Наука, 1997. 280 с.
4. Калинина А.В. Внутренняя форма идиом русского и французского языков. М.: Инфомедия Паблишерз, 2007. 160 с.
5. Ворокова Н.У. Национальная культура в идиоматике. Нальчик: Полиграфсервис, 2003. 140 с.
6. Кумыкова Д.М. Межъязыковая эквивалентность фразеологических единиц русского и кабардино-черкесского языков // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 2 (33). С. 128–135.
7. Кумыкова Д.М. Лакунарность фразеологических единиц в кабардино-черкесском и русском языках // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 1 (32). С. 71–76.

ZOOMORPHISMS AS A MEAN OF REPRESENTATION OF THE FACTS OF CULTURE IN THE PROCESS OF SECONDARY CONCEPTUALIZATION

Guketlova Fatima Nashirovna, Doctor of Philology, Professor at the Roman Languages Department of the Kabardian-Balkarian State University, fatiguketl@rambler.ru

Sherieva Nina Gumarovna, Candidate of Philology, Senior Researcher at the Kabardino-Circassian language Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», nina.sherieva@mail.ru

The paper touches upon the nation-related specificity of choosing expressive means as a special kind of the nominative strategy for verbalization of human characteristic features, etnospecific prejudices consolidated by zoomorphemic fund of the language.

The paper puts questions related to national specificity of a choice of figurative means – the person in animal morphological units, containing a bright, characteristic and easy reinterpreted significant attribute of the animal behaviour. A zoomorphic code of the culture, allowing us to reveal a system of symbols and standards of national culture, finding reflection in idioms and in paroimia fund of language, reveals specificity of world perception of native speakers and culture. Zoomorphism, receiving a charge of emotion and figurativeness, become widely used in different areas of the communication. However zoomorphic codes, aspiring to preservation of universal features, differ in a national originality. The analysis is based on the material of zoomorphisms in the three languages of different structures.

Keywords: Cultural code, universal code, world perception, a descriptive nomination, animorphological, zoonym, zoomorphism, zoometaphor, system of symbols.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО И СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО: УРОВНИ АНАЛИЗА

Кумыкова (Гучапшева) Элина Тугановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», etkumykova@mail.ru

Кумыкова Дина Мухарбиевна, кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», dina07-09@mail.ru

Гукетлова Фатима Нашировна, доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», fatiguketl@rambler.ru

В статье анализируются подходы и уровни изучения семантического согласования членов адъективно-субстантивного сочетания. Делается вывод о том, что атомизация интенциональных характеристик позволяет более точно определить суть внутрисловных связей и семантических взаимоотношений существительного и прилагательного в атрибутивном словосочетании, выявить механизмы порождения нового смысла, не сводимого к сумме сопологаемых значений его членов.

Ключевые слова: прилагательное, существительное, интенциональные характеристики, семантическое согласование, адъективный, атрибутивное сочетание, компонент значения, внутрисловные связи.

Современная лингвистика наработала значительный и многозначимый корпус работ, связанных с проблемами языковых единиц, их частеречных и иных особенностей, характеристик семантического статуса, определяющих в конечном итоге, по выражению Е.С. Кубряковой, «архитектонику всего дискурса»¹. Вместе с тем и сегодня остаются актуальными слова У. Чейфа о том, что «мы по-прежнему очень мало знаем о природе языка, не смотря на весь тот высокоинтеллектуальный труд, который вкладывается в его изучение на протяжении длительного времени»².

Неудивительно в связи с этим, что проблема семантики, в частности, атрибутивных сочетаний, значения прилагательного в составе атрибутивного словосочетания и его семантического взаимодействия с существительным не теряет актуальности и исследовательской привлекательности.

Неугасающий интерес современной лингвистики к семантическим характеристикам единиц, больших, чем слово, установлению смысловой взаимосвязи между их компонентами в синтагматическом плане определяется многоплановостью как самих этих связей, так и сложностью и многомерностью языковых механизмов их актуализации.

Актуальная проблематика изучения семантических процессов «сложения смыслов», вызывает особенный интерес в рамках разработки закономерностей «семантической» и «лингвистической комбинаторики»³.

Но если сфера действия семантико-комбинаторных правил обычно строго очерчивалась уровнем лексико-семантических вариантов – интенционалов – сочетающихся слов, рассматриваемых как целостные единицы, то определенное

смещение фокуса и выведение его на уровень компонентов их значений с последующим описанием различных семантических конфигураций этих компонентов, позволяет четче очертить контуры самих этих конфигураций, выявить закономерности семантической комбинаторики прилагательного и существительного, точнее и более объективно определить их. Подобный подход посредством детализации интенциональных характеристик открывает таким образом возможности не только для описания ситуаций их семантического варьирования, но, что более значимо – для проникновения в глубинную структуру происходящих семантических процессов взаимодействия прилагательного и существительного.⁴

Кроме того, оказывается, что при определенных особенностях семантической организации как самого прилагательного, так и существительного возникают условия, предопределяющие формирование различных категории прилагательных. При этом данные категории не носят статус имманентного свойства последних как таковых, но обладают характером трансцендентности и, актуализируясь, способны свободно перетекать из одной категории в другую – в зависимости от набора семантических признаков конститuentов адъективно-субстантивного сочетания.⁵

Говоря об актуализированном значении прилагательного, мы имеем в виду как случаи «относительной актуализации» (терминология А.А. Уфимцевой (1986)) в составе атрибутивных словосочетаний, взятых из словарей, так и полную абсолютную актуализацию прилагательного в составе речевых единиц (из художественной литературы, контекста высказывания) (триаду «виртуальный – относительно расчлененный – абсолютно актуализированный» словесный знак как отращение гносеологической триады «общее – особенное – единичное»)⁶.

Предположения о неоднозначности комбинационного рисунка, наличии разнообразия семантических связей в разных типах атрибутивных словосочетаний, интуитивно ощущаемые различия, побуждают исследователей все чаще обращаться к их анализу, ставя при этом перед собой самые разные задачи. Так, например, для целого ряда структурных типов определительных словосочетаний было замечено несоответствие семантико-грамматических отношений между определяемым и определяющим их трактовке как предметно-признаковых. Отношения между определяемым и определяющим в словосочетаниях, подобных парам *золотая медаль – золотой медалист*, не равнозначны с точки зрения иерархии и структуры их семантического порождения. Словосочетания рода *золотой медалист, серебряный призер* строятся на своеобразном трехчлене, где осмысленность базируется на исходном определительном сочетании *золотая медаль*, главный член которого вошел в качестве производящей основы в определенный член результирующего словосочетания.

Центр внимания исследователей все больше смещается в русло так называемого семантического направления, когда предметом анализа становится прежде всего семантическая организация именной группы – смысловые отношения между ее компонентами (рассматриваемые под разными углами зрения). Довольно интересные данные получены в результате выявления характера зависимости между семантической организацией, языковым оформлением и функционированием именных групп на основе анализа их пропорциональных структур. Обоснованность такого подхода, рассмотрение семантических отношений прилагательного и существительного как результата определенной пропозиции, обусловлена особенностями атрибутивной конструкции, которую неоднократно определяли как «свернутую пропорциональную номинацию»⁷ или «косвенную номинацию»⁸, что берет начало в высказываниях А.И. Смирницкого о скрытой, имплицитной предикативности атрибутивных словосочетаний.

Успехи, достигнутые в изучении характера семантической взаимосвязи компонентов адъективно-субстантивных словосочетаний в терминах семантического синтаксиса, позволившего эксплицировать логико-семантическую структуру этих сочетаний, стимулируют попытки применения подобного приближения и

полученных при этом результатов для объяснения самых различных языковых данных, что, впрочем, не всегда оправдывает себя.

Целям преодоления определенных трудностей, детерминированных и предопределенных некоторой ригидностью логико-синтаксического ракурса при описании всего многообразия вариативности прилагательных, послужило изучение свойств имени прилагательного как функционально-семантически обусловленных сущностей.⁹

Не вызывает сомнений плодотворность исследований, опирающихся при анализе языковых единиц, при изучении закономерностей их сочетаемости на выделение в структуре значения слова более мелких компонентов. Атомизация семантического наполнения прилагательного выявляет качественную неоднородность его компонентов, которая предстает в исследованиях в виде вариаций таксономий, описывающих разнопорядковость семантических компонентов в зависимости от ракурса их рассмотрения.¹⁰ Подобный инструментарий позволяет выявить, в частности, механизм совместимости определяемого и определяющего в их минимальных синтагмах, механизм содержательного варьирования прилагательных и решить ряд других проблем, связанных с изучением значения прилагательного при его функционировании в речи.

Лингвостатистические исследования сравнительными методами количественной лингвистики продемонстрировали, что семантическая сочетаемость в гораздо большей степени, чем лексическая, диагностирует и парадигматические отношения между словами, установленные с помощью компонентно – статистического анализа словарных дефиниций.¹¹

Таким образом, можно сделать вывод, что атомизация интенционального наполнения, описание особенностей атрибутивной характеристики, рассматриваемой в отношении значения, взятого не как целого, а как отдельно его составляющих качественно неоднородных элементов, оказывается плодотворным для решения задач, связанных с описанием и анализом семантических конфигураций сопологаемых языковых сущностей, характером взаимоотношения семантики прилагательного и определяемого существительного, выявления глубинного семантического процесса, порождающего наличие актуальных закономерностей адеквативно-субстантивного взаимодействия.

Примечания

1. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. М., 2004. С. 228.
2. *Чейф У.* Значение и структура языка. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1975. С. 91.
3. *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. Изд. 2. М.: Либроком, 2009. 169 с.; *Никитин М.В.* Рекуррентные синтагмы структурного типа «прилагательное+существительное» в современном английском языке. Калинин, 1974. 113 с.
4. *Кумыкова Э.Т.* К семантической корреляции прилагательного и существительного. Вопросы английской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. Пятигорск, 1994. С. 12–19; *Кумыкова (Гучапиева) Э.Т., Кумыкова Д.М.* К опыту исследования семантических особенностей адеквативно-субстантивных словосочетаний. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–2 (58). С. 108–110; *Кумыкова (Гучапиева) Э.Т., Кумыкова Д.М.* К определению семантического статуса прилагательного. Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems, № 11 (55), 2015. С. 236–245; *Кумыкова (Гучапиева) Э.Т., Кумыкова Д.М.* Динамический аспект семантической соотносительности прилагательного и существительного. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5–3 (59). С. 106–108; *Кумыкова Э.Т., Кумыкова Д.М.* О генезисе атрибутивности // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. 1994. № 1. С. 76–78.
5. *Кумыкова Э.Т.* Об «ингерентных/неингерентных» прилагательных в аспекте позиционно-семантической обусловленности. Сб. научных трудов. Нальчик, 1997.

6. Уфимцева А.А. Лексическое значение. М.: Наука, 1986. С. 69.
7. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. С. 146.
8. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977. С. 244.
9. Bolinger D. Attribution and Predication // *Lingua*. 1967. Vol. 18. № 1. P. 1–34; Bolinger D. Adjective position again // *Hispania*. Wallingford – Appleton, 1972. Vol. 55. № 1. P. 91–94; Teysier J. Notes on the Syntax of the Adjective in Modern English // *Lingua*. 1968. Vol. 10. № 3. P. 210–233; Givón I. Notes on the Semantic Structure of English Adjectives // *language*: Baltimore, 1970. Vol. 46. № 4. P. 816–837; Харитончик З.А. Прилагательное: Значение, словообразование, функции: дис. ... д-ра. филол. наук. Минск, 1986. 356 с.; Warren B. Classifying Adjectives. Goteborg, Sweden, 1984 / Review // *Lingua*; 69, № 1/2, 1989.
10. Маргалитадзе Т.Д. Структурно-семантические характеристики многозначных прилагательных как номинативных единиц современном англ. яз.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1982. 23 с.; Герман И.И. Семантика атрибутивных словосочетаний в современном англ. языке (На материале сочетаний со стержневыми именами деятеля с суффиксом -e): дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 199 с.; Огородникова Е.В. Коммуникативный тип значения слов и словосочетаний, обозначающих лицо в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 202 с.
11. Левецкий В.В. Семасиология. Изд. 2. 2012. 672 с.

SEMANTIC INTERACTION OF THE ADJECTIVE AND THE NOUN: LEVELS OF ANALYSIS

Kumyкова (Guchapsheva) Elina Tuganovna, Candidate of Philology, ass. Prof., Foreign Languages Department of Kabardino-Balkarian State University, etkumyкова@mail.ru

Kumyкова Dina Mukharbievna, Candidate of Philology, Ass. Professor, Academic secretary of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», dina07-09@mail.ru

Guketlova Fatima Nashirovna, Doctor of Philology, Professor at the Roman Languages Department of the Kabardian-Balkarian State University, fatiguketl@rambler.ru

The article analyzes the levels and approaches to the semantic coordination in the attributive collocations. It is concluded that the semantic characteristics' atomization makes it possible to more accurately determine the essence of the intraword and semantic relationships of the noun and the adjective in the attributive phrase, to reveal the mechanism for generating a new meaning that is not reducible to the sum of the associated meanings of its members.

Keywords: adjective, noun, intraword, interaction, attributive combination, meaningful component, semantic matching.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-86-89

ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ТРАГЕДИИ «АРТУТАЙ» А. ТЕППЕЕВА

Сарбашева Алена Мустафаевна, доктор филологических наук, доцент, зав. сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», alenasarb@mail.ru

В статье рассматривается историко-документальная основа трагедии «Артутай» А. Теппеева как средство расширения художественных возможностей отражения заметных страниц этнической истории и воссоздания объективной картины изображаемой эпохи, психологического облика известных личностей в народе, каковым является балкарский князь Артутай Айдаболов – прототип главного героя одноименной драмы, а также определяется степень соотношения документальных фактов и художественного вымысла в произведении.

Ключевые слова: литература, конфликт, герой, история, документ, трагедия.

Как показывает опыт многонациональной литературы, зачастую объектом художественного осмысления, изображения в художественной словесности являются заметные страницы народной истории, реальные исторические личности. Многие талантливые писатели в своем творчестве пытались представить жизнь в историческом и современном многообразии. В них пробуждался постоянный интерес к народной истории, духовным истокам. Созданные ими произведения, будь то роман, поэма или пьеса, имели определенное преимущество перед историческими сочинениями. Если задача историка заключается в том, чтобы передать «что было», то «драматический поэт показывает то, как было, он переносит зрителя на самое то место действия, делает его участником события»¹.

Обращение писателей к исторической тематике – работа сложная, предполагающая тщательное изучение материала и всех источников, непосредственно его касающихся, «это смелый вымысел на основе знания фактов, это своя художническая концепция»². Вопреки строгим канонам художественного творчества, «принцип слепого следования истории» (Б. Лавренев) может привести к созданию хроникальных, схематичных произведений. В этой связи авторы в процессе создания произведений сталкиваются с определенными трудностями, и в частности, для них одним из главных является вопрос развития характера исторической личности, перспективное решение его судьбы.

В балкарской литературе конца XX – начала XXI века актуализируется историческая тематика. О расширении творческих интересов национальных авторов свидетельствуют многоплановые полотна, в которых объектом художественного осмысления являются события далекого прошлого. К примеру, историко-событийную основу романа Э. Гуртуева «Шамсудинни кьаласы» (Крепость Шамсудина, 1983) составляет период XII–XIII веков. Как писатель-историк, не остается равнодушным к этнической истории и М. Кучинаев, что нашло отражение в романах «Уллу Малкьар» (Большая Балкария, 1991), «Кюн Балалары» (Дети Солнца, 1997), поэме «Сказание об аланах» (1994). Тематический и временной диапазон

освещения пройденных этапов в истории народа в творчестве последнего широк: борьба алаано-скифских племен в VI веке до н.э., социальный, политический и культурный аспекты жизни Балкарии XIX–XX веков.

Обращаясь к заметным страницам этнической истории и создавая образы известных личностей, писатели строго соблюдают историческую точность. Так, на основе исторического факта строится социально-психологическая трагедия А. Теппеева «Артутай» (1999). Время, к которому обращается драматург (XVII век), было озаменовано для России и кавказских народов вступлением в новую стадию истории, наполнено богатым и разнообразным смыслом взаимоотношений между русским и многонациональным населением Кавказа. Как свидетельствуют научные источники, означенный период в судьбе балкарского этноса был отмечен установлением русско-балкарских отношений. «Непосредственные связи русских людей с Балкарией завязываются в 1650-е годы благодаря развитию русско-грузинских отношений и освоению перевального пути через горы Большого Кавказа в Имеретию»³.

Следует отметить, что в трагедии «Артутай» драматург умело создает исторические реалии. Вместе с тем он избегает подробного описания некоторых деталей, не относящихся к магистральной сюжетной линии. Таковым, к примеру, является эпизод, имеющий место в хронике исторических событий: «в 1651 г. через Верхнюю Балкарию в Грузию, к царю Имеретии Александру шло посольство русского царя Алексея Михайловича. Московские послы Н.С. Толочанов и А.И. Иевлев дважды проезжали через территорию балкарцев (их называли «болхарами») и две недели гостили у балкарских князей Айдаболовых в Верхней Балкарии. Послов радушно встречал, а затем снабдил провиантом, вьючными животными и проводниками балкарский князь Артутай Айдаболов»⁴.

С другой стороны, писатель не игнорирует определенные факты, изображение которых способствует созданию объективного исторического фона. Например, в первой части трагедии «Артутай» А. Теппеевым в качестве действующих лиц привлечены известные исторические личности, такие как Теймураз I – царь грузинского государства, Давид Гелатели – верховный князь Имеретии, Кара-Мусса – придворный певец-импровизатор, Артутай Айдаболов – верховный князь Балкарии.

Смелое обращение писателя к страницам далекой истории обусловлено духовными потребностями современности и необходимостью художественного осмысления нравственных ценностей прошлых столетий. В драме «Артутай» исторические события тесно переплетаются с судьбами ее персонажей. Умение драматурга показать в неразрывном единстве общественную и личную жизнь героев сыграло определяющую роль в структуре пьесы, придало ей композиционную стройность.

В центре внимания автора три главных героя: князь Тенгиз и два его сына – Артутай и Жантукай, что объясняется попыткой драматурга осмыслить целый ряд конфликтных линий. Так, в пьесе переплетены конфликт стержневой – исторический, основу которого составляют преобразования в религиозной сфере; конфликт личности и общества; «конфликт отцов и детей».

Впервые в истории Балкарии главный герой пьесы Артутай представляет свой народ перед русским царем Алексеем Михайловичем. Как было отмечено выше, драматург не следует исторической хронике событий. Очищая пьесу от характерных фактов, он стремится к раскрытию социально-исторических обстоятельств. Автор сознательно упускает из виду сцены пребывания Айдаболова-младшего в Москве. Однако через реплики своих персонажей писатель дает возможность читателю представить «пропущенные» картины. Например, Лука, русский умелец, ремесленник, которого с собой привез в Балкарию Артутай, рассказывает: «Его величество Алексей Михайлович принимал представителей многих стран. Однако Артутай ему больше всех понравился. И сегодня удивляюсь, откуда у Артутая столько мудрости, человечности, чтобы быть наравне с царем?..»⁵. Со слов

героя, московский царь в знак уважения в качестве подарка преподнес молодому балкарскому князю соболью шубу. В действительности этот факт имел место, что подтверждается соответствующими источниками. Как свидетельствуют исторические документы, в 1658 году в Москву направлялось посольство во главе с грузинским царем Таймуразом для налаживания русско-грузинских связей. Путь Таймураза пролегал через Балкарию, где к его свите примкнула балкарская депутация во главе с уже упомянутым князем Артутаем Айдаболовым. В Москве он был радушно принят и наравне с Таймуразом вознагражден подарками в 40 соболей. Артутай пробыл в Москве около года⁶.

Домосковский и постмосковский периоды в жизни Артутая, его отца и брата – два полярных круга, которые формируют сюжетную канву в первой и второй частях трагедии.

Чувство изображаемого времени у А. Тепеева определяет глубину раскрытия конфликта. В динамике событий автор прослеживает эволюцию мировоззрения главных действующих лиц пьесы, что свидетельствует, несомненно, о художественной состоятельности произведения.

В первой части трагедии мир героев проникнут мотивами язычества. «Странно, что народ может отвернуться от своих богов», – удивляется Артутай. Младший брат Жантукай придерживается тех же норм, которые исповедовали издавна его предки, родители. «Для нас нет большей религии, чем родительское благословение»⁷, – говорит он. Но постепенно духовное единство балкарского общества начинает рушиться. Единая вера определяла целостность общества. Нарушение такой основополагающей ориентации в жизни народа составляет основу конфликта пьесы.

Во второй части трагедии Тенгиз и его сыновья занимают противоположные позиции: Жантукай обращается в мусульманство, посещает мечеть; Артутай проповедует христианство, занимается строительством церкви. Факт того, что Артутай придерживался христианской религии, в исторических источниках подтверждается соответствующими документами. Согласно одному из них, датированному 1653 годом, «имеретинский царь Александр приглашал русских послов Жидовинова и Порошина посмотреть, «как он будет крестить Женбулата сына Балкарского владетеля: Айдарболова» (Айдаболова – авт.)»⁸.

Князь Тенгиз враждебно относится к религиозным убеждениям сыновей, отстаивает свои взгляды. Несмотря на это, в его лице драматург персонифицирует нравственное начало, народную мудрость. Жизненный принцип князя основан на понятиях справедливости и равенства. В своем завещании Тенгиз призывает сыновей к единству и дружбе. Однако в связи со сложившимися историческими обстоятельствами последние нарушают священный наказ отца. После возвращения из Москвы Артутай придерживается русской ориентации не только в определении религиозной направленности в балкарском обществе, но и в плане просвещения, налаживания политических и экономических отношений с другими странами. В трагедии «Артутай» религиозная норма соединяется с пафосом социальным, государственным.

Благородство и величие Артутая сказываются в самоотверженном служении передовому. И в этом он проявляет упорство («Мой народ примет лишь христианскую религию... Будем познавать астрономию, историю...»⁹). Через религиозное учение он ищет путь к просвещению: просвещение и христианство для Артутая однозначны. Как говорит один из персонажей пьесы – Тарох, «религия Артутая – это просвещение, а это значит свобода, независимость». Политическая дальновидность главного героя выражается в его стремлении просветить народ, что может обеспечить ему выход на историческую арену.

Идея самоотверженной, бескомпромиссной борьбы за высокие идеи – сюжетный стержень трагедии.

Не только для главного героя трагедии характерно желание приблизить Балкарское общество к цивилизации. Жажда познания нового, неизведанного мира, что за цепью гор, расширения пространственных (географических) реалий испытывают и другие действующие лица трагедии. Для многих жителей аула выход за пределы малой родины есть выход к цивилизации. К примеру, для сестры Темирболата, который отправляется в составе делегации в Москву, большой праздник: брат привезет ей в подарок зеркальце, о котором она так долго мечтала. По-своему стремится «к свету» младший брат Артутай – Жантукай. Для него проводником в мир просвещения является миссионер Кази-Мубарик, распространяющий учение об исламской религии.

В пьесе «Артутай» очевидны тенденции углубления психологического анализа. Динамика характеров определяется синтезом внутренних и внешних побуждений, психологических и социальных причин. А. Теппеева интересуют внутреннее состояние героев, смена их противоречивых настроений. Изображая духовные драмы и перипетии в жизни действующих лиц пьесы, автор стремится показать обусловленность судьбы человека внешними обстоятельствами, а также спецификой его желаний и действий.

Для драматурга важен не только подвиг Артутая – приблизить к цивилизации свой народ, но и отношение общества к его идее, которое предстает как активная социальная сила, направленная против его действий.

Трагизм главного героя А. Теппеева в том, что он опережает свое время, что выражается в репликах Луки и других персонажей: «Ты шагаешь впереди своего времени. А таким люди не прощают»¹⁰; «Слишком спешишь», – признается Артутая любимая супруга Кученей¹¹; [близкий друг Кара-Мусса обращается к нему со словами]: «Сотни лет существует язычество. Не так легко тебе будет утвердить в сознании людей неверие в него»¹².

Стремление Артутая вывести народ из тьмы к просвещению, культурному росту встречает сопротивление общественной среды. «Кто-то должен принести себя в жертву, чтобы вывести народ из темноты», – говорит герой трагедии¹³. Артутай, действующий «с чрезвычайной энергией и интеллектуальной остротой» (В. Волькенштейн), вступает в борьбу, которая впоследствии приобретает трагический характер.

Артутай нетерпим к представителям полярной стороны. («[Артутай]: Кончилось мое терпение! Хотелось по-доброму все сделать. Не получается. Моя правда воспринимается неверно. А если так... Всяким уловкам – отпор... Языческие боги! Я объявляю вам войну»¹⁴). Объявив войну языческим богам, Артутай совершает трагическую ошибку. Как верно говорит Кара-Мусса, «в этой войне он без войска». Его вина в том, что он спешит. Артутай в поисках истины совершает непоправимое: со своими единомышленниками (Арчил, Эртуу) свергает святой камень Тейри, которому поклонялись его соплеменники. Артутай утверждает, что полной победы можно добиться через образование, просвещение, и тем самым предпринимает в своих действиях поспешные меры. Однако, несмотря на предупреждения родных и друзей, Артутай одержим собственной идеей. Он неумолим, и вопреки уговорам Кара-Муссы, Луки, Кученей не торопит события, вопреки собственным сомнениям, преследующим его, Артутай одержим идеей самоотверженной, бескомпромиссной борьбы.

«Трагический герой взрывает устоявшиеся границы возможностей человека и выдвигает новую мораль. Это герой порыва, устремленного в грядущее. Он идет по переднему краю борьбы человечества, и на его плечи ложатся наибольшие трудности, на его – сердце – наибольшие испытания»¹⁵. Подобная характеристика применительна к герою А. Теппеева. Однако, в отличие от некоторых трагедийных произведений, в которых смерть героя вселяет надежду в людей, в «Артутай», напротив, активная деятельность героя вызывает негодование среди

основной массы. Источником трагической «ошибки» Аргутая являются его свободные и независимые действия вопреки внешним обстоятельствам. Принимаемые им решения, «его энергия и неукротимая воля – все это воплощает новый тип человеческого сознания»¹⁶. Новаторство А. Теппеева в трактовке трагического выражается в конкретизации общественной ответственности личности перед историей.

В трагедии «Аргутай» мотив трагического, в отличие от традиционного, обрастает новыми нюансами. Аргутай проявляет активность по отношению к внешним обстоятельствам, которые враждебны страсти героя. Общественный фактор способствует раскрытию характера героя. Однако он не определяет мотивацию его поступков, ибо причина в нем самом, в его характере – Аргутай внутренне свободен: он продолжает действовать даже тогда, когда осознает неизбежность своей гибели. Вместе с тем он представлен драматургом не как обреченная личность, а как герой, самостоятельно действующий в соответствии со своими принципами, передовыми идеями. Таким образом, в трагедии утверждается активность человека и свобода его воли. «Сталкиваясь с грозным состоянием мира, своей борьбой и даже гибелью герой совершает прорыв к более высокому, более совершенному состоянию»¹⁷.

Объективное изображение событий и характеров (в лице главного действующего лица трагедии), когда герой А. Теппеева по-своему прав и располагает широкими возможностями для «аргументации» своей позиции, неизмеримо повышает силу эстетического и нравственно-этического воздействия трагедии. Драматург, изображая противоречия, основанные на религиозной почве, ни в кой мере не умаляет позитивную значимость христианства и мусульманства в судьбах людей, не оскорбляет религиозные чувства представителей этих конфессий. История Аргутая реально имела место в жизни балкарского общества: она и легла в основу драматургического произведения.

Примечания

1. *Основин В.В.* Русская драматургия второй половины XIX века. М.: «Просвещение», 1980. С. 36.
2. *Лавренив Б.* Опыт работы над исторической пьесой // О труде драматурга. М.: Государственное издательство «Искусство», 1957. С. 67.
3. История КБАССР. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 129.
4. *Айдаболов И.* Славные потомки Басията [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar/359225/> (дата обращения: 20.09.2017).
5. *Теппеев А.* Аргутай: Трагедия // Минги-Тау (Эльбрус). 1999. № 2. С. 48.
6. Балкария и Карачай в XV–XVII вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://assia.info/history/history/item/389-balkariya-i-karachaj-v-xv-xvii-vv.html> (дата обращения: 20.09.2017).
7. *Теппеев А.* Аргутай: Трагедия // Минги-Тау (Эльбрус). 1999. № 2. С. 128.
8. Балкария и Карачай в XV–XVII вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://assia.info/history/history/item/389-balkariya-i-karachaj-v-xv-xvii-vv.html> (дата обращения: 20.09.2017).
9. *Теппеев А.* Аргутай: Трагедия // Минги-Тау (Эльбрус). 1999. № 2. С. 161.
10. Там же. С. 155.
11. Там же. С. 169.
12. Там же. С. 180.
13. Там же. С. 170.
14. Там же. С. 167–168.
15. *Борев Ю.* Эстетика. М.: Издательство политической литературы, 1988. С. 494.
16. *Костелянц Б.О.* Драма и действие. М.: Издательство «Совпадение», 2007. С. 61.
17. *Борев Ю.* Эстетика. М.: Издательство политической литературы, 1988. С. 76.

HISTORICAL AND DOCUMENTARY BASIS OF THE A. TEPPEEV'S TRAGEDY «ORTUTAY»

Sarbasheva Alena Mustafaevna, Doctor of Philology, Assistant Professor, Head of the Sector of the Karachay-Balkar Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», alenasarb@mail.ru

The article discusses the historical and documentary basis of the A. Teppeev's tragedy «Ortutay» as a means of expanding artistic possibilities of reflection of visible pages of ethnic history and recreate an objective picture of the era depicted, the psychological appearance of famous personalities in people, which is Balkarian Prince Ortutay Agabalov – the prototype of the hero of the drama, and also determines the degree of correlation of documentary facts and fiction in the work.

Keywords: literature, conflict, character, story, document, tragedy.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-90-95

ЛИРОЭПОС: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПОЭМЫ)

Узденова Фатима Таулановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», uzdenova_kbigi@mail.ru

Статья посвящена исследованию лирического эпоса, процессов его формирования и развития в литературах народов Северного Кавказа. В результате анализа фактического материала выявлены особенности данного образования: организующая роль лиризма в эпическом отражении действительности, лирический герой как структурообразующее начало, преломляющее в личностном сознании событие, «первооснову» эпоса, адекватная форма воплощения поэтической художественной мысли XX столетия.

Ключевые слова: лирический эпос, лиризм, эпичность, жанр, северокавказская литература, поэма.

Формирование лирического эпоса пришлось на начало XX столетия и ознаменовало собой качественно новый этап в развитии многонациональной литературы. Проникновение лирики в эпос выявило закономерности литературного развития, обусловленные «нарастанием личностного начала в художественной словесности...»¹.

Впервые обозначение «лирический эпос» было употреблено критиком Георгием Якубовским (1929), усмотревшим в нем «особую форму взаимопроникновения в поэзии события, мысли, чувства»². Оформление понятия «лирический эпос» как литературоведческой категории совпадает с развернувшейся в 1969 году дискуссией о правомерности употребления термина «лирический герой». В художественной системе лироэпоса лирический герой выступает структурообразующим началом, преломляющим в своем личностном сознании событие, «первооснову эпоса». «Категории лирического эпоса и лирического героя, – пишет С. Коваленко, – взаимосвязаны и вызревали одновременно в художественном мире русской поэзии, хотя терминологически оформились в разное время»³. Роль взаимодействия субъективного начала и объективной действительности в процессе возникновения новых жанровых образований отмечалась в трудах В.Г. Белинского, А.Н. Веселовского, Л.Я. Гинзбург, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума и др. Исследования генезиса лирического эпоса, проблем типологии, его различных жанровых модификаций нашли отражение в работах и северокавказских ученых-литературоведов: А.И. Караевой, З.Х. Толгурова, Ф.А. Урусбиевой, Х.И. Теунова, А.Х. Хакуашева, А.А. Схалыхо, К.Г. Шаizzo, А.Ю. Абдуллатипова, Ч.С. Юсуповой, Ш.А. Курмангуловой, Ю.М. Тхагазитова, А.М. Казиевой, Р.А. Ахмедовой и др.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что при всей значимости лирического, или субъективного, начала в лироэпосе не лирика подчиняет себе эпос, а «эпос вбирает в себя лирическую стихию, изыскивая новые возможности воссоздания эпических микрокартин»⁴. В последнее время все чаще высказываются соображения в пользу тезиса о целесообразности определения «функциональных» возможностей (лирического и эпического), обеспечивающих эстетическое

единство и целостность восприятия художественного произведения. «В анализе лиро-эпических произведений следует особое внимание уделять не разграничению эпических и лирических начал, а их синтезу в рамках одного художественного мира... Повествовательная речь легко и неприметно переходит в речь экспрессивно-лирическую, повествователь и лирический герой – неразделимые грани одного и того же образа. Поэтому – и это очень важно – лиризмом проникнуто и повествование о вещах, о людях, событиях, мы чувствуем интонацию лирического героя в любом текстовом фрагменте поэмы (поэма «Анна Снегина» – Ф.У.)»⁵.

На наш взгляд, рассмотрение данного видообразования в плоскости соотношения его компонентов, т.е. определения главенствующего признака, «задающего» тон произведения, представляется вполне оправданным. Иногда событийная основа «инертна» и ценность произведения достигается «голосом» лирики. В случае, если сюжетная канва «самодостаточна», а лирика выполняет эстетическую роль, лидерство эпоса также не вызывает сомнений. Понятно, что вышесказанное относится больше к «паспорту» лиро-эпического (или – эпико-лирического) образования и для выявления художественной привлекательности и значимости самого произведения не является принципиальным. В этом смысле мы согласимся с мнением Есина А.Б. о важности поиска не разграничительного, а «синтезирующего» критерия.

Двуплановость изображения человека (в поступках и в переживаниях), сюжетность и стихотворная форма являются устойчивыми признаками лироэпоса. В силу наличия сюжета можно говорить о жанрово-видовых различиях (преимущественно по типу эпического жанра): *роман в стихах, поэма, баллада, басня*. (Определение «эпос», «эпопея» возникает в русской литературе уже в 20-е годы XX в. в применении к поэнным формам).

Общеизвестно, что лироэпическая поэма получает свое стартовое развитие в творчестве В. Маяковского. Как оппозиция к «поэме-канону» И. Сельвинского возникает «поэма-монолог», в которой «я» или лирический герой выступает в роли объективированного героя (принцип «центростремительной тяги, которую имел в виду О. Мандельштам, размышляя о структуре «романа-биографии»⁶). Маяковский определяет социально-активный характер лирического героя, тем самым утверждая новое качество лиризма, его «организующую роль»⁷ в эпическом отражении революционной эпохи.

В национальных литературах Северного Кавказа он (лироэпос) также реализуется преимущественно в крупной жанровой форме – поэме. Из видового многообразия особенно активны лирико-публицистическая, социально-философская, лирико-драматическая поэмы. В тематическом плане самую большую группу составляют поэмы с национально-исторической проблематикой.

Лироэпическая поэма означенного региона стала интенсивно развиваться с первых дней своего возникновения (еще в дооктябрьский период) в творчестве классиков национальных литератур – К. Мечиева, Б. Пачева, И. Казака, Али Шогенцукова, Г. Цадасы, А. Салаватова и др.

В поэме К. Мечиева «Раненый тур» тревога за настоящее и будущее народа ведет поэта к доподлинно реалистическому изображению обстоятельств жизни горцев, бедного сословия. Символический образ раненого тура, преследуемого кровожадным волком, – образ угнетенных масс. Поэт молит о том, чтобы нашелся добрый охотник, который, подобно бедняку Хашиму, пожалевшему тура, избавил бы его народ от оков. Философские размышления поэта занимают главное место в поэме. Именно в них особенно проявилась лирическая природа таланта художника. Выразитель гуманистических идей, он призывает своих земляков к просвещению, ибо путь к свободе – через преодоление политической отсталости, через «понимание истин эпохи»⁸. Судьба поэта осмысливается в единстве с судьбой народа («Ой, мой бедный народ! / В лишениях живешь, / Словно раненый тур. / Все

твои тяготы / Видит бедный Кязим. / Обливаясь кровью, сердце / Горькие стихи слагает...». *Подстр. пер. – Ф.У.*

Антитетические и сопоставительные характеристики (*раненый тур – охотник – волк*), лирические отступления, символика, тропы служат средствами глубокого раскрытия характеров персонажей (главы 3–4). «Совершенная по своему композиционному решению, сюжетному построению... – пишет один из первых исследователей творчества К. Мечиева А. Теппеев, – она (поэма – Ф.У.) знаменует собой переход к новому эстетическому качеству – масштабному художественному обобщению жизни народа, рождению реалистического лироэпического жанра в балкарской поэзии»⁹.

Лироэпическую традицию, начатую К. Мечиевым, продолжает его соотечественник А. Будаев поэмой «Раньше» (1939–1940). «Раньше» во многом перекликается с романом в стихах кабардинского поэта Али Шогенцукова «Камбот и Ляца». Лирическим накалом и экспрессией отмечены сцены, в которых раскрывается нравственная сущность человека, его скрытая внутренняя сила – сила духа. В образе Камбота сконцентрированы лучшие черты представителя черкесского народа, демонстрирующего отвагу, благородство, готовность постоять за честь любимой девушки, за независимость своего народа в борьбе против турецко-крымской агрессии. Под стать ему и Ляца, кроткая и нежная. В последнюю минуту трагедии героиня полна решительности, отбросив робость, она бросает вызов феодалу:

Махашоко, Махошоко!
Кровью ты сумел упиться,
Мужа ты заснуть заставил,
Что ж, палач, кончай работу!
Или ты меня оставил
Плакальщицей по Камботу?

«Камбот и Ляца»

Противопоставление светлой самоотверженной любви миру «деспотизма и тирании» – традиционный сюжет в молодой литературе Северного Кавказа. Он разрабатывался К. Мечиевым («Бужигит»), Х. Кадиевым («Мухтар»), Р. Гелеевым (драма «Кровавый калым»), А. Уртенковым («Сафият») и др. Обреченность, крушение счастья Камбота и Ляцы, как и Жагафара и Жансурат, – типичная для эпохи крепостничества социальная драма.

Новые требования к осмыслению сложных исторических, социально-нравственных проблем в 30-е годы формировали «социалистическое мировоззрение» писателей; многие из них отражали непосредственно свое отношение к происходящим событиям. Постепенно поэма становится, по справедливому утверждению А.-К. Абдуллатипова, «олицетворением монументальной эпической лирики, в которой от эпоса – большая историко-социальная значимость содержания, широта и обобщенность охвата действительности, от лирики – внутреннее, душевное, проникновенное, взволнованное и глубоко личное переживание этой действительности»¹⁰.

На пути к более плотному сближению лирики и эпоса в северокавказской литературе стояла кумыкская поэзия. Лироэпическая поэма А.В. Сулейманова «Победившая любовь» («Уьст болгъан сююв») является крупным поэтическим произведением с усложненной структурой. (В 1924 году она вышла под названием «Заманны адатлары» («Адаты времени»); в 1934 году – «Оьтген гюнлер» («Минувшие дни»); в 1960 – «Уьсть болгъан сююв» («Победившая любовь»). В характерной для данного жанрообразования манере раскрыт сюжет, связанный с историческими событиями в Дагестане, отдельными героями (Емельяном Пугачевым, Степаном Разиным, Уллубием Буйнакским и др.), их судьбами. Наряду с изображением

революционной борьбы автор развивает и другую тему, не менее важную в раскрытии эпического содержания произведения и актуальную по своей проблематике – это борьба женщины-горянки против невежества и деспотизма. Тема реализуется показом взаимоотношений Батыра и Аминат, Атая и Асият. Глава «Любовь» является своеобразным лирическим вступлением в повествование. В поэтической ткани произведения множество лирических «инкрустаций» (песен, пожеланий, монологов). К примеру, письмо Батыра, написанное любимой, – это лирический монолог-признание:

Привет тебе, лучезарная любимая,
Душевный друг мой, от сердца моего, полного любви!
Нет у меня больше сил,
Милая, на тебя с тоскою смотреть издалика¹¹.
Подстр. пер. Р. Ахмедовой

Даже трагическая гибель Асият воспринимается лишь событийным элементом, *инициирующим* эмоционально-лирические переживания читателя. Асият просит не плакать над «опозоренной», не ронять «честь» матери, позволившей убить дочь за то, что та полюбила Атая.

Таким образом, мы можем констатировать, что в лироэпосе 30–40-х годов получает развитие социально-философская поэма, отмеченная значительностью проблематики, разработанностью сюжета, стремлением автора увидеть философские проблемы бытия в общественных коллизиях.

Социально-философская поэма сохраняет свои позиции и в последующие десятилетия, профессионально очерчиваясь в творчестве северокавказских поэтов – балкарца Б. Гуртуева («Жулдузхан»), кумыка А. Аджаматова («Рабият»), аварца Р. Гамзатова («Горянка»), карачаевки Д. Мамчуевой («Мурат бла Зумрат») и др. В них звучит тот же мотив, что и в поэмах предыдущих лет – судьба женщины... Путь от использования традиционных к созданию новых национально-самобытных образов, воплощающих черты «новой действительности» и «нового человека», совпадает с путем от абстрактной символики и риторики к конкретному изображению. Это путь, как заметил В. Гоффеншефер, «к мастерству и реалистическому совершенству»¹².

Наибольшего расцвета достигает лироэпическая поэма в 60-е годы. С формированием целостного взгляда на жизнь меняется и характер лирического героя: установка на цельность, глубокая философичность, осознание своей ответственности за судьбу народа, планеты подняли ее на качественно новый уровень. Этот период в истории литературы ознаменован началом формирования принципа историзма.

Богатство и разнообразие северокавказской поэзии позволяет нам рассматривать лироэпическую поэму данного периода в наиболее распространенных жанровых разновидностях – эпико-героическая, героико-биографическая, лиро-публицистическая, социально-философская.

В тематическом плане самую большую группу составляют поэмы с национально-исторической проблематикой.

«Горскую поэму о Ленине» К. Кулиева называют венцом творчества писателя и ярчайшим образцом лироэпического жанра в балкарской литературе. Поэма основана на воспоминаниях и раздумьях поэта, пропущенных через образ лирического героя, его переживания и эмоции. По точному определению Т. Эфендиевой, «Горская поэма о Ленине – это эпическое описание судьбы балкарцев и взволнованная лирика – голос души поэта»¹³.

Отражение жизни общенародной и личной в едином ключе мы находим и в других лироэпических поэмах К. Кулиева – «Завещании» и «Перевале». Героическое содержание воздействует на структурные особенности. Подвиг является идейной

и композиционной вершиной, кульминацией¹⁴ (Азрет, расплатившийся своею жизнью, для спасения двух других («Перевал»); или Азамат из поэмы К. Кулиева «Знамя», укрепивший на Эльбрусе знамя Отечества). Героическому содержанию наиболее адекватна эпическая, повествовательная форма. Но в данном случае не менее наглядна мощная связь героического с лирическим; героика воплощена в эпико-лирической поэме, где «авторский лиризм эмоционально усиливает изображение событий и характеров»¹⁵. Надо сказать, трагика войны и героизм ее участников – самая масштабная тема в произведениях послевоенной поры («Залихат» Х. Байрамуковой, «Кырлу» С. Капаева, «Знамя» К. Кулиева и др. (по типу: «Лиза Чайкина» М. Комиссаровой, «Зоя» М. Алигер, «Сын» П. Антокольского). «Начинался сложный драматический процесс перехода чисто эмоционального и иллюстративного изображения военной действительности – к ее анализу, к социально-историческому и философскому осмыслению»¹⁶. И в этом ни один другой жанр не давал художнику таких широких возможностей для творческих исканий, как лироэпос.

Современная лироэпическая поэма строится на несколько иных принципах художественного воплощения, что обусловлено, прежде всего, философской интерпретированностью авторской мысли вкупе с динамично развивающимися реалиями жизни. Настойчивое стремление уйти от привычных образных рядов, конкретики, ритмических и лексических канонов обнаруживается в почерке современных поэтов, свидетельствуя о глубине мироощущений, новаторстве в подходах – *информативно-структурном* и *ритмико-синтаксическом* – к осмыслению классического для северокавказской поэзии эмоционально-смыслового пространства.

Таким образом, история северокавказской поэмы свидетельствует, что создание лирического эпоса оказалось наиболее плодотворным фактором развития поэзного мышления. И связано это было, прежде всего, с рождением «нового, социально активного»¹⁷ типа художника, способного на развернутое изображение человеческого характера в единстве с обстоятельствами и историческим процессом. Изучение же лирического эпоса как системы ценностей, выявление объективной художественной закономерности в истории развития жанра на материале творчества северокавказских поэтов позволило сделать вывод, что эта форма сыграла свою историческую роль в литературе XX столетия.

Примечания

1. Коваленко С.А. Художественный мир советской поэмы. М.: Наука, 1989. С. 3.
2. Там же. С. 5.
3. Там же. С. 7.
4. Там же. С. 26.
5. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2000. 248 с. URL: <http://bookucheba.com/teoriya-literaturyi-istoriya/liroepika-15420.html> (дата обращения: 26.02.2015).
6. Мандельштам О.Э. Конец романа // Мандельштам О. Слово и культура. М.: Сов. писатель, 1987. С. 74.
7. Арутюнов Л.Н. Егише Чаренц и опыт Маяковского // Маяковский и проблемы новаторства / отв. ред. В.О. Перцов. М.: Наука, 1965. С. 286.
8. Толгунов З.Х. Движение балкарской поэзии. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 97.
9. Тепеев А.М. Кязим Мечиев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 79.
10. Абдуллатипов А.Ю. Поэтическое творчество Темирбулата Бейбулатова: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1969. С. 177.
11. Ахмедова Р.А. Жанр поэмы в кумыкской советской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1988.
12. Гоффеншефер В.Ц. Традиционный образ и современность // Сборник статей о кабардинской литературе. Нальчик: Книгиздат, 1957. С. 275.

13. Эфендиева Т.Е. Поэмы Кайсына Кулиева. Нальчик: КБГУ, 1979. С. 23.
14. Узденова Ф.Т. Карачаево-балкарская поэзия: к типологии жанра // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С. 198.
15. Жаков А.Г. Современная советская поэма. Минск: Изд-во БГУ, 1981. С. 37.
16. Тепеев А.М. Литература периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 143.
17. Лурье А.Н. Поэтический эпос революции. Л.: Наука, 1975. С. 203.

LYRIC EPOS: FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT (on the material of the North Caucasian poem)

Uzdenova Fatima Taulanovna, Candidate of Philology, Senior Staff Scientist of the Sector of Karachai-Balkar Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», uzdenova_kbigi@mail.ru

The article is devoted to the lyrical epos study, processes of its formation and development in the North Caucasus literature. As a result of analysis of the actual material, the peculiarities of this genre formation are revealed: the organizing role of lyricism in the epic reflection of reality, the lyrical hero as a structure-forming beginning, the refracting in the personal consciousness event, the epos «base», the adequate form of the 20th century poetic artistic thought embodiment.

Keywords: lyric epos, lyricism, epic, genre formation, North Caucasian literature, poem.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-96-101

НОВЕЙШИЕ АНГЛИЦИЗМЫ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Харатокова Марьят Губедовна, доктор филологических наук, профессор, Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая Академия, mariath-aratokova@yandex.ru

Хапсиорокова Лилия Мухарбиевна, аспирантка Карачаево-Черкесского государственного университета им. Умара Алиева, danka280212@gmail.ru

В данной статье путем анализа абазинской литературы предпринята попытка осветить тенденции обогащения лексического состава абазинского языка благодаря заимствованиям из английского языка. Поскольку подобные слова проникают в абазинский язык через посредство русского языка, выстраиваются трехсоставные сравнительные ряды: исходная (английская), русская и абазинская формы одного и того же слова.

Ключевые слова: абазинский язык, англицизмы, ретлянслятор, общественно-политический, экономический, технический

Английский язык уже в течение нескольких веков является одним из самых распространенных в мире. Особенно его позиции укрепились в XX веке, когда он фактически приобрел статус языка-лидера в международном общении. Англицизмы во все возрастающем масштабе проникают во все языки мира, в том числе и в северокавказские языки. Мы хотим продемонстрировать место английских слов в нашем регионе на примере абазинского языка. Тенденции рассматриваемого явления в принципе одинаковы не только для северокавказских, но и всех других языков бывшего Советского Союза. Интернациональные слова они все брали из одного источника – русского языка. Соответственно многие англицизмы проникли в указанные языки в расшифрованной форме.

Ниже представленные слова из различных сфер жизни вошли в абазинский язык в начале XX века через русский язык – ретранслятор:

общественно-политические термины: блокада, бойкот, вердикт, детектив, джентльмен, диспетчер, доминион, интервью, клуб, концерт, лорд, митинг, полисмен, пресс-конференция, репортер, стандарт;

спортивные термины: баскетбол, боксер, волейбол, гол, голкипер, жокей, пас, пенальти, рекорд, рекордсмен, ринг, спорт, спортсмен, старт, теннис, финиш, футбол, хоккей;

экономические: импорт, экспорт;

технические: бульдозер, комбайн, лифт, миксер, револьвер, танк, танкер, трактор, трамвай, троллейбус, туннель (тоннель), форсунка, экскаватор, контейнер;

термины из области животного мира: бульдог, горилла, гризли, динго, кенгуру, мустанг, пони;

термины из области архитектуры и строительства: блок, коттедж, парк, сквер, холл;

термины из области питания: вегетарианство, виски, грейпфрут, кекс;

названия тканей и одежды: вельвет, джемпер, джерси, пижама, плед, пуловер, свитер;

термины из других областей: никель, юмор, юморист, джунгли, джаз, айсберг, пемза, клоун, шквал, фольклор.

Некоторые из заимствованных слов приобрели абазинскую языковую форму: *боксер-боксерква, гол – голква; рельс-рельсква, джип-джипква, компьютер-компьютерква, футбол – футбольна, волейбол-волейбольна, трактор-тракторна, трамвай – трамвайна, троллейбус – троллейбусна.*

Процесс заимствования английских слов можно разделить на несколько этапов, каждый из которых характеризуется своими специфическими чертами.

Анализ англицизмов в обиходной речи 50–70-х годов XX века показал, что этот период характерен тем, что большую часть заимствованной лексики составляют технические, общественно-политические и экономические термины.

Приведем примеры англицизмов данного периода:

джип, дисплей, компакт-диск, компьютер, лазер, тостер, транзистор, фен, клип (техническая терминология);

имидж, импичмент, пресс-секретарь, регион, репринт, рэкет, хиппи, хулиган (общественно-политическая терминология);

бартер, маркетинг, менеджер, менеджмент, шоу-бизнес (экономическая терминология);

армреслинг, аэробика, спидвей, тайм, тайм-аут, фристайл, яхтсмен, буги-вуги, диско, мюзикл, рок-н-ролл, твист, шейк, шоу, поп-музыка, дог, радар, фарадей, бифштекс, джем, кока-кола, крекер, пепси-кола, ром, тост, джинска «джинсы», мини, мохер, пиджак, сафари, дизайн, рельс, супермен, стресс, продюсер, сериал, триллер, уик-энд, хобби, бармен, керосин, комикс, клипска «клипсы».

Отдельные слова подвергаются изменениям, подчиняясь абазинской грамматике. Например, слово «хиппи» – неизменяемое существительное в русском языке. Однако в абазинском имеет форму множественного числа – «хиппиква», которая не соответствует форме множественного числа в английском языке – «хиппиз».

Вышеперечисленные термины грамматически осваиваются и широко используются в разных сферах жизни. Но на данной ступени развития социума нельзя говорить о полном лексическом освоении в абазинском языке этих заимствованных слов.

Ряд англицизмов второй половины XX века адаптируются, получая абазинское оформление (компьютер «компьютерква», пиджак «пиджаква»).

Ниже приведены новейшие заимствования, вошедшие в обиход абазинского языка в последние годы. В это время больше заимствовано общественно-политической, экономической и технической лексики, как и в предыдущие периоды, например:

общественно-политическая лексика: джентельмен, киллер, компетенция, митингова, авеню, рокер, уайт хаус, органайзер, эксклюзив;

экономическая лексика: аудит, аудитор, брокер, ваучер, ноу-хау, таймер;

техническая лексика: дискета, картридж, компакт-дисплейер, курсор, маркер, мышь, спрей, транслятор;

лексика из других сфер жизни: спид, кетчуп, скотч, креативна, паркинг, пент-хауз, постер, экшен, лунапарк и др.

Для полной адаптации новых слов в абазинской среде требуется время, так как значения многих слов остаются неустойчивыми и продолжают получать новые коннотации.

В ряде слов при переходе в абазинский язык сохраняется звуковой образ оригинала, например: *джунгли, айсберг, авеню, маркетинг, сафари.*

При проведении анкетирования у жителей абазинских поселений по знанию англоязычных заимствованных слов (мониторинг, маркетинг, спикер, брокер, менеджер и др.) было выявлено, что лексемы, наиболее часто встречающиеся в печатных изданиях, не всегда знакомы носителям языка. Слово «мониторинг» было известно подавляющему большинству опрошенных респондентов, благодаря частому употреблению слова в публицистике, на телевидении и в детективной

литературе, в экономике и статистике: его значение точно определили 55 (28%) человек, приблизительно – 107 чел. (51%), лишь 38 чел. (21%) вовсе не знали значения термина.

Всего лишь 50 (25%) человек из 200 опрошенных неверно сформулировали значение слова «маркетинг»; верное объяснение данного значения показали 100 (50%) человек, и 50 (25%) не смогли объяснить значение этого слова.

В связи с этим можно прийти к выводу, что данные слова могут уже считаться вошедшими в лексику абазинского литературного языка, так как в процессе анкетирования выявлено, что значения этих слов в устной речи могут сформулировать не менее 50% опрошенных.

Изданный одним из соавторов данной статьи Словарь англоязычных заимствований в абазинском языке¹ показывает, что заимствование западноевропейской лексики становится одним из самых активных процессов в лексике абазинского языка.

Необходимо заметить, что фонетически измененное английское слово по-разному фиксируется словарями. Некоторые слова считаются вошедшими в систему абазинского языка и включены в Абазинско-русский словарь², например: *аэробика*, *бампер*, *банджо*, *абанкнотква* «банкнота», *бар*, *абизнес* «бизнес», *блокада*, *бриджква* «бриджи», *абосс*, *аброкер* «брокер», *абульдодг* «бульдодг», *абункер* «бункер», *аваучер* «ваучер», *авокзал* «вокзал», *атроллейбус* «троллейбус», *чемпион* и другие.

Однако большое количество англоязычных слов, активно используемых носителями абазинского языка не упоминаются ни в одном из словарей данного языка. Например: *армрестлинг*, *джокер*, *диленква*, *ленч*, *рейтинг*, *супервизор* и другие.

Входящие в последние годы в обиход заимствования через средства массовой информации подвергаются изменениям согласно абазинской грамматике. Но на ярлыках, вывесках, торговых знаках, логотипах они, как правило, написаны в русифицированной форме, что способствует вхождению в абазинскую речь именно в таком виде.

Ниже даются англоязычные заимствования в абазинском языке в сопоставлении с английскими и русскими формами.

№ п/п	Абазинский язык	Английский язык	Русский язык
1	баскетбол баскетбол топ баскетбол команда	basket-ball basket-ball basket-ball team	баскетбол баскетбольный мяч баскетбольная команда
2	блок	block	блок
3	блокада	blockade	блокада
4	бокс боксла й чемпиону	box box champion	бокс чемпион по боксу
5	боксер боксер наптараква	boxer bgloves	боксер, боксерский боксерские перчатки
6	бункер	bunker	бункер, бункерный
7	веранда	veranda	веранда
8	вокзал	vauxhall	вокзал
9	волейбол волейбол топ волейбол хар	volley-ball volley- ball volley-ball net	волейбол, волейбольный волейбольный мяч волейбольная сетка
10	джаз джаз оркестр джаз музыка	jazz jazz band jazz band	джаз, джазовый джазовый оркестр джазовая музыка

11	диспетчер	dispatcher	диспетчер, диспетчерский
12	доминион	dominion	доминион
13	импорт импорт хIпчып	import import goods	импорт, импортный импортные товары
14	интервью	interview	интервью
15	катер	cutter	катер
16	каучук каучук цIшы	caotchouc caotchouc sole	каучук, каучуковый каучуковая подошва
17	клуб кыт клуб клуб нхагIв	club village club club worker	клуб, клубный сельский клуб клубный работник
18	комбайн комбайн агрегат	combine combine unit	комбайн, комбайновый комбайновый агрегат
19	кроссворд кроссворд асра	cross-word to do cross-word puzzle	кроссворд решить кроссворд
20	парк	park	парк
21	рейд	raid	рейд
22	рекорд рекорд ргылра рекорд ласыра	to achieve a record record speed	рекорд, рекордный поставить рекорд рекордная скорость
23	рекордсмен рекордсменка	record-holder	рекордсмен рекордсменка
24	рельс рельс мIва	rails railway	рельс, рельсы, рельсовый рельсовый путь
25	репортер репортер заметка	reporter reporter's note	репортер, репортерский репортерская заметка
26	сейф айха сейф	safe iron safe	сейф железный сейф
27	спорт спорт зал	sport sport hall	спорт, спортивный спортивный зал
28	спортсмен	sportsman	спортсмен, спортсменка
29	стандарт тды	standard house	стандартный дом
30	стенд книга стенд	stand a book stand	стенд книжный стенд
31	танк танк полк	tank tank regiment	танк, танковый танковый полк
32	теннис теннис асра теннис корт	tennis to play tennis tennis court	теннис, теннисный играть в теннис теннисный корт
33	трактор трактор парк	traktor traktor park	трактор, тракторный тракторный парк
34	трамвай трамвай нквцагIв трамвай билет	tramway tramway driver tramway ticket	трамвай, трамвайный водитель трамвая трамвайный билет
35	троллейбус троллейбус гIашласырта	trolley-bus trolley-bus stop	троллейбус, троллейбусный троллейбусная остановка
36	туннель	tunnel	туннель, туннельный
37	фольклор фольклор гIвыраква	folk-lore folk-lore texts	фольклор, фольклорный фольклорные тексты

38	футбол футбол асра футбол гвып	football to play football football team	футбол, футбольный играть в футбол футбольная команда
39	хоккей хоккей асра хоккей команда	hockey to play hockey hockey team	хоккей, хоккейный играть в хоккей хоккейная команда
40	хулиган хулиган чпаща	hooligan hooligan action	хулиган, хулиганский хулиганский поступок
41	чек чек книжка	chek chek-book	чек, чековый чековая книжка
42	чемпион хъыпарала чемпион адуней ачемпион акъраль ачемпион	champion jumping champion world champion champion of country	чемпион чемпион по прыжкам чемпион мира чемпион страны
43	экскаватор	excavator	экскаватор
44	экспресс	express	экспресс
45	яхта яхт клуб дзыгІв яхт-клубква	yacht yacht-club river's yacht club	яхта, яхтенный яхт-клуб речные яхт-клубы

Примечания

1. *Харатокова М.Г.* Словарь англоязычных заимствований в абазинском языке. Черкесск: Изд-во ГОУ ВПО «СКГГТА», 2011. 134 с.

2. Абазинско-русский словарь / под ред. В.Б. Тугова. М.: Из-во «Советская энциклопедия», 1967. 536 с.

THE LATEST ANGLICZISM IN THE ABAZA LANGUAGE

Kharatokova Maryat Gubedovna, doctor of philology, professor of North-Caucasian State Humanitarian and Technological Academy, mariatharatokova@yandex.ru

Khapsirokova Liliya Mukharbievna, Graduate Student of Karachay-Cherkessia State University Named after Umar Aliyev, danka280212@gmail.ru

In this article, by analyzing the Abazin literature, an attempt has been made to highlight the tendencies of enriching the lexical composition of the Abaza language thanks to borrowings from the English language. As such words penetrate the Abaza language through the medium of the Russian language, three-part comparative series are formed: the original (English), Russian and Abazin forms of the same word.

Keywords: Abaza language, anglicisms, retranslator, socio-political, economic, technical.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-102-106

СВИДЕТЕЛЬСТВА ТОТАЛИТАРНОГО ПРОШЛОГО

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», kbigi@mail.ru

Рецензия на книгу «Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940 гг.). Историко-архивные материалы и воспоминания» / Автор-составитель Шапарова А.К. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 824 с.

Новое издание, увидевшее свет в 2017 г., представляет собой сборник воспоминаний, документов, песен-плачей (гъыбзэ), фотоматериалов, отражающих один из трагичных периодов новейшей истории черкесов. Проблематика книги, заявленная в ее названии, отражает новый подход к осмыслению жизни социума в условиях тоталитаризма. Все мы знаем о массовых репрессиях чеченцев, ингушей, крымских татар, балкарцев и других народов СССР. Однако репрессии черкесов исследуются в контексте истории республик и отдельных районов РФ, где они собственно и проживают (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Адыгея, Моздокский район Северной Осетии, Лазаревский район Краснодарского края), что не передает общей картины, масштаба постигшей народ катастрофы. Название же рецензируемого труда – «Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940 гг.)» отражает в полной мере суть происходивших событий, подчеркивая, что черкесы, это один народ, с общей судьбой, понесший в ходе красного «революционного» террора и сталинских репрессий серьезные потери в демографии, экономике, социальной структуре, духовной и культурной сферах.

Стоит отметить, что эти потрясения по своим последствиям ненамного уступают катастрофе периода Кавказской войны. В. Кажаров писал по этому поводу: *«Царская Россия, подвергнув адыгский народ геноциду, а затем установив жесткую систему колониального господства над его остатками, меньше всего думала об их просвещении. Но при всем при этом она не вторгалась в жизненно важные сферы их традиционной культуры. Советская же Россия активно занималась «просвещением» кабардинцев, используя его как средство разрушения их традиционной культуры и приобщения к культуре доминирующего этноса с последующим их растворением в его составе»*¹. Попытки черкесского социума противостоять такой политике естественно имели следствием жесткие репрессивные действия. О судьбе тех, кто противостоял или же олицетворял собой это противостояние и рассказывается в составленном А. Шапаровой сборнике.

С сожалением приходится констатировать, что современное российское общество как на уровне политических элит, так и в сознании обывателя до сих пор не выработало адекватного отношения к своему тоталитарному прошлому, формально осудив его, но в то же время, пытаясь найти в нем позитивные моменты, оправдывая массовые репрессии государственной необходимостью. В этом отношении книга Шапаровой А. К. как раз и подталкивает наше общество к адекватному восприятию прошлого.

В современной Германии немецких школьников возят в созданные на территории бывших нацистских концлагерей мемориальные комплексы, где они

могут прочувствовать глубину человеческой и государственной жестокости. Это важная воспитательная мера, предупреждающая о недопустимости повторения гитлеровских преступлений. Подобных объектов, но отражающих уже преступления сталинизма (за исключением мемориала жертвам политических репрессий), в Кабардино-Балкарии нет. Поэтому знакомство с изданным А. Шапаровой сборником для местных школьников и студентов, да и для всего общества, поверхностно знакомого с тоталитарной эпохой и не осознающего глубины ее трагизма в судьбе отдельного человека и всего народа в целом, являясь экскурсом в один из самых сложных периодов истории России, имеет такое же значение, как и посещение нацистских концлагерей немецкими подростками.

Наиболее эмоциональная часть книги – раздел, вобравший воспоминания репрессированных и их родственников, проживающих как в России, так и за ее пределами. Здесь помимо изложения событий, непосредственно связанных с репрессивными действиями – аресты, лишение имущества, расстрелы, лагеря, ссылки, преследования, ущемления гражданских прав, перед читателем предстает картина жизни наших соотечественников, вынужденных оказаться за пределами своей исторической родины, – в Азербайджане, Дагестане, Чечено-Ингушетии, Дагестане и т.д. Здесь образовались, своего рода, черкесские микро диаспоры, изучение которых еще только предстоит. А между тем, как явствует из содержания сборника, «черкесские изгнанники» периода тоталитаризма достойно проявили себя в различных сферах жизнедеятельности тех республик и городов, где волею судьбы обрели свою вторую родину.

Поскольку мы знаем из опыта составления мемуарных сборников по истории революции и социалистического строительства в Кабардино-Балкарской республике о подгонявшихся под идеологические требования свидетельствах, приукрашивании отдельных эпизодов и демонизации противников советской власти, то, естественно, могут возникнуть вопросы относительно достоверности, приведенных в настоящем издании фактов. Нет ли теперь «перегиба» в другую сторону, не пытаются ли очевидцы, пострадавшие от действий той власти, имеющие к ней обоснованные претензии и вынужденные молчать долгое время о пережитом, излишне драматизировать свои лишения и в понятном стремлении обличить своих гонителей (конкретных личностей и систему в целом) неосознанно или же намеренно исказить какие-либо факты?

На этот счет не может быть опасений. Соотнесение приведенных в сборнике сведений с документами той эпохи, с западными и современными отечественными исследованиями, напрямую или косвенно затрагивающими период тоталитаризма в СССР не оставляют сомнений в исторической достоверности рецензируемой работы. К тому же, последняя подкреплена значительным массивом архивных материалов. Вобравший их в себя раздел данного сборника представляет самостоятельную ценность. Здесь приведены скан-копии фальсифицированных судебных приговоров, в отношении «врагов» народа, писем, оказавшихся в тюремном изоляторе людей, многочисленные документы, отражающие их жизнь в местах ссылки. Интерес представляют материалы по реабилитации репрессированных, отражающих стремление людей восстановить свое честное имя, а также бюрократически осложненный процесс возвращения в историю подвергшейся гонениям черкесской политической, интеллектуальной и духовной элиты, процесс, в котором непосредственное участие принимает по сей день составитель данного сборника.

Конечно же нельзя не отметить подборку уникальных фотографий, составивших отдельный раздел книги и как бы визуализирующих описанные в ней события. На фотопортретах, спешно взятых их владельцами в момент изгнания, сохраненных на чужбине с риском быть арестованными, – лица людей, судьбе которых посвящен этот сборник.

«Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940 гг.)» – несомненно, актуальная для современного социума книга. По объему материала, фактологии, впервые введенных в научный оборот сведений из биографий репрессированных черкесских просветителей, фольклорных материалов она вызовет интерес как в научной среде, так и у широкого читательского круга.

Примечания

1. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 58.

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Latest History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», kbigi@mail.ru

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Узденова Фатима Таулановна, к.ф.н, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», uzdenova_kbigi@mail.ru

Рецензия на монографию Биттировой Т.Ш. «Карачаево-балкарская духовная литература: рукописное наследие». – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Духовное наследие – основа традиционной морали и этики народа. В современных условиях угрозы унификации культурных и цивилизационных традиций фундаментальное, всестороннее изучение его представляется весьма актуальным. Основу любой культуры составляет система категорий, в которую входят фундаментальные мировоззренческие структуры. Эти категории, как правило, универсальны, аккумулируют и транслируют накопленный поколениями социальный опыт и детерминируют функционирование программ жизнедеятельности. Поскольку «каждая из культур (цивилизаций)... имеет свой особый генотип и внутреннюю логику развития»¹, то и процесс формирования смысловых структур основывается на закономерности, которая действует только в пределах данной культуры. В этом смысле необходимость определения «базиса этнокультуры» как важнейшего «предпосылочного» фактора своеобразия и уникальности обуславливает закономерность обращения исследователя к данной проблематике.

В рецензируемой работе предпринята попытка освещения не только литературного аспекта духовной культуры этноса, но и историко-религиозного фона, вне которого невозможно исследование специфики ранних форм и типологии литератур тюркских народов Северного Кавказа, в частности генетически близких – карачаевцев и балкарцев. От схоластики к новому методу обучения («Низам сохтачылык»), и далее – к арабописьменным рукописям («дефтеры») – таков диалектический путь исследовательской мысли, осложненный задачей оформления жанровой парадигмы духовной литературы (прозаические жанры: *ууз*, *фатыа*, *дуа*, *тафсир*, агиографическая проза, религиозно-дидактическая поэзия: мунажат, ийман-ислам, зикиры, молюды).

В контексте заявленного широкого освещения получает мусульманство, его кораническая основа. «Весь период становления ислама характеризуется неустанным стремлением улучшения методики преподавания основ ислама, обучения Корану»². Исследователь отмечает специфику воздействия ислама на духовную культуру балкарцев и карачаевцев: «Принимая мусульманство, они осваивали как достижения мусульманской культуры, так и священный для всего мира арабский язык. Это создало условия для проникновения в словарный состав карачаево-балкарского языка многочисленных арабизмов»³.

Достоверно (с опорой на архивные источники и привлечением фактического и литературного материала) исследованы проблемы зарождения и становления ислама, процесс паломничества в конце XIX – начале XX века, деятельность религиозного просветительства. Обширный историко-культурный экскурс не создает ощущения размытости границ исследуемой проблемы, а напротив – создает «базу» для глубокого осмысления творчества прогрессивных деятелей религиозного просвещения – С. Чабдарова, И. Акбаева, Л. Асанова и др., что, собственно, и является объектом исследования во второй главе. Неоспорим тот

факт, что просветительство в истории становления и развития духовной культуры Карачая и Балкарии, впрочем, как и других этносов Северного Кавказа, сыграло свою позитивную роль; во многом оно стало идеологической программой для представителей малых народов. Исследователем поэтапно рассматривается процесс эволюционирования системы духовного образования на Северном Кавказе, отмечается вклад основателя новометодного учебного заведения в Крыму, Бахчисарае, известного деятеля культуры и просвещения тюркских народов Измаил-бея Гаспринского. В школе И. Гаспринского обучались многие будущие деятели национальной культуры народов Северного Кавказа, Поволжья, Дагестана, среди них И. Акбаев, У. Алиев, С. Шахмурзаев. Всех их объединяло желание преобразовать схоластическую школу, приблизить ее к светской, оставаясь на позициях религиозного просвещения. Помимо преподавательской (в примечетских медресе) они вели большую культурную работу – были первыми авторами учебных программ, учебников, методических пособий, переводчиками как религиозной, так и беллетристической литературы с арабского, издателями газет и журналов. «В Кабардино-Балкарской автономной области отношение населения к нововведениям социалистического строительства, которые не затрагивали религиозных чувств, на первых порах было достаточно лояльным. В советский период многие деятели, в том числе восточноориентированного просветительства, активно включаются в процессы ликвидации безграмотности и создания учебных заведений нового типа, надеясь на сохранение мусульманских школ»⁴. Однако в условиях новой идеологии деятельность мусульманских просветителей была ограничена, а их имена преданы забвению. В этой связи глубокое всестороннее изучение деятельности религиозных просветителей представляется весьма важной и актуальной задачей.

Ценность представляют и выходы исследователя на многие гуманитарные дисциплины (языкознание, фольклористика, история, этнология, культурология и др.), анализ концептуальных учений отечественной и зарубежной науки, что позволяет объективно исследовать эволюцию национального мышления, генетический аспект формирования этноэстетической среды карачаевцев и балкарцев, процессы взаимодействия с другими системами.

Композиционно работа состоит из введения, где широко трактуются предпосылки создания духовной литературы (историко-культурный контент), ее истоки (фольклорные или анонимные авторские произведения как образцы религиозной литературы периода ее становления, дефтери (в них зафиксировано жанровое многообразие духовной литературы: зикири, дуа-молитвы, моулюды и др.), четырех глав, в которых исследуются проблемы мусульманского просвещения, этнокультурные параметры и художественно-стилевые особенности жанров духовной литературы, заключения, библиографии, приложения. В качестве основных в работе используется сравнительно-типологический, герменевтический методы исследования, что убеждает нас в научной состоятельности и мотивированности основных ее положений.

Одной из самых удачных представляется четвертая глава монографии, цельная по содержанию, стилистически выдержанная – «Жанровые и внутрижанровые формы духовной литературы». Определение жанрового своеобразия той или иной литературы является одной из сложнейших проблем литературоведения (в силу нечеткости и зыбкости жанровых и внутрижанровых границ). Более или менее полное разрешение она получила в исследованиях, касающихся социалистического периода развития национальных литератур и последних десятилетий XX столетия. Заслуга исследователя в том, что, обработав колоссальный текстологический материал (добытый, преимущественно, в архивах и экспедициях) она сумела выявить и обозначить основные тенденции и вектор развития духовной литературы карачаевцев и балкарцев, исследовать ее жанровый состав с позиции устойчивого

функционирования исламской эмблематики. «Особенности развития духовной литературы было предопределено сложностью теологической ситуации в Карачае и Балкарии, а также уровнем развития национальной лироэпики, – отмечает исследователь. – В XVII веке мусульманская религия и культура начинают вытеснять из художественного сознания балкарцев и карачаевцев христианские и языческие представления⁵ («Доисламская религия балкарцев и карачаевцев представляла собою сочетание трех различных элементов: древних тюркских верований, древних кавказских верований, христианства»⁶). «Поскольку тенгрианская концепция о Боге стремилась к единобожию, то тюркским народам несложно было интегрировать свои представления в исламское понятие о Всевышнем. Гибкость ислама, допускающего тафсиры, и монотеистическая направленность тенгрианства предопределили переход предков карачаево-балкарцев, как и многих тюркских народов, после ослабления позиций христианства, к мусульманству»⁷. Дополнительно приводятся рассуждения автора о необходимости облачения основных постулатов ислама «в привлекательную художественную форму»⁸.

К несомненным достоинствам работы следует отнести хорошее владение исследователем методами текстологического, концептологического анализа; при декодировке «констант национальной духовности» исследователь обращается к этнофольклорной традиции не только карачаево-балкарцев, но и тюрков, привлекает исследования историков, этнологов, философов в вопросах генезиса составляющих «этнической ментальности», трансформации архетипов в сознании народа.

В целом монография Т. Биттировой представляет собой композиционно стройную, логически завершенную работу, содержащую ряд обоснованных выводов и инновационных воззрений на теоретическую и практическую суть проблемы. Работа выполнена методически грамотно, задействован весь инструментарий научного арсенала (проблемно-концептуальный подход, текстуальный анализ). Она представит несомненный интерес для любой читательской аудитории: от широкого круга специалистов – филологов, культурологов, историков до всех, кто интересуется вопросами духовности и духовного наследия карачаево-балкарского и других народов Северного Кавказа.

Примечания

1. *Кессиди Ф.Х.* Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 77.
2. *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарская духовная литература: рукописное наследие. Нальчик: Печатный двор, 2006. С. 104.
3. Там же.
4. *Базиева Г.Д.* Национальные элиты Российской империи. Нева, 2012. № 7. С. 174.
5. *Биттирова Т.Ш.* Указ. соч. С. 146.
6. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа (на арабском, персидском и турецком языках) / пер., коммент., введение и приложение Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1966. Ч. 2: Надписи XVIII–XX вв. М.: Наука, 1968. С. 131.
7. *Биттирова Т.Ш.* Указ. соч. С. 13.
8. Там же. С. 146.

Uzdenova Fatima Taulanovna, Candidate of Philology, Senior Staff Scientist of the Sector of Karachai-Balkar Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», uzdenova_kbigi@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

3. Статьи должны иметь:

- 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
- 3.2. Акт экспертизы;
- 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
- 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
- 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
- 3.6. Название статьи на русском языке;
- 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;
- 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.

4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

- 1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.
- 2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Усл. печ. л.

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом *К.М. Шомахова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*